

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чемоданов Павел Андреевич

**Стахановское движение в Кировской области
в 1935–1941 гг.**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Бакулин В.И.

Киров – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика стахановского движения 1935–1941 гг.	
1.1. Стахановское движение в контексте общегосударственной политики	34
1.2. Основные этапы стахановского движения в Кировском регионе	62
Глава 2. Экономический и социокультурный аспекты стахановского движения в Кировском регионе	
2.1. Стахановские методы труда на предприятиях	91
2.2. Проблема стимулирования труда в стахановском движении	106
2.3. Местный стахановец как культурно-психологический тип	126
2.4. Феномен антистахановских настроений в трудовых коллективах	143
Заключение	154
Список источников и литературы.....	165
Список сокращений	184
Приложения	186

Введение

Актуальность темы исследования. Россия на протяжении трех последних веков своей истории идет по пути модернизации. Этот процесс для нашей страны отличался сложностью и непостоянством, не в последнюю очередь по той причине, что российская модернизация на всех этапах своего развития носила «догоняющий» (по отношению к странам западной цивилизации) характер. Именно поэтому в истории отечественной модернизации можно выделить эпохи рывков и, напротив, периоды относительного замедления соответствующих перемен в экономике, государственных структурах, общественных отношениях и ментальности широких масс населения. В рассматриваемый период 1935–1941 гг. наша страна продолжала переживать крупнейший с начала XVIII века модернизационный рывок, который в итоге позволил ей перейти в состояние зрелого индустриального общества.

Советский этап модернизации России проходил в сжатые сроки, что задавалось необходимостью подготовки к грядущей мировой войне и являлось вопросом выживания для страны и населявших ее народов. Этим во многом объяснялась насыщенность периода событиями и явлениями, которые кардинальным образом влияли на судьбы миллионов советских людей, их образ жизни, занятия, статус в обществе и мировосприятие. Одним из таких знаковых явлений в жизни страны было стахановское движение.

Оно зародилось в конце августа 1935 г. в Донбассе и за короткий срок приобрело всесоюзный масштаб, став крупнейшей социально-экономической и идеолого-пропагандистской кампанией своего времени. Движение это представляло собой сложнейшее явление эпохи индустриального рывка, характеризующееся совокупностью многочисленных социально-экономических и социокультурных аспектов. Именно поэтому без его изучения в контексте

соответствующей эпохи невозможно осмыслить на должном уровне сущность и своеобразие советской модернизации периода индустриализации страны.

Актуальность ее осмысления задается тем обстоятельством, что современное российское общество находится в положении перехода к очередной, постиндустриальной стадии развития. Подобный переход характеризуется глубокими, нередко радикальными процессами экономической и социальной трансформации. Для того, чтобы они протекали максимально эффективно и с минимальными издержками, необходимо учитывать опыт проведения модернизационных преобразований предшествующей (индустриальной) фазы развития нашей страны.

Для полноценного изучения стахановского движения в контексте «сталинской» модернизации профессиональным историкам еще предстоит проделать значительную работу. На сегодняшний день относительно изучены лишь источники по его истории в крупных промышленных районах 1930-х гг., таких как Донбасс, Москва, Ленинград, Горький, Урал и т. д. Периферийным в промышленном отношении регионам (к которым относилась в те годы и Кировская область) в историографии стахановского движения до самого последнего времени уделялось явно недостаточное внимание. Настоящее диссертационное исследование призвано хотя бы частично восполнить указанный пробел.

Объект исследования: стахановское движение в промышленности и на транспорте Кировской области в 1935–1941 гг.

Предмет исследования: социально-экономические и социокультурные компоненты, достижения и проблемы стахановского движения в Кировской области, рассматриваемые в контексте общегосударственной политики и управленческой деятельности региональных властей.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 31 августа 1935 г. до 22 июня 1941 г. Нижняя граница обусловлена временем возникновения

стахановского движения, верхняя – началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Территориальные рамки исследования включают в себя Кировский край в границах 1934–1936 гг. и Кировскую область в 1936–1941 гг.

За указанный период произошли следующие изменения административно-территориального деления региона. В начале 1935 г. Кировский край состоял из 81 района, включая 27 районов Удмуртской АССР¹. С принятием новой Конституции СССР 5 декабря 1936 г. Удмуртская АССР была выведена из состава Кировского края, одновременно преобразованного в Кировскую область, включившую в свой состав 52 района².

Постановлением Президиума ВЦИК от 22 октября 1937 г. из состава Кировской области в состав Удмуртской АССР были переданы еще четыре района: Воткинский, Сарапульский, Каракулинский и Киясовский. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 января 1941 г. Опаринский район Архангельской области был передан Кировской области. В марте того же года в состав Кировской области вошли еще два района Архангельской области – Лальский и Подосиновский (по указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 марта 1941 г.)³. После этого границы региона оставались неизменными до конца рассматриваемого периода.

С учетом описанных выше территориальных изменений, для удобства изложения в работе использовалось собирательное понятие – Кировский регион, объединяющее Кировский край и Кировскую область.

Степень изученности темы. Историографию исследуемого вопроса целесообразно разделить на отечественную и зарубежную. В рамках первой, в свою очередь, выделяются четыре основных периода:

¹ Карта административных районов Кировского края. Киров, 1935. С. 1.

² Кировская область. Административно-территориальное деление. Киров, 1978. С. 7-8.

³ Административно-территориальное деление Вятской губернии – Кировской области. 1917–2009 гг. Справочник. Киров, 2011. С. 83, 99, 103.

- 1) середина 1930-х – середина 1950-х гг.;
- 2) середина 1950-х – середина 1980-х гг.;
- 3) середина 1980-х – начало 1990-х гг.;
- 4) Начало 1990-х гг. – 2010-е гг.

Первый из выделенных периодов связан с зарождением и развитием стахановского движения. Поэтому публикации о нем, как правило, носили не аналитический, а парадно-пропагандистский характер. Тон в данном случае задавался выступлениями высших партийных и государственных руководителей: И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилова, А. А. Андреева, А. И. Микояна и др.⁴, а также ряда руководителей меньшего масштаба⁵. В упомянутых выступлениях стахановское движение объявлялось проявлением культурно-технического подъема рабочего класса, подчеркивалась его значимость для социалистического строительства и «процесса перехода от социализма к коммунизму». Особый упор делался на характеристику движения как следующего этапа социалистического соревнования и связь стахановцев с новой, полученной в процессе индустриализации, техникой.

Данный период также характеризовался выходом «Краткого курса истории ВКП(б)» – официального учебника партийной истории. Уже в первых его изданиях фигурировало стахановское движение, однако характеристика явления повторяла основные тезисы официальных речей советских руководителей. В «Кратком курсе» давалось определение стахановского движения как «массового движения рабочих и колхозников за повышение норм выработки, за новый

⁴ Сталин И. В. Избранные сочинения. Т. 2. М., 2000. С. 350–366; Молотов В. М. О стахановском движении и культурности рабочего класса. М., 1935; Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 2. М., 1957. С. 725–753; Ворошилов К. Е. За мощное стахановское движение в стране и Красной армии: речь 17 нояб. 1935 г. М., 1935; Андреев А. А. Стахановское движение и наши задачи: Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 24 дек. 1935 г. М., 1936; Микоян А. И. Вопросы пищевой промышленности в связи со стахановским движением: доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 22 дек. 1935 г. М., Л., 1936.

⁵ Каганович М. М. Стахановское движение и задачи командиров тяжелой промышленности: Речь на Совещании хозяйственников, ИТР и рабочих–стахановцев Ленинграда. М., 1935; Косиор С. В. О стахановском движении: Речь на Киевском общегородском слете стахановцев промышленности и транспорта 22 ноября 1935 г. Киев, 1935; Косарев А. В. О задачах комсомола в стахановском движении: Речь на совещании молодых стахановцев в ЦК ВЛКСМ 7 января 1938 г. М., 1938.

подъем производительности труда». При этом делался акцент на успехах социалистического строительства в СССР и энтузиазме передовых представителей рабочего класса и колхозного крестьянства⁶.

Еще одной особенностью этого периода являлось появление большого количества разных по объему научно-технических работ прикладного характера о стахановском движении⁷. Данные труды не являлись историческими по своему содержанию, однако в них давался анализ форм и сущности методов, применяемых стахановцами в процессе трудовой деятельности в разных отраслях и регионах. Актуальность появления подобной литературы была обусловлена текущими социально-экономическими и политическими задачами по широкому

⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 323.

⁷ См. Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. М.; 1940; Стахановское движение и производительность труда. М., 1936; Ааронов Я. М. Стахановцы рыбной промышленности. М., Л., 1935; Генделев Л. М. Стахановские методы в спичечной промышленности. М., 1935; Стахановцы-кривоносовцы железных дорог о методах своей работы. М., 1935; Коротченков Н. И. Кожевники-стахановцы Ленинграда. Л., М., 1935; Гольдгамер А. И. Стахановские школы. М., 1940; Евгеньев Е. Я. За стахановскую работу водного транспорта. М., 1936; Могучее движение советского народа: о стахановских методах работы. М., Куйбышев, 1935; Кузьминов И. И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М., 1940; Бергавинов С. А. Стахановское движение в Арктике и наши задачи: Доклад на Совещании 16 янв. 1936 г. Л., 1936; В помощь стахановскому движению в золотой промышленности: Сборник статей. М., Л., 1938; Вайнштейн А. С. Вопросы стахановского движения в ленинградской промышленности. Л., 1937; Губкин И. М. Геолого-разведочная служба СССР и стахановское движение. Л., 1936; Домбровский А. А. Стахановское движение в прачечных. М., 1937; Ефремов В. С. Новое в стахановском движении: Опыт Кировского завода. Л., 1940; Константинов Д. В. Стахановское движение в полиграфии. М., Л., 1940; Куцовский Ф. В. Стахановское движение на ЗИС. Л., 1936; Лангфанг А. И. Стахановское движение в гражданской авиации. М., 1936; Организация труда в стахановском движении: Сборник ЦИТ. М., Л., 1936; Раздобреев В. И. Стахановское движение и высшая школа. Полтава, 1936; Рубинштейн М. И. Новые формы стахановского движения: Лекция, читан. на Отд–нии экономики и права Академии наук СССР. М., 1940; Саркисов С. Стахановское движение на шахтах Донбасса. Киев, 1936; Сомс К. П. Стахановское движение в зерносовхозах. Орехов, 1936; Стахановское движение в анилиноокрасочной промышленности. М., 1936; Буланже Н. П. Стахановское движение и резервы производительности металлорежущего оборудования. М., 1938; Стахановское движение в станкостроительной промышленности: Сборник Главстанкоинструмента НКТП и ЦК Союза рабочих станкостроительной пром-ти. М., 1935; Стахановское движение в торговле. М., 1936; Стахановское движение и изобретательство. Материалы V расширенного пленума Центр. совета Всес. о-ва изобретателей. М., 1936; Щупов И. Г. Стахановское движение ивановских текстильщиков: ист.-экон. очерк. Иваново, 1951; Москатов П. Г. Стахановское движение – движение масс. М., 1938; Гинзбург М. Г. Стахановское движение и переход к коммунизму. Л., 1940; Селицкий В. Начало стахановского движения в Ленинграде // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 28–56; Бенцман Б. Л., Лурье Б. Е. Стахановское движение и снижение себестоимости на производственной операции. Саратов, 1952.

распространению стахановского движения в советской экономике, поэтому ей также была свойственна определенная схематичность и пропагандистский стиль.

На том же этапе началась активная публикация мемуаров самих стахановцев. В общегосударственном масштабе это были воспоминания известных на всю страну «зачинателей» стахановского движения, таких как А. Г. Стаханов, П. Н. Ангелина, М. Н. Мазай и др.⁸ В регионах издавалась подобная литература, посвященная местным стахановцам⁹. Данные публикации призваны были пропагандировать опыт работы ведущих передовиков, поэтому также носили парадный и официозный характер. При должной критике их тексты могут быть использованы в качестве источников, однако рассматривать их в качестве исследований вряд ли возможно.

Другой пласт литературы этого периода был связан с определением роли и места в стахановском движении отдельных партийных и государственных структур, профессиональных групп и категорий населения советского общества¹⁰. Этим трудам также были присущи упомянутые выше типичные недостатки отечественных публикаций тех лет по интересующей нас теме.

Первичное научное осмысление стахановского движения началось на этапе следующего из выделенных нами периодов. В середине 1950-х гг. вышел труд известного журналиста С. Р. Гершберга под названием «Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности». Автор проанализировал роль партийных организаций и периодической печати в развитии стахановского движения и пришел к выводу, что «движение не могло бы

⁸ Стаханов А. Г. Рассказ о моей жизни. М., 1938; Мазай М. Н. Записки сталевара. М., 1940; Ангелина П. Н. Люди колхозных полей. М., 1948.

⁹ См.: Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936; Стахановцы Ижстальзавода. Ижевск, 1935; Первые стахановцы нашего края. Саратов, 1936.

¹⁰ Комсомол в стахановском движении. М., 1936.; Овсянникова М. Д. Женщина в стахановском движении. М., 1936; Стахановское движение и задачи профсоюзов. Ростов-на-Дону, 1935; Шверник Н. М. Стахановское движение и задачи профессиональных союзов: Доклад на собрании членов ВЦСПС, ЦК союзов, МОСПС и моск. профактива совместно со стахановцами 18 ноября 1935 г. М., 1935; Федорова З. Т. Молодежь в стахановском движении. М., 1938; Малышев В. А. Советский инженер в стахановском движении. М., 1938.

окрепнуть, развиваться вглубь и вширь без вдохновляющего и направляющего руководства Коммунистической партии»¹¹. Несмотря на то, что Гершберг использовал немало источников, слабым местом работы является почти полное отсутствие их критики и все та же парадно-пропагандистская форма изложения фактов.

Следующее десятилетие было отмечено появлением полноценных монографий по истории индустриализации. Одним из первых в этом ряду был труд В. З. Дробижера «Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства», где фигурировало и стахановское движение. Автор охарактеризовал его как «проявление социалистического отношения к труду», проследил преемственность в отношении ударничества. Новшеством в работе стала полемика с «буржуазными историками» по вопросу причин и сущности стахановского движения, что можно расценивать как реакцию советской науки на появление «стахановской» тематики в англо-американской советологической литературе. В. З. Дробижев противопоставил «клеветническим утверждениям» западных исследователей о принудительном характере движения «всю историю трудовых подвигов советского рабочего класса, невиданный рост его политической активности»¹².

Рассматриваемый период в историографии стахановского движения также был отмечен появлением многотомных фундаментальных трудов по общеэкономическим проблемам. Так, в 1970-е гг. увидела свет «История социалистической экономики СССР». В четвертом томе этого издания, темой которого являлась вторая пятилетка, целый раздел был посвящен проблемам развития социалистического соревнования, в том числе и стахановскому движению. Авторы раздела усмотрели причину его возникновения в изменении отношения советских граждан к труду, который стал «единственным источником

¹¹ Гершберг С. Р. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности. М., 1956. С. 54.

¹² Дробижев В. З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961. С. 53–54.

материального благосостояния, священным правом и почетной обязанностью всех членов общества, делом чести славы доблести и геройства»¹³. Новым веянием в работе стало упоминание проблем, связанных с движением. В качестве таковых были выделены страх части рабочих перед повышением норм выработки, «косность и бюрократизм» администраций предприятий, т. н. «приписки», а также проблема намеренной организации отдельных рекордов. Несомненным достоинством работы являлось широкое использование статистических источников.

Другим многотомным трудом этого периода, имевшим отношение к рассматриваемой теме, являлась «История советского рабочего класса». Во втором томе издания присутствовал анализ стахановского движения. Оно характеризовалось через призму «борьбы передовых рабочих с пережитками». Кроме того, был сделан акцент на проблеме антистахановских настроений в советской промышленности, рассматриваемых авторами в классовой парадигме как «открытый и скрытый саботаж со стороны враждебных элементов»¹⁴.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. интересующая нас тема затрагивалась и в отдельных авторских исследованиях. В этой связи показательна работа В. С. Лельчука «Индустриализация в СССР: история, опыт, проблемы». В монографии освещены разные стороны процесса, в том числе и стахановское движение. Автор акцентировал внимание на преемственности ударничества конца 1920-х – начала 1930-х гг. и стахановского движения, а также на ошибках, которые допускались при развитии движения в конкретных отраслях промышленности. К их числу он отнес «порождаемые отдельными рекордами диспропорции», отсутствие внимания руководителей предприятий к основной массе рабочих, недостаточную их заботу о подъеме производительности труда в

¹³ История социалистической экономики СССР. Т. 4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М., 1978. С. 92.

¹⁴ История советского рабочего класса. Т.2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества (1921–1937 гг.). М., 1984. С. 288.

целом и т. д.¹⁵ Несмотря на упомянутую критическую составляющую, В. С. Лельчук пришел к типичному для советского историка тех лет выводу о положительном значении стахановского движения для выполнения планов второй пятилетки и развития Советского Союза в целом.

В тот же период наблюдалась активизация интереса к региональному и отраслевому аспектам изучаемого вопроса. Так, в 1970–1980-е гг. вышел целый ряд работ, посвященных развитию стахановского движения в Северокавказском регионе¹⁶. В те же десятилетия были опубликованы научные труды, посвященные истории движения в отдельных отраслях советской промышленности¹⁷. Однако в плане методологии и подходов они также лежали в традиционном русле советской историографии.

С середины 1980-х гг. начался следующий этап в отечественной историографии стахановского движения. Он характеризовался довольно радикальной сменой концепций и подходов относительно как советской истории 1930-х гг. в целом, так и конкретно стахановского движения. К примеру, в работе Л. А. Гордона и Э. В. Клопова «Что это было?: размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-е – 40-е годы» политическая и экономическая система сталинского СССР рассматривалась уже как «деформированная, извращенная форма социализма».

Несмотря на это, исследователи признали подлинный энтузиазм народных масс и отказались расценивать его исключительно как результат пропаганды, усматривая в нем проявление «идеологии намеренного отсталости любой ценой и быстрого созидания нового мира»¹⁸, разделяемой большинством советских

¹⁵ Лельчук В. С. Индустриализация в СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984. С. 227–232.

¹⁶ Гасанов Р. М. Стахановское движение в Дагестане. Махачкала, 1975; Чхартишвили С. Д. Развитие стахановского движения в Грузии. Тбилиси, 1985; Пухаев К. П. Стахановское движение и ударничество в Юго-Осетии: очерк истории. Цхинвали, 1988.

¹⁷ Аксенов Л. П. Стахановское движение в легкой промышленности. М., 1985; Сахаров В. А. Зарождение и развитие стахановского движения (на мат-лах автотракт. пром-ти). М., 1985.

¹⁸ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было?: размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-е – 40-е годы. М., 1989. С. 58–59.

граждан. В этом контексте ими рассматривалось и стахановское движение. Работа охватила большой спектр проблем, но при этом носила скорее научно-популярный, нежели академический характер, поскольку не все утверждения авторов имели под собой серьезную источниковую базу.

В конце данного периода отечественной историографии стахановского движения наметился (хотя пока еще крайне осторожный) поворот к проблемам социальной психологии в истории, особенно заметный в монографии В. А. Козлова и О. В. Хлевнюка «Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг.». Она была посвящена анализу «коллективистского человека» 1930-х гг.: его представлений, ценностей, качеств и т. д. Вопросы, связанные со стахановским движением, занимали важное место в исследовании. Изучив солидный массив фактического материала, авторы пришли к выводу, что «движение новаторов возглавили передовые представители рабочего класса и колхозного крестьянства, независимо от возрастных, профессиональных, культурных различий ориентированные на активное отношение к жизни, творческий подход к решению профессиональных задач»¹⁹.

Помимо этого, на рубеже 1980–1990-х гг. исследователи стахановского движения продолжали использовать (пусть и в ограниченном масштабе) региональные источники. Примером тому являлась диссертация С. Г. Цветковой, посвященная истории стахановского движения в регионах Среднего Поволжья (прежде всего, в Куйбышевской области). Автор рассмотрела стахановское движение на материалах региональных архивов, однако ограничилась лишь документами партийных организаций, что свидетельствовало о пока еще сохранившемся воспроизведении типичного для советской историографии

¹⁹ Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М., 1988. С. 163.

одностороннего подхода к проблемам истории социалистического соревнования²⁰.

Следующий период в развитии отечественной историографии вопроса отличался еще большей вариативностью концепций и подходов. К примеру, монография В. И. Бакулина «На пути интенсификации производства (из опыта 20-х гг.)» посвящена всестороннему анализу движения за научную организацию труда в Советской России и СССР эпохи НЭПа. Несмотря на то, что тематика работы напрямую не связана со стахановским движением, автор затронул ряд вопросов, важных для развития советской экономики в последующую эпоху форсированной индустриализации. Он констатировал ограниченность результатов движения за НОТ, за научную культуру труда и производства в 1920-е гг. и проследил смену приоритетов экономического развития страны в конце десятилетия: от попытки «параллельного подъема технического уровня индустрии и культуры труда» к «ставке на рывок в области техники», на количественное изменение материального базиса производства с неизбежным последующим возвращением к проблемам качественного его совершенствования²¹.

Если отдельные исторические труды сохранили свойственный советской историографии преимущественно социально-экономический подход, то другие в большей степени сместились в политическую плоскость. К таковым можно отнести работу В. З. Роговина «Сталинский неонэп», целая глава которой посвящена стахановскому движению. По мнению автора, движение последователей А. Г. Стаханова в СССР было неоднозначным явлением: с одной стороны, оно внесло важный вклад в ускорение темпов роста производительности труда, с другой, – глубокое расслоение в среде рабочего класса²². При этом

²⁰ Цветкова С. Г. Стахановское движение рабочих промышленности Среднего Поволжья. 1935 – июнь 1941 гг.: (на материалах партийных организаций): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990.

²¹ Бакулин В. И. На пути интенсификации производства (из опыта 20-х годов). Екатеринбург, 1992. С. 158.

²² Роговин В. З. Сталинский неонэп. М., 1995. С. 203–208.

основным мотивом стахановцев, по мнению автора, являлось банальное желание заработать. Недостаток работы заключался в том, что В. З. Роговин значительную часть своих выводов подкрепил не ссылками на архивные материалы, а цитатами из трудов Л. Д. Троцкого.

На другую грань проблемы обратил внимание автор статьи «Экономическое и политическое содержание стахановского движения» С. П. Рябикин. Согласно ему, стахановское движение сыграло положительную роль в процессе развития советской экономики на первом этапе своего существования, однако положительный эффект нивелировался после всеобщего повышения норм выработки весной 1936 г., поскольку оно привело «к перераспределению фонда зарплаты в пользу стахановской элиты, лишая основную массу рабочих ощутимого материального стимула и подрывая тем самым настоящие корни массового стахановского энтузиазма»²³.

Особенностью 1990-х гг. также стало обращение к теме стахановского движения экономистов либерального толка. Одним из таковых был В. М. Кудров, который проанализировал социалистическое соревнование в контексте оформившейся в 1930-е гг. командно-административной хозяйственной системы. Саму плановую экономику автор охарактеризовал как неестественную, противопоставляя ее «нормальной экономике рыночного типа». Социалистическое соревнование (в т. ч. и стахановское движение) он рассматривал в качестве советской альтернативы «нормальной конкуренции», не раскрывая при этом свою концепцию последней²⁴.

В целом в данное десятилетие отечественные историки-профессионалы редко обращались к теме стахановского движения. Массовый интерес к нему возродился лишь в 2010-е гг. Вариативность подходов при этом сохранилась, но

²³ Рябикин С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935–1938 гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 2. С. 196–206.

²⁴ Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997. С. 9.

вернулись региональный и отраслевой компоненты, о чем можно судить по содержанию публикаций этого периода в научных периодических изданиях²⁵.

Однако новые веяния в отечественной историографии стахановского движения на современном этапе не исчерпываются только возрождением интереса к указанной проблематике на новом методологическом уровне. Важно то, что только в последние годы возобновились попытки исследовать социокультурные аспекты рассматриваемого явления. Показательна в этом отношении монография С. П. Постникова и М. А. Фельдмана «Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.». Авторы анализировали стахановское движение с позиций мотивации его участников и пришли к выводу о серьезном росте доходов узкой прослойки «знатных» передовиков. Обратной стороной этого процесса, по их мнению, стало увеличение трудовой нагрузки на основную массу рабочих при сохранении (а в отдельных случаях и снижении) прежнего уровня благосостояния²⁶.

К работам этого типа относится также статья А. Б. Суслова и И. С. Шиловой «Саботажник стахановского движения как «враг народа». Авторы исследовали заявленную проблему на материалах пермских архивов, и пришли к выводу о существовании как реальных противников стахановского движения в рабочей среде, так и его мифических врагов, созданных усилиями пропаганды и демонизированных ею. При этом образ вымышленного саботажника

²⁵ См.: Фадеев Л. А. Ударничество и стахановское движение на предприятиях машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток // Исторический журнал: научные исследования № 2 (14). 2013. С. 213–218; Салфетников Д. А. Процессы рационализации и проблемы стахановского движения на Кубани в 30-е гг. // Власть. 2011. № 11. 117–119; Васин П. В. Стахановское движение в Тульской области в 1930-е гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 67–69; Миргородова Ю. М. Труд стахановцев на предприятиях свеклосахарной промышленности Курской области в годы II пятилетки (1933–1937 гг.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (1). С. 47–53; Мику Н. В., Давыдов А. С. Стахановское движение в Пензенской области в 1930-е гг. // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2017. № 1. С. 63–68; Игнатова Н. М. Феномен ударного и стахановского труда спецпереселенцев // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 129–138.

²⁶ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 72–78.

стахановского движения в СССР 1930-х гг., согласно авторам, «становился необходимой частью транслируемой обществу мировоззренческой картины, где все официально святое стремились разрушить вездесущие коварные враги»²⁷.

Другим примером указанной тенденции является статья С. И. Федоровой и Л. А. Саламатиной «Стахановцы 30-х гг. – герои или жертвы административно-командной системы?». Авторы охарактеризовали стахановцев предвоенного десятилетия как «героев, требующихся фронту социалистического строительства» созданных «массированным давлением государства». Не отрицая энтузиазм и положительный вклад передовиков в развитие страны, они увидели в коллективистских взглядах стахановцев на жизнь и труд угрозу «поглощения личности как таковой» и характерную черту «казарменного социализма 1930-х гг». К достоинствам работы можно отнести социокультурный подход к стахановскому движению, к числу недостатков – определенные исторические неточности. В частности, в статье отсутствует разграничение понятий «ударничество» и «стахановское движение»²⁸.

Еще одной современной тенденцией в изучении стахановского движения является применение междисциплинарного подхода. К примеру, в работе А. А. Ильюхова «Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг.», написанной на стыке истории, экономики и социологии, стахановское движение рассматривается в контексте политики руководства советского государства по стимулированию труда в среде индустриальных рабочих, интеллигенции и служащих. Автор пришел к выводу, что «движения передовых рабочих» в 1930-е гг. «позволяли увеличивать интенсивность труда, повышать его производительность», однако оборотной

²⁷ Суслов А. Б., Шилова И. С. Саботажник стахановского движения как «враг народа» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2. С. 186.

²⁸ Федорова С. И., Саламатина А. Л. Стахановцы 30-х гг. – герои или жертвы административно-командной системы? // Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути решения: мат-лы межд. науч.-практ. конф. Ч. 2. Ульяновск, 2017. С. 260–267.

стороной этого было «увеличение разрыва в оплате труда между «передовиками» и остальной частью рабочих»²⁹.

Интерес к рассматриваемой теме, начиная с 2000-х гг., характерен и для исторической литературы научно-публицистического характера. Так, в двухтомной работе С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация» проанализирован, в том числе, и опыт стахановского движения. Автор рассматривал его в качестве важной части процесса всесторонней «сталинской» модернизации СССР, отметив, что движению было свойственно «подвижничество, сходное с религиозным». Исходя из этого, он усмотрел корни трудовых подвигов стахановцев в традиционной ментальности русского народа³⁰. Стоит отметить, что обращение к вопросу преемственности ментальности стахановцев по отношению к традиционному мировоззрению русских крестьян до этого встречалось лишь у представителей англо-американских историографических школ.

Одной из последних научно-публицистических работ, затрагивающих стахановское движение, является книга известного экономиста В. Ю. Катасонова «Экономика Сталина». Автор исследовал его в контексте сложившейся в СССР при И. В. Сталине экономической модели и пришел к выводу, что оно было одной из попыток руководства СССР создать «нового человека», органично вписывающегося в сложившуюся модель социалистической экономики, основанную, в числе прочего, на сочетании общественных и личных интересов ее субъектов³¹.

Параллельно с этим продолжается анализ интересующей нас темы в современной исторической науке. В этом плане показательна статья М. А. Фельдмана «Место стахановского движения в предвоенной советской истории». Существование стахановского движения, по его мнению,

²⁹ Ильяхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 372.

³⁰ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. Харьков, Белгород, 2007. С. 467.

³¹ Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М., 2016. С. 41–43.

поддерживалось «запугиванием всех сомневающихся во «всеобъемлющей силе стахановского труда», поскольку оно «с момента зарождения до реального исчезновения после 1936 г. носило искусственный, мифологический и агитационно-пропагандистский характер»³².

Степень изученности истории стахановского движения конкретно в Кировском регионе ниже, чем в регионах с более богатой промышленной историей. Об этом свидетельствует тот факт, что данной теме вплоть до последнего времени не посвящались отдельных научных работ. В позднесоветский период стахановское движение затрагивалось кировскими историками, но лишь в рамках более крупных научных исследований. Так, один из авторов обобщающих «Очерков истории Кировской области» Е. И. Кирюхина, в разделе, посвященном истории Кировского региона в 1933–1937 гг., ограничилась перечислением фамилий отдельных местных стахановцев и достигнутых ими результатов³³. Тот же подход был характерен и для авторов другой обобщающей работы по региональной истории – «Очерков по истории Кировской организации КПСС» – Г. Е. Лучинина и П. С. Шапиро³⁴.

Другой автор этого периода, З. И. Вдовин также затрагивал тему стахановского движения. Он подошел к ней через призму деятельности Кировской краевой (областной) партийной организации по развитию экономики региона в годы второй пятилетки, что было типично для советских историков тех лет. По утверждению автора, партийные организации к середине 1935 г. создали все условия для развития стахановского движения в регионе, а после его начала «подхватили и энергично распространили этот почин на кировских

³² Фельдман М. А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. № 8. С. 6–16.

³³ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 326.

³⁴ Очерки истории Кировской организации КПСС. Горький, 1969. С. 236–237.

предприятиях». В качестве доказательства он опирался на тот факт, что в 1936 г. более 40 % рабочих региона являлись стахановцами³⁵.

В тот же период развития местной историографии наблюдалась тенденция к рассмотрению стахановского движения в рамках истории отдельных предприятий. Примером этому являлся коллективный труд «Два века в пути. История фабрики «Красный курсант», посвященный истории одного из старейших предприятий региона – бумажной фабрики «Красный курсант» (совр. пос. Мурыгино Юрьянского района Кировской области). Авторы, основываясь на большом массиве архивных материалов и периодической печати, привели ряд интересных фактов истории стахановского движения периода 1930-х гг. на указанном предприятии. Вместе с тем, они также не смогли уйти от простого нарратива при их использовании³⁶.

Гораздо основательнее в региональном разрезе тема стахановского движения 1930-х гг. была изучена историками Удмуртии еще на исходе советского периода. В 1980-е гг. стахановское движение рассматривалось в рамках более крупных коллективных научных трудов такими удмуртскими исследователями, как А. И. Суханов и Н. А. Родионов³⁷. На основании солидного массива источников они дали развернутую характеристику движения на территории Удмуртской АССР, выделили основные его этапы, содержание и итоги. Минусом этих исследований являлся исключительно социально-экономический угол зрения на проблему, свойственный всей советской историографии, а также рассмотрение стахановского движения на территории

³⁵ Вдовин З. И. Деятельность кировской краевой партийной организации по руководству народным хозяйством и культурным строительством в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 15.

³⁶ Два века в пути. История фабрики «Красный курсант». Киров, 1985. С. 79–81.

³⁷ Рабочий класс Удмуртии: Научно-популярный исторический очерк. Ижевск, 1987. С. 154–160; Родионов Н. А. Стахановское движение в промышленности и на транспорте Удмуртии (1935 – июнь 1941 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985: сб. статей. Устинов, 1986. С. 40–59.

Удмуртской АССР в 1935–1936 гг. вне контекста истории Кировского края, в составе которого она тогда находилась.

На следующем этапе развития региональной историографии вопроса, в 1990–2000-х гг., стахановское движение затрагивали такие кировские историки, как Г. Г. Загвоздкин и В. М. Кашина, которые, однако, также ограничились перечислением отдельных фактов его истории на территории региона³⁸.

Стахановское движение как тема привлекает отдельных местных исследователей и на современном этапе, однако их работы носят локальный характер. К примеру, статья И. В. Чемоданова «Стахановское движение в сельском хозяйстве Кировского региона во второй половине 1930-х гг.», основанная на большом архивном материале, аккумулирует в себе немало фактов о деятельности и рекордах местных стахановцев сельского хозяйства. Вместе с тем, автор статьи не рассматривал сферу промышленности, где стахановское движение зародилось раньше и имело больший размах³⁹.

Еще одной особенностью современного этапа развития местной историографии вопроса является появление трудов исследователей-любителей, затрагивающих интересующую нас тему. К примеру, в работах краеведа С. П. Серкина по истории кожевенных предприятий Слободского района и меховой фабрики «Белка» приводятся отдельные факты истории стахановского движения на упомянутых предприятиях⁴⁰. Вместе с тем, данные исторические свидетельства упоминаются без всякой связи с общей историей движения в Советском Союзе и Кировском регионе.

³⁸ Загвоздкин Г. Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4: История. Киров, 1995. С. 383–384; Кашина В. М. Индустриализация в Кировском крае (области): замыслы и итоги // Энциклопедия земли Вятской. Т. 10. Ч. 2. Промышленность. Энергетика. Строительство. Транспорт. Киров, 2008. С. 147.

³⁹ Чемоданов И. В. Стахановское движение в сельском хозяйстве Кировского региона во второй половине 1930-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 10. С. 25–31.

⁴⁰ Серкин С. П. Путь сквозь столетия: История возникновения и развития вахрушевского кожевенно-обувного производства. Судьба заводовладельцев Вахрушевых и их потомков. Киров, 2013. С. 136; Он же: История возникновения и развития слободской меховой фабрики «Белка» (1893–1993). Киров, 2014. С. 105.

Изучение истории стахановского движения в Кировском крае периода 1935–1936 гг. продолжается и в современной историографии Удмуртии. Примером тому являются статьи В. Ю. Войтовича⁴¹. Автор, основываясь на большом объеме статистических данных по развитию промышленности Удмуртской АССР в середине 1930-х гг., пришел к выводу о положительной роли стахановского движения в процессе индустриализации Удмуртии и всей страны. К числу достоинств данных работ стоит отнести изучение местного материала в контексте общегосударственных и общерегиональных процессов.

Развитие зарубежной историографии стахановского движения охватывает период с середины 1930-х гг. до наших дней. Самые первые публикации о нем на Западе носили повествовательный характер и аккумулировали факты жизненного и трудового пути «зачинателей» стахановского движения. К примеру, в Нью-Йорке уже в 1936 г. вышла биографическая книга об известной стахановке текстильной промышленности Е. В. Виноградовой на английском языке⁴².

Несмотря на это, первые серьезные иностранные исследования стахановского движения являлись эмигрантскими по происхождению. Ярким примером тому были труды Л. Д. Троцкого, который считал, что в стахановском движении наблюдалась определенная двойственность. С одной стороны, он усматривал в движении подлинный энтузиазм рабочих масс, с другой – критиковал «бюрократические извращения», под которыми подразумевал ошибки советских хозяйственников и расслоение в среде рабочего класса, порождаемое движением⁴³. Главным недостатком Л. Д. Троцкого как исследователя стахановского движения была политическая тенденциозность в отношении деятельности сталинского руководства.

⁴¹ Войтович В. Ю. Зарождение стахановского движения – путь к социально-экономическому развитию России (на материалах Удмуртии) // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 1. С. 13–19; Он же: Стахановское движение – путь в светлое будущее России (1936–1937 гг.) (на материалах Удмуртии) // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 1. С. 20–26.

⁴² Friedrich G. Miss U.S.S.R.: The story of a Girl Stakhanovite. New York, 1936.

⁴³ Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет. М., 2012. С. 45–49.

В послевоенное время о стахановском движении писали представители новой волны советской эмиграции диссидентского толка. К таким авторам можно отнести историков-эмигрантов М. Я. Геллера и А. М. Некрича, которые в своей крупной научно-публицистической работе «Утопия у власти», увидевшей свет в 1982 г. и выдержавшей впоследствии несколько переизданий, затронули и стахановское движение. Авторы в целом воспроизвели озвученную еще Л. Д. Троцким концепцию «рабочей аристократии» в отношении стахановцев, сделав акцент на высоком уровне их заработной платы и привилегиях, а также подчеркнув статус передовиков как «новой знати» построенного И. В. Сталиным общества⁴⁴. Ценность данной работы для дальнейшего изучения феномена стахановского движения невелика вследствие отсутствия ссылок на архивные материалы и явной политической тенденциозности авторов.

Более основательное научное осмысление интересующей нас темы в зарубежной историографии проходило в послевоенный период в рамках западных советологических школ. При этом стахановское движение получило у их представителей разное толкование. К примеру, такие исследователи как Н. Верт и Р. Майер заняли «классическую» для советологии позицию, утверждая, что стахановское движение было очередной попыткой «тоталитарного режима» заставить людей интенсивнее трудиться путем повышения норм⁴⁵. Неудивительно, что упомянутые авторы делали акцент на теме репрессий в отношении инженерно-технических кадров, обвиняемых в саботаже социалистического соревнования. Еще один видный западный исследователь сталинизма Р. Тёрстон также рассматривал стахановское движение

⁴⁴ Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000. С. 275.

⁴⁵ Верт Н. История советского государства 1900–1991. М., 2003. С. 238; Он же: Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 160; Maier R. Die Stachanov – Bewegung. 1935–1938. Der Stachanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. Stuttgart, 1990.

преимущественно в контексте проводимой сталинским руководством политики «большого террора»⁴⁶.

Попытки анализа интересующего нас явления на этом этапе предпринимались и представителями «западного марксизма». Так, в известной работе итальянского коммуниста, историка и журналиста Дж. Боффа «История Советского Союза» стахановское движение характеризовалось как «продолжение и качественно новое развитие социалистического соревнования предыдущего этапа». Главный исторический итог движения автор увидел в «резервах огромного увеличения производительности труда», скрывающихся в стахановских методах. Вместе с тем, автор не отрицал, что эти методы порождали «глубинные противоречия» в отдельных отраслях экономики и поэтому вызывали широкое сопротивление в среде рабочих и инженеров⁴⁷.

В англо-американской советологии еще до окончания «холодной войны» также появилось т. н. «ревизионистское направление», представители которого, в отличие от сторонников «теории тоталитаризма» предложили не столь односторонний взгляд на стахановское движение. Один из крупнейших историков данного направления, профессор Мичиганского университета Л. Сигельбаум, в конце 1980-х гг. опубликовал исследование, посвященное роли стахановского движения в советской экономической политике периода 1935–1941 гг. С его точки зрения, оно стало последней в предвоенной советской истории попыткой интенсификации производства, проводимой в жизнь относительно мирными методами. В числе основных ее черт автор особо выделил серьезное материальное стимулирование, наблюдавшееся в стахановском движении⁴⁸.

⁴⁶ Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996. P. 172–185; Он же: The Stakhanovite Movement: Background to the Great Terror in the Factories // Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge, 1993. P. 143–160.

⁴⁷ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. М., 1994. С. 476–478.

⁴⁸ Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988. С. 295–299.

Другой современный американский исследователь Л. Холмс в своих трудах развил тезис Л. Сигельбаума о стремлении советского руководства «одним махом создать современного индустриального человека» с помощью стахановского движения⁴⁹. Поэтому автор сделал акцент не на рекордах стахановцев, а на присущей им трудовой этике: дисциплинированности, серьезном отношении к труду, творческом подходе к решению профессиональных задач.

Его соотечественница Ш. Фицпатрик в своих работах по истории сталинизма затронула другую грань темы, выдвинув тезис о том, что личные достижения стахановцев свидетельствовали не о коллективизме, а об индивидуализме в качестве мировоззренческой первоосновы движения⁵⁰.

Еще один видный западный советолог, историк экономики П. Грегори, также не обошел вниманием стахановское движение. По его мнению, оно было инициировано Политбюро ЦК ВКП(б) с целью «интенсифицировать трудовые усилия рабочих, ...сочетая материальное поощрение с призывами к социалистическому труду». При этом позиция автора не лишена противоречий, поскольку параллельно с этим он утверждал, что ни Политбюро, ни Сталин прямо не участвовали в организации рекорда А. Г. Стаханова и лишь впоследствии использовали его для достижения своих целей⁵¹.

Стахановское движение как тема по сей день привлекает зарубежных исследователей. Притом на современном этапе это не только специалисты из Европы и Северной Америки, но также историки из стран востока. Примером тому является статья южнокорейского ученого Чжун вэ Чжо «Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935–1936 гг.», опубликованная на русском языке в журнале «Вопросы истории». Автор всесторонне, с опорой на достижения советской и западной исторической науки, проанализировал роль профсоюзных

⁴⁹ Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941 гг. Ростов-на-Дону, 1994. С. 91.

⁵⁰ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2008. С. 92.

⁵¹ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 134–135.

организаций в развитии стахановского движения в указанный период, но затронул также вопросы его влияния на производительность труда и развитие советской экономики в целом. Он пришел к выводу о реальном существовании «вспышки энтузиазма» в начале движения, а также о его постепенном «затухании» во второй половине предвоенного десятилетия⁵².

Приведенный историографический обзор свидетельствует о том, что, хотя стахановское движение и являлось объектом исследования отечественных и зарубежных ученых на протяжении нескольких десятилетий, оно нуждается в более глубоком и всестороннем изучении.

Это задается несколькими факторами. Во-первых, историческая литература о движении, как в предшествующие десятилетия, так и ныне, в большинстве случаев носит налет политической тенденциозности. Во-вторых, можно констатировать явно недостаточное внимание к социокультурному аспекту проблемы в историографии. В-третьих, материал по истории стахановского движения в непромышленных регионах пока еще слабо затронут историками.

Целью диссертации является выявление и характеристика основных этапов развития и сущностных черт стахановского движения в Кировской области в период 1935–1941 гг.

В исследовании поставлены следующие **задачи**:

- дать общую характеристику развития стахановского движения в контексте общегосударственной политики 1935–1941 гг.;
- рассмотреть его историческое место в процессе модернизации материально-технической базы промышленного производства СССР и сознания работников советской промышленности;
- проследить основные этапы развития стахановского движения в Кировском регионе в указанный период;

⁵² Чжун вэ Чжо. Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935–1936 гг. // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 51–69.

- выявить методы труда, применяемые местными стахановцами, разработать их классификацию;
- выделить основные направления стимулирования труда стахановцев на предприятиях Кировского региона;
- выявить и охарактеризовать основные культурно-психологические черты местного стахановца как типа личности;
- раскрыть сущность феномена антистахановских настроений в трудовых коллективах местных предприятий;
- определить место стахановского движения в истории страны и Кировского региона.

Источники. Источниковая база исследования формировалась на основе документов одного федерального и двух региональных архивов: Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Кировской области (ГАКО) и Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО).

Использовавшиеся в диссертации исторические источники можно разделить на несколько видов:

1. Нормативно-правовые акты государственных и партийных органов, позволившие проследить государственную политику в отношении стахановского движения в процессе ее изменения за указанный период. К этому виду относятся Конституция СССР 1936 г., постановления СНК СССР и СНК РСФСР, материалы съездов ВКП(б) и пленумов ЦК ВКП(б), Всесоюзных съездов Советов, постановления Президиума ВЦИК и т. д.

2. Делопроизводственная документация. К этой группе источников относятся решения общесоюзных промышленных наркоматов, а также документы региональных партийных и государственных органов – постановления бюро Кировского обкома ВКП(б), постановления Кировского облисполкома, решения ВЦСПС и Кировского областного совета профсоюзов, материалы всесоюзного и

региональных совещаний стахановцев, документация отдельных предприятий а также стенограммы региональных партийных и комсомольских отчетно-выборных конференций. Источники этой группы содержат большой массив фактов по развитию стахановского движения в обозначенных территориальных рамках.

3. Периодическая печать. В исследовании эта группа источников представлена материалами всесоюзных газет «Правда» и «За индустриализацию», региональных газет «Кировская правда» и «Комсомольское племя», а также многотиражных газет ряда предприятий Кировской области. Они содержат информацию о биографиях стахановцев, применяемых ими методах труда и конфликтах, связанных с движением.

4. Источники личного происхождения представлены в исследовании воспоминаниями стахановцев всесоюзного и регионального масштаба. Последние содержатся в сборниках «Стахановцы Ижстальзавода» (Ижевск, 1935), «Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края» (Киров, 1936) и «Знатные люди Кировской области о своей работе» (Киров, 1940). Этот вид источников дал возможность составить представление о коллективной психологии участников движения, а также их мотивации.

5. Статистические источники. В диссертации использованы статистические сборники ЦУНХУ Госплана СССР середины 1930-х гг. Они дали возможность охарактеризовать социально-экономический фон, на котором развернулось стахановское движение в стране и Кировском крае, а также сравнить региональные показатели экономического развития с общесоюзными.

На наш взгляд, описанный комплекс источников является репрезентативным и позволяет раскрыть заявленную тему, достигнув цели исследования и решив поставленные в нем задачи.

Методология и методы. Тема стахановского движения в диссертационном исследовании рассматривается в русле комплексного подхода. Движение

анализируется как многогранное явление, содержание, направление и темпы развития которого напрямую зависели от социально-экономической, политической и социокультурной ситуации в Советском Союзе второй половины 1930-х гг. Методологической основой для исследования послужил социокультурный подход, в соответствии с которым стахановское движение рассматривалось одновременно и как социально-экономический, и как культурный феномен советского общества.

Кроме того, в работе использованы элементы формационного и цивилизационного подходов к истории. Первый важен в том отношении, что стахановское движение появилось и развивалось в рамках плановой экономики и коллективистского общества советского типа. На его содержание непосредственное влияние оказывала господствовавшая в государстве и обществе марксистско-ленинская идеология и ее мировоззренческая матрица. Цивилизационный подход необходим в вопросе выявления истоков стахановского движения, его связей с традиционной русской ментальностью. В этом смысле для исследования важны труды его основоположников: Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, П. А. Сорокина⁵³ и др.

В диссертации также использованы компоненты теории модернизации, основные положения которой создавались видными историками и социологами – М. Вебером, Э. Дюркгеймом, С. Хантингтоном, П. Штомпка⁵⁴. В современной отечественной историографии теория модернизации использовалась и разрабатывалась такими исследователями, как И. В. Побережников,

⁵³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2015; Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995; Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.

⁵⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2016; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

В. Г. Федотова и В. А. Красильщиков⁵⁵. Данная концепция важна для исследования по той причине, что эпоха возникновения и развития стахановского движения в СССР пришлась на переходный для советской экономики и общества период (от традиционной к индустриальной стадии развития). Этот процесс, согласно теории модернизации, включает в себя не только качественные изменения экономической базы страны, но и кардинальные перемены в образе жизни, культурной среде и сознании населения.

Учитывая разнообразие подходов к теории модернизации, в диссертации был взят за основу тот ее вариант, в котором основополагающим признаком модернизации выступает индустриализация страны⁵⁶. В этом смысле стахановское движение рассматривалось в двух ипостасях: как важный компонент индустриализации и как попытка «модернизации сознания» огромной массы советских рабочих, являвшихся в большинстве своем выходцами из деревни.

Диссертационное исследование строится на принципах историзма и научной объективности, что предполагает всестороннее, независимое от политических предпочтений, рассмотрение стахановского движения в процессе его эволюции в контексте определенной исторической эпохи. При использовании упомянутых принципов применялся ряд общенаучных методов, таких как анализ, синтез, обобщение, сравнение, индукция и системный подход.

В работе были задействованы следующие традиционные методы исторической науки:

⁵⁵ Побережников И. В. Экономическая модернизация: обзор теоретико-методологических подходов // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 37–40; Федотова В. Г. Модернизация: переосмысливая теорию и практику // Социологический ежегодник. 2010. С. 63; Красильщиков В. А. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 112–116.

⁵⁶ Бакулин В. И. Историческая концепция Б. Н. Миронова как предмет научной дискуссии // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 129–131.

– структурно-функциональный метод – стахановское движение как явление делилось на отдельные компоненты с целью более глубокого и всестороннего анализа;

– биографический метод – анализировались биографии передовиков, на основе которых был составлен «усредненный» портрет местного стахановца;

– историко-типологический метод – выявлялись общие черты, характерные для участников стахановского движения в Кировском регионе в интересующий нас период;

– историко-генетический метод – стахановское движение в общегосударственном и местном масштабах рассматривалось в процессе его поэтапного развития;

– метод периодизации – выявлялись конкретные периоды развития изучаемого феномена, обосновывались их хронологические рамки и характеризовались отличительные особенности.

В исследовании также использовались нетрадиционные методы исторической науки:

– социально-психологический метод (анализ ментальности стахановцев);

– статистический метод (анализ социальной группы местных стахановцев по признакам происхождения, пола, возраста, партийности, образования и т. д.).

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые было исследовано зарождение и развитие стахановского движения в промышленных и транспортных отраслях экономики традиционно аграрного региона страны. Другим элементом новизны работы является рассмотрение стахановского движения в комплексе экономических и социокультурных аспектов. Особо стоит выделить анализ ментальности стахановцев, проведенный путем воссоздания культурно-психологического портрета «усредненного» участника движения, который до настоящего момента отсутствовал в историографии.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, списка использованных сокращений и приложений.

Первая глава «Общая характеристика стахановского движения 1935–1941 гг.» состоит из двух параграфов и посвящена основным этапам развития стахановского движения в масштабах всей страны и Кировского региона. Вторая глава «Экономический и социокультурный аспекты стахановского движения в Кировском регионе» состоит из четырех параграфов, раскрывающих роль стахановского движения в экономической и социокультурной жизни Кировского края (Кировской области) в указанный период.

Практическая значимость исследования. Диссертация может быть использована в научной и педагогической деятельности профессиональными историками, занимающимися проблемами довоенной советской модернизации, а также специалистами смежных научных дисциплин: исторической и социальной психологии, культурологии, социологии и экономики. Настоящее диссертационное исследование может быть также использовано преподавателями и студентами перечисленных специальностей.

Кроме того, выявленные в ходе исследования и введенные в научный оборот документы могут быть использованы в музейной и архивной выставочной работе, научно-публикаторской деятельности учреждений, а также при организации историко-просветительских мероприятий.

Апробация исследования проходила в форме участия в одной региональной, одной всероссийской и трех международных конференциях, проходивших в Кирове, Новосибирске и Нижнем Новгороде. Всего по теме диссертации опубликовано десять статей, из них три – в изданиях из перечня рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (общий объем публикаций – 4,9 п. л.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Стахановское движение стало попыткой руководства СССР решить противоречие между возросшим в первой половине 1930-х гг. материально-техническим уровнем промышленности и отстающим от него профессиональным уровнем основной массы работников предприятий, являвшихся в большинстве своем выходцами из деревни.

2. В развитии стахановского движения в стране и Кировском регионе выделяются три основных этапа: 1) становление (октябрь–декабрь 1935 г.); 2) расцвет (декабрь 1935 – весна 1936 г.); 3) спад (лето 1936 – июнь 1941 г.). Границей первого и второго этапов послужили решения декабрьского пленума ЦК ВКП(б) в поддержку стахановского движения, границей второго и третьего этапов – всеобщее повышение норм выработки по всем отраслям промышленности, основанием для которого послужили рекорды стахановцев. Повышение норм выступило основной причиной спада движения, так как нанесло удар по материальной мотивации его участников.

3. Трудовые успехи стахановцев Кировского региона были связаны с интенсификацией труда, осуществлявшейся через применение особых стахановских методов, связанных с рационализацией производственного процесса и углублением разделения труда. Их внедрение в производственную практику в большинстве случаев позволяло передовикам значительно увеличивать свою производительность.

4. Существенную роль в развитии движения на территории региона сыграла политика наркоматов, местного партийного и хозяйственного руководства, администраций предприятий и профсоюзных организаций по материальному и нематериальному стимулированию стахановцев. К первому стоит отнести рост зарплаты и премии, находившие как денежное, так и натурально-вещевое выражение. Нематериальное стимулирование выражалось в почетных наградах, а также в широком освещении трудовых успехов через периодическую печать.

5. Местные стахановцы по ряду параметров олицетворяли собой культурно-психологический тип с присущими ему такими характерными чертами, как активность, инициативность, склонность к творчеству и новациям, тяга к знаниям, упорство в достижении поставленных целей и повышенная амбициозность; последнее было результатом определенной перестройки традиционного коллективистского сознания, по крайней мере, части стахановцев, обусловленной ориентацией на достижение индивидуального успеха.

6. Деятельность и привилегии стахановцев вызывали негативную реакцию в среде рабочих, инженеров и служащих, вошедшую в историю под названием «антистахановских настроений». Их причины были вариативны, но основными являлись зависть и конфликт интересов. В латентной форме они наблюдались на большинстве местных предприятий, а в отдельных случаях приобретали открытый характер и широкий общественный резонанс.

7. Основными итогами стахановского движения стали прогресс в деле повышения производительности труда и вклад в формирование «человека индустриальной эпохи» в СССР. И то, и другое способствовало преодолению негативных аспектов командно-административной экономики, связанных с ограниченным уровнем мотивации большинства ее участников, и успешному осуществлению советского модернизационного проекта.

Глава 1. Общая характеристика стахановского движения 1935–1941 гг.

1.1. Стахановское движение в контексте общегосударственной политики

Проблема интенсификации промышленного производства, повышения его эффективности находилась в поле зрения большевистских идеологов и хозяйственников-практиков с первых лет существования советской власти. Довольно наглядным свидетельством тому служит возникшее (не без участия государства) еще в 1919 г. движение за научную организацию труда, производства и управления. С возобновлением в середине 1920-х гг. процесса индустриализации страны движение за НОТ переросло в движение за рационализацию промышленного производства, которое, в свою очередь, заняло важное место в экономической политике правящей партии⁵⁷.

Однако к концу десятилетия выяснилось, что невозможно добиться радикального улучшения экономических показателей на базе во многом устаревшего, изношенного и просто количественно недостаточного оборудования, что и послужило одним из главных побудительных мотивов перехода к политике форсированной индустриализации⁵⁸.

К середине 1930-х гг. крупные достижения в области промышленного строительства создали материальные предпосылки для возвращения к проблемам индустриального менеджмента на качественно новом уровне. Тема оказалась тем более актуальной, что приток на вновь вводимые в строй и действующие производственные объекты огромного количества неквалифицированной рабочей силы, преимущественно из среды деревенского населения, снизил и без того не

⁵⁷ См.: Бакулин В. И. НОТ в социально-экономической политике Советского государства, 1917–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1992; Он же: Проблемы научной организации труда в СССР (20-е гг.) // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3. С. 185–193; Кравченко А. И. Социология труда в XX веке: ист. – крит. очерк. М., 1987.

⁵⁸ Бакулин В. И. На пути интенсификации производства (из опыта 20-х гг.). Екатеринбург, 1992. С. 158.

слишком высокие качественные показатели (производительность труда, себестоимость продукции) работы советской промышленности.

На этом историческом фоне вполне закономерно родилось стахановское движение как одна из разновидностей также поощряемого (особенно начиная с 1929 г.) партийными и государственными властями социалистического соревнования.

Предыстория нового движения во многом кроется в противоречиях начального этапа советской индустриализации. Важнейшая для первых ее лет задача формирования современной материально-технической базы была преимущественно решена к середине предвоенного десятилетия (в ходе реализации планов первой пятилетки 1928–1932 гг. и отчасти второй пятилетки 1933–1937 гг.). Это позволило И. В. Сталину уже в мае 1935 г. констатировать факт ликвидации «голода в области техники» и создания «широчайшей технической базы во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой»⁵⁹.

На следующем этапе индустриализации перед руководством страны встал вопрос о массовой подготовке промышленных кадров нового типа, умеющих эффективно использовать созданный технический потенциал. «Изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период... голода в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед», – подчеркивал И. В. Сталин. Именно с этим был связан переход к новому основному лозунгу индустриализации – «Кадры решают все!» (вместо «Техника решает все!»).

В определенном смысле, «пафос строительства сменился пафосом освоения»⁶⁰. Учитывая направленность государственной политики, не вызывает удивления тот факт, что начавшееся в конце августа 1935 г. в Донбассе

⁵⁹ Сталин И. В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г. // Избранные сочинения. Т. 2. М., 2000. С. 340.

⁶⁰ Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Стахановское движение: время и люди. М., 1984. С. 13.

стахановское движение встретило поддержку в самом высшем эшелоне советских партийных и хозяйственных руководителей.

История рекорда, давшего начало стахановскому движению, в разные эпохи преподносилась по-разному. Однако факт можно считать общепризнанным: в ночь с 30 на 31 августа 1935 г. забойщик А. Г. Стаханов, работая отбойным молотком модели ОМ-5 (производства ленинградского завода «Пневматика») ⁶¹ в шахте «Центральная-Ирмино» Донецкого угольного бассейна, вырубил за 5 час. 45 мин. стандартной шахтерской смены 102 т. угля, в 14,5 раз перекрыв существовавшую норму ⁶². Данный показатель выглядел ошеломляюще не только на общесоюзном, но и на мировом уровне. К примеру, средняя производительность труда лучших забойщиков Рурского бассейна в Германии в тот же период не превышала 16–17 т. угля за рабочую смену ⁶³.

Впоследствии в советской печати оформилась тенденция приписывать данное достижение исключительно А. Г. Стаханову, хотя сам передовик никогда не скрывал того, что рекордные показатели были достигнуты при участии подсобных рабочих. «Следом за мной приступили к работе два крепильщика. Работали мы напряженно...» ⁶⁴, – упоминал он позже, повествуя об этих событиях. «Крепильщиками» в данном случае названы участники смены, устанавливавшие деревянные подпорки вслед за продвижением А. Г. Стаханова вглубь шахты. Делалось это с той целью, чтобы порода не обвалилась, не придавила шахтера и не перекрыла ему путь наружу.

Подобная система организации труда существовала в отечественных шахтах десятилетиями, однако до рекордной смены А. Г. Стаханова обозначенную функцию выполнял сам забойщик, что отвлекало его от непосредственной задачи – вырубке угля. Крупнейший в довоенном СССР специалист по научной

⁶¹ Стаханов А. Г. Жизнь шахтерская. Киев, 1986. С. 53.

⁶² Правда. 1935. № 242. С. 6.

⁶³ Молотов В. М. О стахановском движении и культуре рабочего класса. М., 1935. С. 5.

⁶⁴ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14-17 ноября 1935. Стенографический отчет. М., 1935. С. 12.

организации труда А. К. Гастев отмечал, что именно в «отделении основных операций от вспомогательных» лежат корни стахановских успехов⁶⁵. Несмотря на то, что метод организации труда участников первой стахановской смены активно пропагандировался во второй половине 1930-х гг., имена помощников основателя движения обычно не приводились. Однако А. Г. Стаханов все же упомянул их в своих мемуарах – Тихон Щиголев и Гаврила Борисенко⁶⁶.

Если факт использования А. Г. Стахановым подсобной рабочей силы во время рекордной смены являлся широко известным, то рационализаторская составляющая его метода зачастую оставалась (и продолжает оставаться) «за кадром». Несмотря на это, немногочисленные упоминания в источниках позволяют констатировать, что она также сыграла определенную роль в достижении итогового результата. Суть нововведения заключалась в удлинении уступов в забое за счет уменьшения их количества (с 9-10 до 3-4). Это, в свою очередь, разгружало забойщика и его помощников от лишней работы и давало ощутимую экономию времени⁶⁷.

Еще одним спорным моментом являлся вопрос об инициаторе рекорда. Сам А. Г. Стаханов, ставший лицом нового движения и связанной с ним идеолого-пропагандистской кампании, в дальнейшем неоднократно называл таковым себя. К примеру, в своем выступлении на I Всесоюзном совещании стахановцев он подчеркивал, что «крепко подумать» на тему повышения производительности труда его заставила речь И. В. Сталина на выпуске академиков Красной армии от 4 мая 1935 г. Согласно Стаханову, вскоре после этого у него возникли планы организовать рекорд в честь Международного юношеского дня (1 сентября)⁶⁸.

Однако в послевоенное время в советской историографии эта концепция отошла на второй план, а в качестве инициатора рекордной смены в научной

⁶⁵ Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М., 1972. С. 320.

⁶⁶ Стаханов А. Г. Указ. соч. С. 45.

⁶⁷ Стахановец. 1937. № 7. С. 46.

⁶⁸ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14–17 ноября 1935. Стенографический отчет. М., 1935. С. 12.

литературе чаще всего фигурировала партийная ячейка шахты «Центральная-Ирмино», в особенности, парторг К. Г. Петров, что было связано с тенденцией в советской исторической науке акцентировать внимание на роли партийных организаций в развитии стахановского движения⁶⁹. Надо сказать, что сам К. Г. Петров в разное время также придерживался различных версий на этот счет. Так, во второй половине 1930-х гг. он не оспаривал факт, что автором идеи рекордной смены являлся лично А. Г. Стаханов⁷⁰. Однако спустя несколько десятилетий, в предисловии к юбилейному изданию мемуаров А. Г. Стаханова, бывший парторг его шахты писал: «Тогда у меня зародилась мысль организовать рекорд забойщика. За ним, рассчитывал я, пойдут и другие»⁷¹.

Вместе с тем, уже тогда ни у кого не вызывало сомнения то, что К. Г. Петров сыграл ключевую роль в распространении информации о рекорде А. Г. Стаханова. Сам парторг шахты «Центральная-Ирмино» описывал это следующим образом: «С достижением Стаханова мы не поступили, как с очередным рекордом, а придали этому делу исключительно важное политическое значение. Уже на другой день мы приняли специальное решение о методе Стаханова, объявили по шахте стахановский поход за высокую производительность труда»⁷². Кроме того, сообщение о результатах рекордной смены было отправлено в Донецкий обком КП(б)У, откуда было перенаправлено в Москву первым секретарем С. А. Саркисовым.

Так или иначе, результат смены был зафиксирован и вскоре попал в печать. На следующий же день заметка о рекорде появилась в местной газете «Кадиевский пролетарий», а 2 сентября была перепечатана «Правдой». Через несколько дней, 6 сентября, в «Правде» на первой странице вышла статья под

⁶⁹ История советского рабочего класса. Т.2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества (1921–1937 гг.). М., 1984. С. 282.

⁷⁰ Правда. 1935. № 275. С. 3.

⁷¹ Стаханов А. Г. Указ. соч. С. 6.

⁷² За индустриализацию. 1935. № 263. С. 2.

названием «Советские богатыри», посвященная трудовым успехам А. Г. Стаханова и еще одного шахтера-передовика – М. Д. Дюканова, к тому времени побившего первый стахановский рекорд. В последующие дни количество публикаций, посвященных этой тематике, на страницах главной газеты СССР только возрастало, а в номер «Правды» от 11 сентября 1935 г. была помещена статья «Великий почин Донбасса», где впервые появился сам термин «стахановское движение»⁷³. Под ним подразумевалось движение за повышение производительности труда среди шахтеров Донецкого угольного бассейна.

Однако новое движение вскоре расширило территориальные и отраслевые рамки. К концу сентября свои «зачинатели» стахановского движения появились сразу в нескольких отраслях советской промышленности: А. Х. Бусыгин – в автомобилестроении, И. И. Гудов – в станкостроении, П. Ф. Кривонос – на железнодорожном транспорте, Н. С. Сметанин – в кожевенно-обувной промышленности, Е. В. Виноградова и М. И. Виноградова – в текстильном производстве. Через определенное время «стахановский почин» пришел и в сельское хозяйство, где его лицом стали такие передовики, как трактористка П. Н. Ангелина, комбайнер К. А. Борин, сборщица свеклы М. С. Демченко, сборщица хлопка М. А. Нахангова и др.

К началу октября «волна» стахановского движения докатилась до регионов, не являющихся ведущими промышленными центрами, где вскоре появились свои стахановцы местного значения. Ускоренные темпы этого процесса объяснялись сразу несколькими факторами. Первым из них была активность периодической печати, благодаря которой рабочие в большинстве случаев и узнавали о новом движении. Например, стахановец Комбината учебно-технического школьного оборудования г. Кирова А. А. Лузянин решил включиться в движение после

⁷³ Арнаутов Н. Б. Идеология «стахановского движения» в советской политической пропаганде (по материалам центральной периодической печати) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов рег. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 225.

прочтения статьи о достижениях А. Г. Стаханова: «Прочитав в газете о рекордной добыче угля на шахтах Донбасса, о рекорде товарища Стаханова, у меня явилась мысль: а почему мы не можем дать больше?»⁷⁴. Другой участник стахановского движения, бригадир Ижстальзавода (Удмуртская АССР) П. Т. Брагин, также почерпнул первые знания о нем из газетной публикации⁷⁵.

Параллельно с этим, в печати начали появляться своеобразные «послания» хозяйственным руководителям, содержащие заверения, что стахановская кампания не сойдет «на нет» в ближайшие месяцы. Так, на первой странице номера «Правды» от 10 октября 1935 г. директора заводов, начальники цехов и инженеры, рассчитывающие на скорое окончание стахановского движения, характеризовались как «кретины и тупицы»⁷⁶.

К числу других факторов, способствовавших распространению движения, можно отнести внедрение прогрессивно-сдельной системы оплаты труда на отечественных предприятиях, по времени совпавшее с началом стахановского движения. Эта система отличалась от предшествовавшей повременно-премиальной, прежде всего, тем, что рост заработной платы работника отныне ставился в прямую зависимость от количества произведенных им единиц продукции. Еще на VII Всесоюзном съезде советов (январь-февраль 1935 г.) В. М. Молотов назвал введение системы оплаты труда данного типа «центральным вопросом в строительстве социализма», так как она, по его мнению, обеспечивало необходимое для советской экономики «сочетание личного интереса и общественной пользы»⁷⁷. Подобные нововведения положительным образом сказывались на увеличении количества стахановцев, так как в условиях «прогрессивной сдельщины» участники движения могли получать зарплаты, многократно превосходящие средние по отраслям.

⁷⁴ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С. 56.

⁷⁵ Стахановцы Ижстальзавода. Ижевск, 1935. С. 88.

⁷⁶ Правда. 1935. № 280. С. 1.

⁷⁷ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 8. Д. 27. Л. 2.

В качестве примера можно взять средние данные по зарплате шахтеров Донбасса в первые месяцы развития стахановского движения. Так, месячный заработок обычного шахтера-забойщика варьировался в диапазоне 400–500 руб., в то время как забойщики-стахановцы зарабатывали за месяц в среднем 1600 руб. При этом средняя зарплата в целом по советской промышленности составляла около 170 руб., хотя на практике отдельные малоквалифицированные рабочие могли получать еще более скромные суммы⁷⁸. Другой показательный пример: из 100 делегатов съезда стахановцев-угольщиков Донбасса (январь 1936 г.) 64 получали зарплату свыше 800 рублей⁷⁹.

Характерной особенностью новой системы начисления заработной платы являлось то, что она была ориентирована, в первую очередь, на квалифицированные кадры, в среде которых и разворачивалось на первых порах стахановское движение. Вместе с тем, она не охватывала значительную массу рабочих вспомогательных специальностей. В частности, к началу 1936 г. в текстильной промышленности Ивановской области «большая часть подсобных рабочих не была охвачена перестройкой зарплаты», что создавало «значительный отрыв их зарплаты от зарплаты основных рабочих», формировавшейся уже по новой системе⁸⁰.

Фактор материальной заинтересованности участников стахановского движения не ограничивался высоким уровнем зарплаты. Стахановцы также имели преимущество при распределении социально-бытовых и культурных благ на своих предприятиях. Таковое в середине 1930-х гг. обычно осуществлялось по линии профсоюзов. Соответствующая политика реализовывалась как ВЦСПС, так и региональными советами профсоюзов. К примеру, Кировский краевой совет профессиональных союзов в сентябре 1936 г. своим постановлением предписывал

⁷⁸ Роговин В. З. Сталинский неонэп. М., 1995. С. 208.

⁷⁹ За индустриализацию. 1936. № 6. С. 1.

⁸⁰ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 8. Д. 44. Л. 3.

профсоюзным организациям на предприятиях края отдавать предпочтение стахановцам и их семьям при санаторно-курортном и культурно-развлекательном обслуживании⁸¹.

Еще одним катализатором для стахановского движения на первом этапе его развития стала отмена карточной системы распределения основных продуктов питания, существовавшей в стране с 1928 г. Ее появление в тот момент советской истории было связано с хлебозаготовительным кризисом и потерями начального этапа коллективизации. Что касается отмены продуктовых карточек, то этот шаг руководства страны был обусловлен относительной стабилизацией системы колхозов и также совпал по времени с началом стахановского движения.

Постановлением СНК СССР от 7 декабря 1934 г. с 1 января 1935 г. отменялась карточная система распределения ржаного и пшеничного хлеба, а также муки и отдельных видов круп⁸². Примерно через полгода были отменены карточки и на остальные продовольственные товары. Совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель» вышло в свет 25 сентября 1935 г. В нем подчеркивалось, что отмена карточек на продукты питания «создает новые стимулы к дальнейшему росту производительности труда», так как благополучие каждого работника отныне «будет зависеть только от того, сколько он заработает»⁸³.

Позитивный результат отмены карточной системы не заставил себя ждать, проявившись в оживлении торговли. Это подтверждают показатели роста

⁸¹ ГАКО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 39. Л. 37–38.

⁸² Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 179.

⁸³ Правда. 1935. № 266. С. 1.

товарооборота (в денежном выражении) по Кировскому краю: если в 1934 г. он составлял 465 млн. руб., то в 1936 г. увеличился до 851 млн. руб., т. е. в два раза⁸⁴.

Однако у введения «свободной торговли» продуктами питания была и обратная сторона – некоторый рост цен на продовольственные товары. Так, цена 1 кг. ржаного хлеба после отмены карточек в среднем по стране составила 1 руб., что было больше прежней государственной цены примерно в два раза⁸⁵. Для компенсации потерь населения в течение 1935 г. по всей стране была проведена значительная (составившая в сумме около 4,5 млрд. руб.) т. н. «хлебная прибавка» зарплаты. Прибавка эта, как указывалось в справке сектора труда Госплана СССР, «поднимала уровень заработной платы по всем отраслям народного хозяйства в среднем на 10 %». В том же документе утверждалось, что «такой размер прибавки не только компенсировал, но и во многих семьях рабочих и служащих перекрывал расходы, связанные с отменой нормированных цен на продукты питания»⁸⁶.

Вместе с тем, основной тенденцией в советской розничной торговле тех лет все же было снижение цен на продовольственные товары. Об этом говорит тот факт, что к началу 1937 г. отдельные продукты питания существенно подешевели, в сравнении с ценами конца 1935 г. К примеру, если 1 кг. сливочного масла высшего сорта стоил в конце 1935 г. 24 руб., то к январю 1937 г. его цена упала до 16 руб. 50 коп. Та же тенденция прослеживалась в отношении цен на некоторые другие продовольственные товары: сахар-рафинад (цена снизилась с 7 руб. 50 коп. за кг. до 4 руб. 60 коп.), «Любительскую колбасу» (с 18 руб. до 11 руб. 80 коп.), «Краковскую колбасу» (с 20 руб. до 13 руб. 50 коп.) и шоколад (со 170 руб. 50 коп. до 78 руб. 60 коп.)⁸⁷. Как видно из приведенных данных, цены на указанные категории продовольственных товаров за год упали в среднем на 40 %.

⁸⁴ Дубовцев В. А. Модернизация: история нашего времени. Экономические и общественно-политические процессы в ходе советской модернизации и либеральных реформ. Киров, 2015. С. 261.

⁸⁵ Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 гг. // Отечественная история. 1999. № 5. С. 96.

⁸⁶ Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Документы и материалы. М., 1971. С. 287–288.

⁸⁷ Кировская правда. 1937. № 7. С. 3.

Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что отмена карточной системы, в сочетании с прогрессивно-сдельной системой начисления заработной платы, значительно повысила материальную заинтересованность промышленных рабочих в результатах своего труда и превратилась в серьезный стимул для вступления в ряды стахановцев.

Следующим важным шагом в развитии стахановского движения стало проведение I Всесоюзного совещания рабочих и работниц-стахановцев промышленности и транспорта, которое прошло в Москве 14–17 ноября 1935 г. Стоит заметить, что этот торжественный съезд не являлся первым мероприятием подобного рода с участием стахановцев. К примеру, Всесоюзный съезд стахановцев автотракторной промышленности прошел в г. Горьком еще 10 октября 1935 г.⁸⁸ Однако ноябрьское совещание в Кремле отличалось особой значимостью по двум причинам: во-первых, его делегатами были ведущие стахановцы основных отраслей советской промышленности и транспорта со всей страны; во-вторых, в работе совещания принимали участие представители высшего слоя советской правящей элиты, такие как И. В. Сталин, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Л. М. Каганович, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев и др., что придавало ему самый высокий политический статус.

В качестве первого важного итога мероприятия следует отметить попытку партийного руководства внести определенность в само понятие «стахановец». В частности, В. М. Молотов в своем докладе назвал стахановцев «ударниками, овладевшими техникой»⁸⁹. Что касается ударничества, то оно впоследствии рассматривалось советскими руководителями в качестве источника пополнения стахановского движения. К примеру, Г. К. Орджоникидзе на заседании совета при наркомате тяжелой промышленности 29 июня 1936 г. подчеркнул: «Ударники – это

⁸⁸ Кировская правда. 1935. № 234. С. 3.

⁸⁹ Молотов В. М. О стахановском движении и культурности рабочего класса. М., 1935. С. 18.

тот резерв, откуда все время, систематически будут пополняться и увеличиваться ряды стахановцев»⁹⁰.

Возвращаясь к молотовскому определению стахановцев, стоит заметить, что именно оно легло в основу бытовавшей в последующие годы концепции о преемственности стахановского движения по отношению к ударничеству и другим, более ранним формам соцсоревнования. На практике содержание этого определения уточнялось и далее с учетом условий определенной отрасли или предприятия. К примеру, на парфюмерной фабрике «Новая заря» треста ТЖ (г. Москва) в конце 1935 г. стахановцем считался рабочий, увеличивший производительность труда на 50 % и выше с изменением технологического процесса или внесением изменений в организацию труда на рабочем месте⁹¹.

Другим важнейшим итогом совещания стало выступление И. В. Сталина, озвученное им 17 ноября «под занавес» мероприятия. Эта речь стала своего рода программой в отношении стахановского движения на следующие несколько лет. В числе прочего советский лидер резюмировал следующее: «Стахановское движение ...ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, ...производственных планов и балансов»⁹². Из приведенной выдержки следует, что советское руководство ожидало от нового движения, в первую очередь, преодоления старых норм выработки, т. е. резкого повышения производительности труда в масштабах всего народного хозяйства. Данную мысль из выступления И. В. Сталина в более эмоциональной форме повторил все тот же нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе: «То, что было до сих пор освящено всякими «научными нормами», «учеными» людьми и старыми практиками, — эти наши товарищи

⁹⁰ Искожевец. 1938. № 8. С. 1.

⁹¹ РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 5. Д. 10. Л. 1.

⁹² Сталин И. В. Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев // Избранные сочинения. Т. 2. М., 2000. С. 350–351.

стахановцы ...выбросили ко всем чертям как устарелое и задерживающее наше движение вперед»⁹³.

С этого времени в печати развернулась критика действующих норм выработки. Лейтмотивом этих публикаций являлось утверждение о несоответствии существующей системы нормирования возросшему техническому и кадровому потенциалу отечественной промышленности, а сами нормы объявлялись «плодами аппаратно-бюрократического творчества»⁹⁴. В такой ситуации решение о повышении норм становилось делом времени. И этот шаг был сделан на пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся 21–25 декабря 1935 г.

Стахановское движение было вынесено ключевым вопросом для обсуждения на пленуме. Если до этого момента роль ориентиров в данном направлении играли выступления и статьи руководителей страны, то декабрьский пленум подвел под движение нормативно-правовую базу. Было принято решение «заменить нынешние технические нормы, как устарелые, более высокими нормами и изменить соответственно нормы выработки в сторону некоторого их повышения», что обосновывалось многочисленными фактами перевыполнения стахановцами действующих норм. В ходе реализации этого решения партийным инстанциям предписывалось «сломить оставшееся сопротивление движению со стороны консервативной части хозяйственников и инженерно-технических работников всех отраслей»⁹⁵.

Примечательно, что в советской периодической печати первых месяцев развития стахановского движения не было единого мнения относительно возможного повышения норм, связанного с рекордами стахановцев. Так, на первой странице номера региональной газеты «Кировская правда» от 21 октября 1935 г. повышение норм и снижение расценок по заработной плате

⁹³ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14–17 ноября 1935. Стенографический отчет. М., 1935. С. 7–8.

⁹⁴ Кировская Правда. 1935. № 239. С. 1.

⁹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 286.

характеризовались как «удар по стахановско-бусыгинскому движению», а такие попытки предлагалось «беспощадно пресекать»⁹⁶. Вместе с тем, известный литератор Л. Л. Авербах писал на этот счет в одном из октябрьских номеров газеты «За индустриализацию»: «Норма не только требует определенной производительности труда, но и отражает ее сегодняшний уровень. Наши нормы свидетельствуют о том, что мы все еще ходим в коротких штанишках»⁹⁷.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) поставил точку в этом вопросе, дав указание наркоматам в течение нескольких месяцев подготовить обоснованные предложения по повышению норм в своих отраслях. Для этих целей весной 1936 г. было проведено 90 отраслевых конференций, в каждой из которых приняли участие самые результативные участники стахановского движения соответствующей отрасли⁹⁸. Конкретные подходы к разработке новых норм могли отличаться в зависимости от ведомств и отраслей, однако повышение обязательно должно было проходить с учетом достижений стахановцев. К примеру, в рамках Всесоюзного объединения «Союзутиль» весной 1936 г., как и повсеместно, состоялся пересмотр норм выработки. При этом в основу новых норм легли средние результаты, достигнутые стахановцами предприятий, подчиненных объединению⁹⁹.

В итоге нормы выработки существенно возросли во всех отраслях. В среднем по промышленности повышение составило около 30 %¹⁰⁰. При этом показатели по отдельным отраслям разнились. Так, в химической промышленности рост норм выработки составил 34 %, в энергетике – 51 %, в

⁹⁶ Кировская правда. 1935. № 243. С. 1.

⁹⁷ Авербах Л. Л. Стахановцы и машинное время // За индустриализацию. 1935. № 227. С. 2.

⁹⁸ Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. М., 1940. С. 240.

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 8. Д. 32. Л. 97.

¹⁰⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 23. Л. 77.

нефтедобыче и нефтепереработке – 27 %, в цветной металлургии – 35 %, в каменноугольной отрасли – 26 %¹⁰¹.

Выполнимость новых норм довольно быстро подтвердилась на практике. Хорошим примером тому являлась производительность труда тянульщиц Шубно-овчинного завода г. Кирова. Еще осенью 1935 г. выработка в 700 овчин за смену считалась среди них рекордной. В последующие месяцы стахановки данного предприятия последовательно увеличивали результат до 1000 овчин за смену и выше. В начале следующего 1936 г. с учетом этих достижений была установлена новая дневная норма выработки – 1075 овчин. При этом все работницы завода указанной специальности освоили новую норму сразу же после введения, а лучшие стахановки даже стали значительно перевыполнять ее¹⁰².

Оборотной стороной этого в отдельных случаях становилось падение качества производимой продукции. К примеру, на Омутнинском металлургическом заводе (Кировский край) с октября 1935 г. по апрель 1936 г. объемы выплавки стали увеличились в полтора раза, однако ее качество стало вызывать нарекание предприятий, которым она поставлялась в качестве сырья. Коллектив одного из таких предприятий (завода по производству хирургических инструментов) в апреле 1936 г. направил открытое письмо омутнинским металлургам. Содержание его было довольно резким: «Почти вся ваша сталь плохо раскислена, слишком хрупкая, а после нормальной термической обработки имеет склонность к коррозионности... Последняя партия хирургических инструментов полностью забракована из-за наличия в стали плен и трещин»¹⁰³.

Вслед за обнародованием решений декабрьского пленума и утверждением наркоматами обновленных норм выработки партийные органы усилили давление

¹⁰¹ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М., 1963. С. 107.

¹⁰² Кировская правда. 1937. № 109. С. 3.

¹⁰³ Омутнинский металлургический завод: краеведческие очерки. Киров, 2010. С. 134.

на тех директоров предприятий, инженерно-технических работников и служащих, чья лояльность стахановскому движению ставилась под сомнение.

Стоит заметить, что такого рода акценты присутствовали в риторике советских руководителей с первых недель развития движения новаторов. К примеру, Г. К. Орджоникидзе в своей телеграмме секретарю Донецкого обкома КП(б)У от 14 сентября 1935 г. выражал опасение, что движение может встретить «со стороны некоторых отсталых руководителей обывательский скептицизм, что на деле будет означать саботаж». Далее нарком тяжелой промышленности предписывал «немедленно отстранять таких горе-руководителей»¹⁰⁴. Схожие настроения прослеживались в статье А. А. Жданова «Стахановское движение и производственные руководители», увидевшей свет осенью 1935 г. «Стахановское движение является экзаменом и проверкой для каждого нашего работника и тот, кто не возглавит этого движения, этой инициативы, тот потерян как руководитель»¹⁰⁵, – подчеркивалось в статье.

Еще более радикально по этому вопросу нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе высказывался впоследствии: «одни [руководители] относятся к этому движению, идущему снизу, бюрократически, пренебрежительно: «Кто такие Стаханов, Бусыгин, что они понимают?» Таких надо сметать с героического стахановско-бусыгинского пути!»¹⁰⁶ Во всесоюзной прессе тех месяцев встречалось утверждение, что даже малейшее сомнение любого руководителя в правильности стахановских методов уже является их саботажем¹⁰⁷.

Движение действительно стало встречать сопротивление почти сразу после своего зарождения. Вместе с тем, наиболее активными носителями «антистахановских настроений» (такое название данное явление получит

¹⁰⁴ История советского рабочего класса. Т.2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества (1921–1937 гг.). М., 1984. С. 283.

¹⁰⁵ Комсомольское племя. 1935. № 164. С. 3.

¹⁰⁶ За индустриализацию. 1935. № 235. С. 1.

¹⁰⁷ За индустриализацию. 1935. № 239. С. 1.

впоследствии) на первом этапе его развития были, как правило, простые рабочие. Главной их причиной становился страх перед возможным повышением норм (как выяснилось – не безосновательный). На практике подобные настроения выливались в словесные нападки в отношении стахановцев, а в отдельных случаях – в физическое насилие.

Показателен случай забойщика-стахановца шахты им. Красного Октября (г. Енакиево, Донбасс) Ляльченко. В начале октября 1935 г. Ляльченко, получив первую стахановскую зарплату, отправился на ярмарку покупать себе пальто. Там к нему подошли коллеги по шахте Бобрунков и Бордюгов и предложили «позавтракать». В реальности вместо угощения стахановец был избит упомянутыми гражданами. Свой поступок они мотивировали тем, что из-за рекордов стахановца «всем повысят норму». Но этим дело не ограничилось. Возвращаясь домой, избитый Ляльченко встретил шурина своего недоброжелателя Бобрункова – Карантаева, который повторно нанес ему побои¹⁰⁸.

Описанная история получила всесоюзную огласку через печать, где неоднократно характеризовалась как «гнусная вылазка классового врага» и террористический акт. Все три «саботажника» стахановского движения были впоследствии преданы суду и получили разные сроки лишения свободы. Главный, по мнению следствия, организатор избиения Ляльченко, «сын раскулаченного казака» Бордюгов получил 10 лет лагерей с конфискацией имущества, а его соучастники Бобрунков и Карантаев были приговорены к трем годам заключения каждый. Их имущество также было конфисковано в пользу государства¹⁰⁹.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) закрепил недопустимость и подсудность подобного поведения в отношении стахановцев, и соответствующая политическая линия стала активно реализовываться на местах. Причем в процесс на данном

¹⁰⁸ За индустриализацию. 1935. № 228. С. 1.

¹⁰⁹ За индустриализацию. 1935. № 242. С. 1.

этапе включились не только партийные организации разных уровней, но и комсомольские.

Вопросы, связанные с ролью комсомола в развитии стахановского движения, присутствовали в повестке дня X съезда ВЛКСМ, проходившего 11–21 апреля 1936 г. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, выступая с трибуны этого съезда, призвал комсомол активнее участвовать в развитии движения новаторов и «всячески помочь партии сломить саботаж и сопротивление стахановскому движению в системе управления народным хозяйством»¹¹⁰.

Призывы к более активным действиям по поддержке стахановцев со стороны организаций ВЛКСМ все чаще стали появляться и в периодической печати. «Сейчас от комсомольских организаций требуется не агитация за стахановское движение, а организация стахановского движения!»¹¹¹, – гласила первая страница газеты Кировского обкома комсомола в январе 1936 г.

Апогеем участия комсомольских организаций в развитии стахановского движения стал всесоюзный рейд «Легкой кавалерии» в его поддержку. Первые комсомольские отряды «Легкой кавалерии» появились еще в 1927 г. Основная их задача определялась как «борьба со всеми проявлениями бюрократизма в государственном аппарате»¹¹². В рамках соответствующих рейдов по учреждениям и предприятиям активисты комсомола собирали «жалобы трудящихся», контролировали рациональное расходование средств, выявляли «чуждые элементы» в коллективах. Всесоюзный рейд «Легкой кавалерии», проводившийся в январе-феврале 1936 г., был целиком посвящен стахановскому движению.

В памятке участникам рейда от ЦК ВЛКСМ подчеркивалось, что основной задачей рейда являлась «проверка решений декабрьского пленума ЦК ВКП(б) по

¹¹⁰ Десятый съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет (11–21 апреля 1936 г.). М., 1936. С. 409.

¹¹¹ Комсомольское племя. 1936. № 4. С. 1.

¹¹² Ипполитов В. А. Рейд «Легкой кавалерии» комсомола в 1934–1935 гг. как форма развития общественной активности молодежи // Социодинамика. 2015. № 11. С. 169.

вопросам стахановского движения и помощь хозяйственным организациям в этом деле»¹¹³. В том же документе были обозначены основные направления рейда: проверка организации труда и технического образования, контроль над реализацией рационализаторских предложений стахановцев, а также за процессами пересмотра норм выработки и начисления заработной платы.

Масштаб рейда 1936 г. в поддержку стахановского движения был внушительным. Только в Кировском крае в нем приняло участие 256 бригад «Легкой кавалерии» с числом участников более 1700 человек¹¹⁴. По итогам рейда на местах составлялись отчеты, которые впоследствии отправлялись в партийные органы, прокуратуру и НКВД. Нередкими были случаи привлечения к уголовной ответственности виновников выявленных комсомольцами нарушений. Так, в Ижевске только за февраль 1936 г. на материалах бригад «Легкой кавалерии» было заведено 19 уголовных дел по обвинению в саботаже стахановского движения среди работников административно-хозяйственных аппаратов предприятий города¹¹⁵.

Ажиотаж вокруг стахановского движения не снижался до середины 1936 г., и даже сам год был объявлен «стахановским» в масштабах всей страны. Этот факт говорит о том, что руководство страны возлагало на движение большие надежды в деле экономического роста. Так, председатель СНК СССР В. М. Молотов в своем докладе о народно-хозяйственном плане 1936 г. констатировал факт отставания отечественной экономики по части производительности труда от передовых капиталистических стран. При этом он подчеркнул, что именно «стахановское движение позволяет сделать новый крупный шаг в решении задачи «догнать и перегнать»¹¹⁶.

¹¹³ Расчистить путь стахановскому движению! О всесоюзном рейде «Легкой кавалерии» в помощь стахановскому движению. Киров, 1936. С. 1.

¹¹⁴ ГАСПИ КО. Ф. 6881. Оп. 2. Д. 35. Л. 123.

¹¹⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45. Л. 40.

¹¹⁶ Комсомольское племя. 1936. № 6. С. 2.

Однако уровень развития стахановского движения в конце 1935 г. вряд ли позволял в полной мере решить заявленную главой советского правительства задачу. Еще на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе откровенно признавал: «Пока еще много таких мест, где разговоров о стахановцах больше, чем стахановцев»¹¹⁷. Именно поэтому уже в начале «стахановского» 1936 г. Москва дала установку региональным партийным, комсомольским и хозяйственным органам переходить от «соревнования одиночек к соревнованию масс», т. е. от рекордов отдельных передовиков к целым группам рабочих, организованно перевыполняющих норму, – стахановским бригадам, сменам, цехам и т. д.¹¹⁸

Проведение в жизнь этих указаний имело противоречивые последствия для дальнейшего развития стахановского движения. С одной стороны, оно действительно превратилось в «движение миллионов» (по крайней мере, на бумаге), с другой – партийные и хозяйственные органы усилили давление на директоров заводов и фабрик, требуя резкого увеличения числа стахановцев. На практике это приводило к тому, что в их число де-юре попадали все рабочие, даже на незначительный процент перевыполнявшие нормы. Такой критерий обеспечивал количественный рост в ущерб первоначальному содержанию понятия «стахановец», связанному с идеей творческого изменения производственного процесса. В итоге на отдельных предприятиях больше половины рабочих по документам становились «стахановцами»¹¹⁹.

Параллельно с этим в периодической печати не стихала критика хозяйственных руководителей, «теряющих вкус к стахановскому движению»¹²⁰, на предприятиях которых численность стахановцев не возрастала или падала. При этом нажим на них шел не только со стороны прессы и партийных органов, но и

¹¹⁷ Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи. 1918–1937. М., 1945. С. 403.

¹¹⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.

¹¹⁹ ГАКО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 193. Л. 136.

¹²⁰ Правда. 1936. № 239. С. 1.

по линии наркоматов. К примеру, нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе в своем приказе от 27 апреля 1936 г. требовал от начальников угольных трестов Донбасса «повседневного конкретного руководства» стахановским движением без «передоверия этих своих функций промежуточным звеньям»¹²¹. Усиление такой риторики в официальных документах можно расценивать как свидетельство замедления реальных темпов роста движения уже к середине 1936 г.

Об этой тенденции свидетельствовало и появление новых форм пропаганды стахановского движения, необходимость в которых отсутствовала до этого момента. В частности, в 1936 г. к пропаганде стахановских методов активно подключается документальный кинематограф. Только кинофабриками Союзтехфильма в течение упомянутого года было произведено 11 документальных фильмов о методах работы ведущих участников движения. Это были следующие картины: «Маляры-стахановцы», «Арматурщики-стахановцы», «Мастера кирпичной кладки», «Штукатуры-стахановцы», «Бетонщики-стахановцы», «Паркетчик», «Знатный составитель», «Метод Евдокии и Марии Виноградовых», «Десять сторонок», «Николай Сметанин» и «Работа стахановца-рантовщика Виноградова»¹²². Перечисленные киноленты повествовали о стахановцах строительной отрасли, текстильной и обувной промышленности, а также ж/д транспорта.

Несмотря на некоторый спад в развитии движения, нельзя игнорировать тот факт, что деятельность стахановцев сыграла позитивную роль в динамике производительности труда в годы второй пятилетки. Согласно данным советской историографии, производительность труда в отдельных отраслях советской промышленности за 1935–1937 гг. возросла: в черной металлургии – на 66,3 %, в целлюлозно-бумажной отрасли – на 64,5 %, в машиностроении и

¹²¹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 27. Д. 21. Л. 65.

¹²² Стахановец. 1937. № 5. С. 60.

металлообработке – на 45,2 %¹²³. В целом средний рост производительности труда в экономике СССР в годы второй пятилетки был вдвое выше аналогичного показателя периода первой пятилетки (82 % против 41 %)¹²⁴.

Однако даже при условии обоснованности приведенных цифр, невозможно определить, что являлось главной причиной прогресса: техническое переоснащение советских предприятий и увеличение производственных мощностей или положительные тенденции в организации труда. Кроме того, даже такого роста было недостаточно для того, чтобы «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны по показателям производительности труда. Об этом в день второй годовщины стахановского движения откровенно сообщала на первой странице «Правда»¹²⁵.

Недостаточные, по мнению советского руководства, темпы роста производительности труда послужили причиной нового повышения норм выработки весной 1937 г. В марте этого года СНК СССР обязал общесоюзные наркоматы и совнаркомы союзных республик подготовить свои предложения по увеличению норм и снижению расценок по зарплате в разных отраслях. Информация об этом была заранее разослана в региональные партийные комитеты, которые должны были провести «массовую политическую подготовительную работу» перед началом кампании по пересмотру норм¹²⁶. В итоге нормы снова выросли в среднем на 13–18 %.

В тот же момент в истории страны наступает перелом, связанный с решениями февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., ознаменовавшего самый массовый всплеск политических репрессий за весь период существования советского государства. И. В. Сталин в своем докладе на

¹²³ История социалистической экономики СССР. Т. 4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М., 1978. С. 101.

¹²⁴ Роговин В. З. Указ. соч. С. 203.

¹²⁵ Правда. 1937. № 239. С. 1.

¹²⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 254. Л. 9.

пленуме затрагивал вопросы, связанные со стахановским движением в контексте наметившейся кампании по «окончательному разгрому врагов народа». Он констатировал, что «троцкистские и нетроцкистские вредители расстроили работу стахановцев» в ряде отраслей в предыдущие годы, а также подчеркивал, что лишь «обуздание вредительства» создаст необходимые условия для того, чтобы стахановское движение «развернулось во всю ширь и выполнило свою великую миссию»¹²⁷.

Такому подходу к проблемам стахановского движения способствовало реальное снижение интереса к нему в рабочей среде. К примеру, в октябрьском номере всесоюзного журнала «Стахановец» за 1937 г. вышла статья известного на всю страну передовика И. И. Гудова под красноречивым названием «Что стало со стахановским движением?». В ее тексте подчеркивалось: «В стахановском движении наступило заметное затишье. На этом основании некоторые «умники» не прочь распространяться даже о том, что родник стахановского творчества исчерпан. Это – чистейшая чепуха и клеветническая выдумка. Заминка в стахановском движении объясняется исключительно тем, что руководители забыли об их обязанности руководить нами, стахановцами»¹²⁸.

В этих условиях усиление кампании по борьбе с остатками политической оппозиции в партии и советском обществе наложило серьезный отпечаток на развитие стахановского движения в 1937–1938 гг. В эти годы многие, в том числе и объективно обусловленные проблемы связывались с вредительской деятельностью «гнусных прихвостней фашизма, лютых врагов народа – троцкистско-бухаринских шпионов и убийц», якобы организованно тормозивших развитие стахановского движения¹²⁹. Руководящие партийные органы на местах и вовсе предписывали директорам предприятий «придавать политическое значение

¹²⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 11–12.

¹²⁸ Гудов И. И. Что стало со стахановским движением? // Стахановец. 1937. № 8. С. 8.

¹²⁹ Правда. 1938. № 239. С. 1.

каждому факту, ведущему к срыву производства»¹³⁰. При таком подходе любой недочет в работе, будь то снижение показателей отдельных стахановцев или их уход с предприятия, в лучшем случае расценивались как «политическая близорукость» и преступная халатность, в худшем – как сознательная деятельность, направленная на срыв социалистического соревнования.

Стоит заметить, что на фоне этого в 1937 г. на отдельных предприятиях страны могло наблюдаться некоторое снижение численности стахановцев. К примеру, в период с 1 января по 1 апреля 1937 г. при общей тенденции к росту на шести из 17 крупнейших предприятий г. Кирова было отмечено снижение числа стахановцев (см. *Приложение 1*). В условиях продолжающегося всплеска политических репрессий подобный результат мог привести к нежелательным последствиям для директоров, председателей партийных комитетов и профсоюзных организаций данных предприятий.

Говоря о причинах упомянутой скачкообразности в динамике стахановского движения, уместно привести мнение французского писателя Андре Жида, в 1936 г. побывавшего в СССР. В своей книге «Возвращение из СССР» он характеризовал стахановское движение как «замечательное изобретение, чтобы встряхнуть народ от спячки», так как «оставленные без присмотра» советские рабочие «быстро расслабляются». Причину этого писатель видел во «врожденной малой производительности русского человека», коренным образом отличающей советскую экономику от хозяйства западных стран¹³¹.

Однако стоит заметить, что не все современники оценивали советского рабочего эпохи форсированной индустриализации столь скептически. К примеру, Л. Д. Троцкий, анализируя опыт стахановского движения, приводил следующую оценку: «Русский рабочий восприимчив, находчив и даровит. Любая сотня советских рабочих, переброшенная в условия, скажем, американской

¹³⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

¹³¹ Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчик. Возвращение из СССР. М., 1990. С. 533.

промышленности через несколько месяцев, даже недель не отставала бы, вероятно, от американских рабочих соответствующих категорий». Далее Л. Д. Троцкий пояснял, что причина отставания советской промышленности в плане производительности труда заключается не в мнимой, по его мнению, отсталости советского рабочего класса, а в советском административном персонале, который «отстает ...от новых производственных задач гораздо больше, чем рабочие»¹³².

Следующим важным рубежом для развития советской экономики стало принятие «Третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» (1938–1942 гг.). Его утверждение проходило на XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся 10–21 марта 1939 г. В тексте резолюции стахановское движение характеризовалось как «высшая форма» соцсоревнования, а «социалистически-сознательный труд стахановцев» объявлялся одним из ключевых факторов успешного выполнения планов второй пятилетки. Помимо этого, в документе содержалось предписание всем партийным, советским, хозяйственным и профсоюзным организациям «развертывать ...стахановское движение с обеспечением в предприятиях и учреждениях крепкой трудовой дисциплины и высокой производительности труда всех трудящихся»¹³³.

На этом этапе еще одним шагом в развитии стахановского движения стало появление новых его форм – многостаночного обслуживания и совмещения профессий. Они зародились в середине 1939 г. на Харьковском станкостроительном заводе и Уралмашзаводе им. Орджоникидзе. Суть многостаночничества заключалась в том, что один или группа рабочих обслуживали сразу несколько станков или других видов производственного оборудования. Что касается совмещения профессий, то содержание этой формы

¹³² Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет. М., 2012. С. 48.

¹³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945. М., 1985. С. 56–57, 77–78.

стахановского движения сводилось к выполнению работником разноплановых функций при овладении несколькими специальностями, как правило, смежными.

С первых дней распространения новых форм стахановского движения в периодической печати подчеркивался их качественно иной, в сравнении с предыдущими формами, уровень. Характерный пример: «Если стахановцы на первом этапе движения добились громадного увеличения производительности путем разделения труда, освобождения квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы и передачи ее подручному рабочему, то движение многостаночников построено на иной технической основе. Оно идет по линии внедрения элементов автоматизации, совмещения работы на многих станках, притом нередко различного типа, разделения операций не между людьми, а между машинами»¹³⁴.

Многостаночничество и совмещение профессий с этого времени активно внедрялись в производственную практику, в том числе «сверху». Так, наркомат тяжелого машиностроения СССР своим приказом от 25 июля 1939 г. предписывал начальникам главных управлений, директорам заводов и начальникам цехов «всемерно содействовать и создать необходимые условия для перехода рабочих на многостаночные работы». При этом «в целях поощрения практики перехода на обслуживание увеличенного количества станков» рабочим должны были выплачивать единовременные премии в размере 75–100 % от месячного оклада¹³⁵.

Новые формы стахановского движения сыграли определенную роль в дальнейшем росте производительности труда в промышленности. К примеру, на комбинате «Искож» г. Кирова в среде рабочих, перешедших на «уплотненную работу», производительность труда к весне 1940 г. возросла в среднем на 47 %¹³⁶. Помимо этого, многостаночничество и совмещение профессий оказались

¹³⁴ Комсомольское племя. 1939. № 179. С. 3.

¹³⁵ Индустриализация СССР. 1938–1941 гг. Документы и материалы. М., 1972. С. 315–316.

¹³⁶ Искожевец. 1940. № 16. С. 1.

актуальны в связи с переводом советской экономики на военные рельсы после начала Великой Отечественной войны.

К рубежу 1930–1940-х гг. стахановское движение нашло свое отражение и в отечественной культуре, в частности, в художественном кинематографе. В этот период вышло сразу несколько фильмов, посвященных движению новаторов. Так, в 1940 г. на советские экраны был выпущен фильм Л. Д. Лукова «Большая жизнь», повествующий о стахановцах Донбасса и их борьбе с «вредителями». В том же году появился еще один культовый фильм, посвященный движению, – лента Г. В. Александрова «Светлый путь» с Л. П. Орловой в главной роли, в основу сюжета которой была положена биография знаменитой стахановки текстильной промышленности Е. В. Виноградовой.

Последним крупным политическим мероприятием всесоюзного масштаба в довоенный период стала состоявшаяся в феврале 1941 г. XVIII партконференция. Целый блок ее решений был посвящен развитию кадрового потенциала, а также задаче повышения производительности труда в промышленности и на транспорте. К примеру, в резолюции содержался пункт о необходимости ликвидации «гнилой практики уравниловки в области заработной платы» и еще большего внедрения сдельщины и премиальной системы. В решениях конференции также фигурировало и непосредственно стахановское движение, но в самых общих формулировках: было решено «всемерно развивать» его, «направляя инициативу стахановцев на повышение производительности труда, на разрешение важнейших вопросов производства, на подтягивание отстающих участков...» и т. д.¹³⁷

Таким образом, ничего принципиально нового в отношении стахановского движения на партконференции сказано не было. Кроме того, оно стало значительно реже присутствовать в повестке дня ведущих органов управления и ведомств, из чего логично вытекает вывод о том, что движение новаторов исчерпало основной потенциал для развития, и интерес к нему со стороны

¹³⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945. М., 1985. С. 199, 201–202.

властных структур и самих рабочих существенно снизился. Вместе с тем, нельзя отрицать, что к тому моменту оно «получило свой статус в ряду ежегодно-возобновляемых политико-производственных кампаний»¹³⁸, стало символом своей эпохи и прочно заняло нишу в жизни советского социума.

¹³⁸ Чжун вэ Чжо. Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935–1936 гг. // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 65.

1.2. Основные этапы стахановского движения в Кировском регионе

К началу 1935 г. Кировский край по уровню экономического развития серьезно отставал от ведущих промышленных регионов страны. Об этом говорят следующие статистические данные. Население края (по средним данным за 1933 г.) составляло 3 млн. 317 тыс. человек, причем в городах проживало лишь 432, 5 тыс. (около 13 %)¹³⁹ из них, а индустриальными рабочими являлись 78 467 человек (примерно 2,4 % населения)¹⁴⁰.

Всего в регионе на 1 января 1935 г. насчитывалось 666 промышленных предприятий (исключая кустарное производство), однако только на 93 из них численность промышленно-производственного персонала превышала 100 человек¹⁴¹. Для сравнения: в 1933 г. в Донецкой области УССР существовало 1283 промышленных предприятия с общим числом работников 551 530 человек, а в Ленинградской области РСФСР (без г. Ленинграда) – 1217 предприятий, на которых насчитывалось 237 474 работников¹⁴².

Кроме того, даже в 1940 г. в структуре промышленности региона преобладали не самые приоритетные для эпохи индустриализации отрасли промышленности – лесная (34,2 %) и легкая (22,8 %). Более приоритетное для государства машиностроение было лишь на третьем месте (13,9 %). Доля же таких отраслей, как металлургия и химическая промышленность и вовсе была незначительной – 2,3 % и 1,1 % соответственно¹⁴³. Логично предположить, что в 1935 г. в структуре промышленности Кировского края доля легкой и лесной отраслей была еще выше в силу продолжавшегося процесса индустриализации. Приведенные выше статистические данные позволяют сделать вывод, что к

¹³⁹ Кировский край в цифрах. М., 1936. С. 171.

¹⁴⁰ Там же. С. 27.

¹⁴¹ Там же. С. 41.

¹⁴² СССР в цифрах. М., 1935. С. 24–25.

¹⁴³ ГАСПИ КО. Ф. 6881. Оп. 2. Д. 26. Л. 23.

моменту зарождения стахановского движения Кировский край был преимущественно аграрным регионом с относительно невысокими показателями развития тяжелой индустрии и урбанизации.

При этом стоит иметь в виду, что в 1935–1936 гг. в состав Кировского края входила Удмуртская АССР, на территории которой была расположена значительная часть крупных предприятий тяжелого машиностроения региона. Последующее выделение Удмуртии в отдельный регион в декабре 1936 г. привело к тому, что промышленный потенциал новообразованной Кировской области сократился еще примерно на треть (в 1934 г. доля автономной республики в сумме валовой продукции промышленности региона составляла 34,6%)¹⁴⁴. Однако необходимо учитывать и тот факт, что Воткинский и Сарапульский районы были переданы из состава Кировской области в состав Удмуртской АССР лишь в октябре 1937 г., а до этого момента руководство промышленностью на этих территориях осуществлялось из Кирова.

Несмотря на это, процессы ускоренной индустриализации и урбанизации, охватившие с конца 1920-х гг. всю страну, не обошли стороной и Кировский регион. Об этом красноречиво свидетельствовал бурный рост численности населения самого регионального центра: если в начале 1934 г. в г. Кирове проживало 85 600 жителей¹⁴⁵, то к 1 января 1936 г. его население уже составляло 117 094 человека¹⁴⁶. Указанный рост населения в условиях модернизации был закономерным и положительным явлением, однако имел и оборотную сторону, связанную с массовым притоком в город сельского населения. Это, в свою очередь, порождало проблему снижения и без того невысокого качества местных промышленных кадров.

¹⁴⁴ Кировский край в цифрах. М., 1936. С. 206.

¹⁴⁵ ГАСПИ КО. Ф. 6819. Оп. 2. Д. 18а. Л. 6.

¹⁴⁶ Районы Кировской области. Киров, 1937. С. 5.

Кроме того, в период первой и в начальные годы второй пятилетки на территории Кировского региона наблюдался существенный прогресс в деле промышленного строительства. Показательна следующая статистика: если объем выпуска промышленной продукции (в неизменных ценах 1926/1927 года) в 1932 г. составлял 329,4 млн. руб., то в 1934 г. этот показатель уже составил 410,0 млн. руб.¹⁴⁷

На этом фоне в регионе зародилось и начало разворачиваться стахановское движение. Первым упоминанием о нем в местной периодической печати можно считать заметку в газете «Кировская правда» от 9 сентября 1935 г. Она носила название «Замечательный почин передовиков Донбасса» и в краткой форме воспроизводила сообщения центральных печатных СМИ о рекорде А. Г. Стаханова. Собственно о стахановском движении в публикации речь не шла, а произошедшее в ночь с 30 на 31 августа в шахте «Центральная-Ирмино» преподносилось как начало «замечательного соревнования мастеров механизированной угледобычи на наибольшую производительность механизмов»¹⁴⁸. Второе из существовавших тогда общерегиональных периодических изданий – газета «Комсомольское племя» впервые напечатала материал об успехах основателя движения и первых стахановцев в номере от 25 сентября того же года¹⁴⁹.

В целом информация о развитии стахановского движения за сентябрь 1935 г. в периодической печати Кировского края была довольно скудной и ограничивалась несколькими заметками. Только 30 сентября в очередном номере «Кировской правды» вышла полноценная статья под заголовком «Стахановское движение приняло массовый характер». Примечательным являлось само по себе упоминание словосочетания «стахановское движение» на первой странице

¹⁴⁷ Кировский край между I и II чрезвычайными съездами советов. Киров, 1936. С. 5.

¹⁴⁸ Кировская правда. 1935. № 208. С. 1.

¹⁴⁹ Комсомольское племя. 1935. № 151. С. 1.

главной газеты региона. Непосредственно содержание публикации сводилось к рассказу о массовом распространении стахановских методов труда среди горняков Донбасса. Сообщалось также, что новое «движение мастеров забоя нашло отклик среди рабочих совхозов»¹⁵⁰. Данное замечание следует понимать в контексте расширения рамок движения за пределы угольной отрасли на том этапе его развития.

Настоящий всплеск интереса к стахановскому движению в печати Кировского края наблюдался уже во второй декаде октября. В номере «Кировской правды» от 12 октября 1935 г. впервые появился раздел «Наши стахановцы» с портретом местного участника движения – составителя железнодорожных вагонов станции Киров И. И. Глотова¹⁵¹. Впоследствии эта рубрика будет периодически появляться на страницах основных региональных газет вплоть до конца 1930-х гг. Что касается ее появления, то этот факт стоит расценивать как свидетельство зарождения стахановского движения и появления своих стахановцев среди рабочих региона.

Последующие несколько недель стали периодом активного распространения движения по территории края. При этом на отдельных предприятиях региона уже в эти дни наблюдались попытки целенаправленного его развития. Так, на Кожевенном комбинате им. В. И. Ленина (Слободской район) уже 16 октября прошло заседание заводского профсоюзного комитета с участием начальников цехов, главной темой которого было стахановское движение. На заседании была разработана программа его развития на комбинате, которая включала в себя несколько пунктов:

- 1) организацию точного учета стахановцев;
- 2) фиксацию ежедневной выработки передовиков;

¹⁵⁰ Кировская правда. 1935. № 225. С. 1.

¹⁵¹ Кировская правда. 1935. № 236. С. 3.

3) популяризацию успехов стахановцев через стенгазеты, многотиражку и доски почета;

4) создание особого денежного фонда для премирования стахановцев¹⁵².

В двадцатых числах октября список местных стахановцев уже насчитывал внушительное количество имен. К примеру, в «Кировской правде» от 21 октября упоминались следующие участники движения: станочница Калабина и кузнец Градобоев (Ижстальзавод), мездрильщики Харин и Колодкин (меховая фабрика «Белка»), бригадиры Татаринов и Сметанин (Воткинский машиностроительный завод), слесарь Каменских и формовщик Утробин («Кировский металлист»), тянульщики Доронина и Ожегов (Шубно-овчинный завод г. Кирова), выверщик весов Лузянин, слесарь Юферев и столяр Шестаков (Комбинат учебно-технического школьного оборудования г. Кирова), составители поездов Глотов и Шустов (железнодорожная станция Киров)¹⁵³. Как видно из приведенного списка, к числу стахановцев были отнесены работники разных предприятий, отраслей и специальностей, а география распространения стахановского движения на тот момент включала такие города региона, как Киров, Ижевск, Воткинск и Слободской.

Стоит заметить, что отдельные местные участники движения к тому времени уже добились существенных успехов, заметных даже в масштабах страны. Так, в ноябре 1935 г. на счету стахановцев Кировского края было четыре всесоюзных рекорда в разных областях. В данном направлении отличились рабочий меховой фабрики «Белка» Колодкин, раскройщик кожи В. Г. Фоминых (Кожевенный комбинат им. Коминтерна г. Кирова), работник Косинской бумажной фабрики К. И. Новокрещиков, а также бригада ткачих из г. Кирова в составе Е. Юферевой, А. Юферевой и Н. Суманеевой¹⁵⁴. Все перечисленные

¹⁵² Красный кожевник. 1935. № 40. С. 1.

¹⁵³ Кировская правда. 1935. № 243. С. 1.

¹⁵⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 598. Л. 114.

передовики в несколько раз перевыполняли установленные на их предприятиях нормы и перекрывали рекорды своих коллег из других регионов.

Немаловажным являлся вопрос о средствах достижения стахановцами рекордных показателей. Главным стахановским методом на предприятиях Кировского края, как и в целом по стране, в тот период являлось освобождение квалифицированных рабочих от второстепенных функций. В частности, стахановцы переплетного цеха Кировской типографии осенью 1935 г. добились перевыполнения норм «в результате разделения отдельных операций». Конкретные изменения касались процедуры резки алфавита, на которую был выделен подсобный рабочий¹⁵⁵.

Еще одним методом, позволявшим участникам стахановского движения добиваться резкого повышения производительности труда, было творческое изменение производственного процесса или, как минимум, отдельных его операций. К примеру, известный в Кировском регионе стахановец, выверщик весов Комбината учебно-технического школьного оборудования г. Кирова (сокр. КУТШО) А. А. Лузянин так описывал свои производственные новшества: «Если передвинуть наковальню сбоку и поставить ее против себя, исчезнут ненужные повороты, а если заранее подготовить призмы к коромыслам и заправить их, будет ловчее...». Кроме того, передовик сократил время, которое обычно тратил на курение и разговоры. Результат всего перечисленного был впечатляющим: 25 октября 1935 г. Лузянин выполнил дневное задание на 670 %¹⁵⁶.

Несмотря на приведенные примеры, сложно говорить об организованном стахановском движении на данном этапе даже применительно к упомянутым предприятиям. Об этом свидетельствует ряд фактов, отразившихся в периодике и документальных источниках. К примеру, заведующий профсоюзным комитетом меховой фабрики «Белка» Носырев в конце октября вовсе не понимал сущности

¹⁵⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 627. Л. 105.

¹⁵⁶ Комсомольское племя. 1935. № 166. С. 3.

стахановского движения и любой вопрос на эту тему вводил его в ступор¹⁵⁷. Были также предприятия, где не только руководители, но и рабочие имели весьма смутное представление о стахановском движении. Так, на Кировском лесозаводе № 2 «Заря Революции» движение начало распространяться лишь с 1 ноября 1935 г. «после неоднократных разъяснений рабочим о методах работы по-стахановски»¹⁵⁸.

Впрочем, стоит оговориться, что лесная отрасль была на тот момент одной из самых проблемных в регионе, систематически не выполняла план и почти не была затронута процессом механизации производства¹⁵⁹. По некоторым данным, основным инструментом рабочих на лесозаготовках региона вплоть до середины 1950-х гг. оставалась обычная лучковая пила¹⁶⁰. Что касается середины 1930-х гг., даже лучковая пила считалась технологическим новшеством в местных леспромхозах, а большинство лесорубов при валке и раскряжевке деревьев продолжали пользоваться менее эффективными ножовками.

Еще одним фактором отсталости отрасли было отсутствие мотивации у большинства работников. Это объяснялось тем, что в лесных хозяйствах Кировского края в тот период трудились, в основном, колхозники, обязанные отрабатывать на лесозаготовках определенное количество дней в году. Расплачивались с ними за это, как правило, колхозными трудоднями, поэтому материальных стимулов перевыполнять нормы у таких работников не было¹⁶¹.

Именно общей технической и кадровой отсталостью отрасли объяснялся тот факт, что стахановцами в местной лесной промышленности иногда считались рабочие, чьи показатели выполнения норм не достигали даже 100 %, однако на общем фоне при этом смотрелись выгодно. К примеру, средняя выработка

¹⁵⁷ Кировская правда. 1935. № 241. С. 3.

¹⁵⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 598. Л. 30.

¹⁵⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 23. Л. 75.

¹⁶⁰ Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001. С. 28.

¹⁶¹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 306. Л. 22.

16 лучших стахановцев Шестаковского мехлесопункта треста «Кирлес» в конце 1939 г. равнялась 81 %¹⁶². Учитывая перечисленные факты, можно сделать вывод, что в лесной промышленности региона отсутствовали базовые условия для развития стахановского движения, поэтому не стоит перекладывать сложившуюся в ней ситуацию на другие отрасли хозяйства региона.

Однако даже в лесной отрасли Кировского края появились свои стахановцы-рекордсмены. К примеру, на лесозаготовках региона, начиная с конца 1935 г., трудилась стахановская бригада лесорубов-норвежцев во главе рабочим Стуа. Источники свидетельствуют, что его бригада стала работать на территории региона еще в 1931 г. и с тех пор демонстрировала высокую производительность труда, выполняя существующие нормы в среднем на 300 %. В конце 1935 г. норвежцы включились в стахановское движение и стали выполнять нормы в среднем уже на 800 %. По словам самого Стуа, высоких результатов бригада добилась за счет правильной организации труда и применения нетипичных для данной местности инструментов и приспособлений: норвежских саней, а также пил и топоров канадского образца¹⁶³.

Возвращаясь к анализу развития движения на территории региона, можно констатировать факт, что крупнейшие предприятия края «обзавелись» своими стахановцами уже в октябре 1935 г., т. е. в первый месяц развития стахановского движения на его территории. Однако те пока являлись одиночками, развивающими движение без поддержки, а иногда и вопреки руководству своих цехов и предприятий. В частности, слесарь-стахановец Юферев из механического цеха физприборов КУТШО г. Кирова в своем интервью корреспонденту «Кировской правды», опубликованном в номере от 18 октября 1935 г., сетовал на безразличное отношение к стахановцам со стороны начальства: «в цехе ничего не делают, чтобы организовать стахановско-бусыгинское движение. У руководства

¹⁶² ГАКО. Ф. 2916. Оп. 3. Д. 10. Л. 14.

¹⁶³ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 306. Л. 129–130.

цеха обывательский скептицизм, пренебрежительное отношение к инициативе низовых работников, к творческому порыву масс»¹⁶⁴.

Краевые руководители также не проявляли интереса к стахановскому движению вплоть до конца ноября. Об этом свидетельствует тот факт, что вопрос о его развитии был впервые поднят на заседании бюро Кировского крайкома ВКП(б) лишь 23 ноября 1935 г., т. е. уже после проведения I Всесоюзного совещания стахановцев в Москве. Соответствующее постановление бюро содержало предписания партийным руководителям на местах организовать собрания по изучению материалов I Всесоюзного совещания стахановцев и речи И. В. Сталина на нем для того, чтобы «не было ни одного рабочего и колхозника, не знающего о работе ...совещания и речи тов. Сталина». При этом рекомендовалось иллюстрировать содержание сталинской речи примерами из практики местных стахановцев¹⁶⁵.

Важной вехой в развитии стахановского движения на территории региона стало I Кировское краевое совещание стахановцев, состоявшееся в Кирове 2 декабря 1935 г. Это было первое и единственное общерегиональное мероприятие с участием передовиков всех отраслей промышленности и транспорта в довоенный период истории Кировского края (впоследствии области). Оно ознаменовало собой поворот в политике партийных, государственных и профсоюзных органов региона к активной и всесторонней поддержке стахановского движения. Однако в дальнейшем проведение подобных съездов практиковалось в отдельных отраслях. К примеру, в течение 1936 г. было проведено целых два съезда стахановцев лесной промышленности – 16–18 февраля и 13 ноября¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Кировская правда. 1935. № 241. С. 3.

¹⁶⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 174. Л. 29–30.

¹⁶⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 306, 307.

Упомянутый выше поворот к поддержке движения со стороны властей подтверждался быстрым численным ростом стахановцев на крупных предприятиях региона в последующие несколько месяцев. В частности, на КУТШО г. Кирова в период с 1 декабря 1935 г. по 9 февраля 1936 г. количество стахановцев возросло со 180 до 572, т. е. в 3,2 раза (см. *Приложение 2*).

Всего на совещании присутствовало 254 делегата из большинства районов, а также партийные и хозяйственные руководители краевого уровня. По возрастному признаку в составе делегатов преобладала молодежь: 131 делегат (или около 52 %) от общего числа к моменту проведения совещания не преодолел 30-летний рубеж. Этот факт в целом подтверждал сформулированную И. В. Сталиным мысль о ведущей роли молодого поколения в развитии стахановского движения¹⁶⁷.

Однако другой тезис советской пропаганды о преобладании коммунистов и комсомольцев в составе стахановцев скорее опровергался статистикой совещания (см. *Приложение 3*). Так, из 254 делегатов было 53 коммуниста, 32 комсомолец и 10 кандидатов в члены ВКП(б), а остальные 159 участников (63 % от общего числа) к тому моменту оставались беспартийными¹⁶⁸. Стоит учесть, что приведенные данные касаются торжественного мероприятия, а не повседневного производственного процесса. На практике рабочие, состоящие в партии, зачастую не выполняли даже установленных норм¹⁶⁹. В отдельных отраслях охват партийцев стахановским движением и вовсе мог быть незначительным. Так, в лесной промышленности края к концу 1935 г. только 5,3 % коммунистов являлись стахановцами¹⁷⁰.

То же касалось и членства стахановцев в комсомоле. Хотя в официальных документах постоянно подчеркивалось, что все без исключения комсомольцы

¹⁶⁷ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 598. Л. 114.

¹⁶⁸ Там же. Л. 118.

¹⁶⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 596. Л. 146.

¹⁷⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 310. Л. 14.

должны быть участниками стахановского движения, реальная статистика по отдельным предприятиям региона выглядела не столь радужно. Так, в декабре 1935 г. на десяти крупнейших предприятиях г. Кирова работало 1172 члена ВЛКСМ, среди которых было 508 стахановцев (43 %). В то же время, на этих предприятиях трудилось 5344 представителя «несоюзной» молодежи и среди них было 1986 участников движения (37 %) ¹⁷¹. Как мы видим, процент стахановцев среди комсомольцев хоть и был выше, но все же отличался не столь существенно.

Вместе с тем, комсомольские организации отдельных предприятий в последующие месяцы добились серьезных успехов в развитии стахановского движения. В частности, к апрелю 1936 г. в организации ВЛКСМ меховой фабрики «Белка» г. Слободского (свыше 400 человек) все комсомольцы считались стахановцами ¹⁷².

Общее состояние дел в стахановском движении Кировского региона ко времени проведения I краевого слета стахановцев отразилось в выступлениях местных руководителей. Так, второй секретарь крайкома ВКП(б) С. П. Акопян в своем докладе откровенно отмечал: «У нас в крае сейчас стахановское движение находится в самом небольшом развитии. Вот у тов. Воробьева (директор меховой фабрики «Белка» – П. Ч.) стахановцев всего 17–19 человек, ...у Бессолицина (директор Кожевенного комбината им. Ленина г. Кирова – П. Ч.) зал хороший, а пока имеющиеся стахановцы у него за один стол могут сесть, всего 5–6 человек. Речь идет о том, что в нашем крае стахановское движение пока не развернуто как следует и нам надо его развернуть» ¹⁷³.

Такая оценка в целом подтверждалась количественными показателями. К примеру, в отчете промышленного отдела крайкома ВКП(б) о развитии стахановского движения в местной промышленности региона за 1935 г.

¹⁷¹ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 16. Л. 229.

¹⁷² Из речи секретаря Кировского крайкома комсомола Н. А. Березина на X съезде ВЛКСМ // Хрестоматия по истории Кировской области. Киров, 1982. С. 134.

¹⁷³ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599. Л. 73.

содержались данные о количестве стахановцев на самых передовых в этом отношении предприятиях, подчиненных крайместпрому. В числе таковых в документе фигурировал Шубно-овчинный завод г. Кирова (сокр. ШОЗ), где, по мнению составителей отчета, были на тот момент наиболее грамотно организованы «учет стахановцев, организация технической помощи, изучение и передача стахановского опыта». Там на 10 декабря 1935 г. числилось 730 рабочих, среди которых было 42 стахановца (т. е. приблизительно 6 %).

На втором из фигурировавших в отчете предприятий, Кожевенно-обувном комбинате г. Сарапула, наблюдалась схожая картина: в тот же период на нем насчитывалось 85 участников движения при общей численности рабочих 1222 человека. Таким образом, доля стахановцев на комбинате не превышала 7 %¹⁷⁴.

Количественные и качественные сдвиги в развитии движения на территории Кировского региона наблюдались уже в 1936 г., объявленном «стахановским» во всесоюзном масштабе. Как уже упоминалось, указания центра предписывали местному партийному и хозяйственному руководству, во-первых, резко увеличить количество участников движения, во-вторых, перейти от стахановцев-одиночек к целым группам рабочих, организованно перевыполняющим норму. Реализация данных указаний применительно к промышленности края развернулась зимой-весной 1936 г. К примеру, в рамках Вятского речного пароходства после начала навигационного сезона было решено «в соответствии с решением декабрьского пленума ЦК ВКП(б) развернуть стахановское движение, добиваясь организации, по примеру железнодорожного транспорта, стахановских пароходов и барж»¹⁷⁵.

Численный рост стахановцев на промышленных предприятиях Кировского края в этом году также был налицо. В частности, на заводе «Кировский металлист» количество стахановцев в период с 1 января 1936 г. по 1 января 1937 г. возросло с 64 до 160 человек, или с 21,5 % до 51,3 % в процентном

¹⁷⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 627. Л. 105.

¹⁷⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 8. Л. 49.

отношении от общего числа рабочих¹⁷⁶. В целом по промышленности региона также был отмечен внушительный рост. Так, к концу «стахановского» 1936 г. около 40 % всех индустриальных рабочих края относились к категории стахановцев¹⁷⁷.

Основным инструментом руководства в деле увеличения рядов участников движения была организация технической учебы для передачи стахановского опыта. В 1936 г. на крупнейших предприятиях края через курсы техминимума прошли тысячи рабочих. К примеру, на меховой фабрике «Белка» за год был обучен 1691 рабочий, на КУТШО г. Кирова – 1190, на Омутнинском металлургическом заводе – 1085 человек¹⁷⁸. Большое влияние на развитие технического образования в промышленности региона оказал комсомольский рейд «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения, проходивший в январе-феврале 1936 г. Если до рейда на предприятиях Кирова, Слободского, Ижевска, Омутнинска и Воткинска программами технической учебы было охвачено 6765 человек, то после рейда число обучающихся рабочих возросло до 15 932¹⁷⁹.

Программы курсов техминимума включали в себя не только изучение стахановских методов работы в соответствующей отрасли, но и определенный набор теоретических знаний о движении, напрямую не связанных с технической составляющей производственного процесса. В частности, в программу технической учебы для рабочих кожевенной промышленности Кировского региона входили такие темы, как «Сущность и значение стахановского движения как движения за преодоление существующих проектных мощностей» или «Стахановское движение как высшая форма социалистического соревнования»¹⁸⁰.

¹⁷⁶ ГАКО. Ф. 847. Оп. 3. Д. 24. Л. 136.

¹⁷⁷ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 111. Д. 414. Л. 13.

¹⁷⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 23. Л. 77.

¹⁷⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45. Л. 19.

¹⁸⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 299. Л. 32.

Весной-летом 1936 г. в промышленности Кировского региона, как и в целом по стране, прошел массовый пересмотр действующих норм выработки. На каждом конкретном предприятии он проходил с учетом его специфики, а также показателей, достигнутых местными стахановцами. К примеру, на КУТШО г. Кирова к июню 1936 г. было пересмотрено 11 254 из 13 995 норм, действовавших на тот момент на комбинате. При этом повышение в среднем составило 30,9 %¹⁸¹. В целом процесс пересмотра норм по Кировскому краю проходил постепенно и относительно спокойно, поскольку в источниках не отразилось ни одного факта противодействия этому со стороны местных рабочих.

Пересмотр норм на предприятиях региона приводил к снижению процента выработки, как среди основной массы рабочих, так и среди стахановцев. При этом средние показатели снижения находились в обратной зависимости от показателей повышения тех или иных норм. Характерным примером тому являлась выработка семи самых результативных стахановцев завода «Кировский металлист». Если в апреле 1936 г. они выполняли норму в среднем на 163 %, то в мае 1936 г., т. е. после пересмотра норм, они стали давать в среднем 131 % (см. *Приложение 4*).

При этом на крупнейших предприятиях региона не было отмечено существенного снижения заработной платы. В отдельных случаях даже наблюдался обратный процесс. Так, на Кожевенном комбинате им. Коминтерна г. Кирова в 1936 г. зарплата сотрудников возросла в среднем на 23 %, несмотря на проведенный пересмотр норм выработки¹⁸².

Параллельно с этим продолжалась активная пропагандистская кампания в пользу стахановского движения. Она проводилась, в первую очередь, через периодическую печать, однако не ограничивалась ею. В 1936 г. в краевом центре вышла брошюра под названием «Работать по-стахановски. Стахановцы

¹⁸¹ ГАКО. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 247. Л. 3.

¹⁸² Домрачев В. А. Орденоносный комбинат имени Коминтерна. Киров, 1982. С. 51.

Кировского края»¹⁸³, включившая биографические очерки об известнейших на тот момент передовиках региона. Всего в издание вошло 28 очерков о стахановцах разных предприятий и отраслей, где приводились художественно обработанные факты их биографий, описывались основные достижения и методы. Все это сопровождалось фотопортретами и комментариями самих стахановцев. Объем брошюры составил 96 страниц, тираж – 5 тыс. экземпляров, что было немало для такого провинциального региона, как Кировский край.

Парадоксально, но в тот же момент наблюдалось снижение интереса к стахановскому движению со стороны производственных руководителей. Это подтверждалось высказываниями самих его участников. В частности, стахановец КУТШО г. Кирова А. А. Лузянин в газетном интервью от 14 августа 1936 г. дал следующую оценку сложившейся на его комбинате ситуации: «Четыре-пять месяцев назад на нас, стахановцев, смотрела наша администрация, профсоюзы, комитет комсомола... Сейчас на стахановцев обращают у нас столько же внимания, сколько на рабочего, только что пришедшего в цех»¹⁸⁴. Еще один кировский стахановец, кузнец Ремонтно-монтажного завода Доронин, в конце 1936 г. высказывался в том же ключе: «На стахановцев не обращают внимания. Стахановец выполняет норму на 200–300 %, докладывает об этом мастеру и сам просит, чтобы оповещали об этом рабочих»¹⁸⁵.

Показательным примером безучастного отношения местных производственных руководителей к нуждам стахановцев и остальных рабочих может служить ситуация на Кирсинском и Песковском металлургических заводах, сложившаяся весной 1936 г. Руководители этих предприятий «подменили реальную стахановскую работу шумихой и совещаниями», не уделяя достаточного внимания материальным потребностям передовиков. Так, на обоих

¹⁸³ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936.

¹⁸⁴ Комсомольское племя. 1935. № 98. С. 3.

¹⁸⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 254. Л. 20.

заводах отсутствовала нормальная организация общественного питания: в столовой Кирсинского завода наблюдались «грязь, множество крыс, очереди за обедом, недостаток серого хлеба», а на Песковском заводе столовая не работала вовсе¹⁸⁶. В отчете промышленного отдела крайкома ВКП(б) медленное развитие стахановского движения на этих предприятиях связывалось, в том числе, и с этими факторами.

Очередной всплеск интереса партийных, комсомольских, хозяйственных органов, а также руководителей предприятий к стахановскому движению был связан с празднованием его годовщины в конце августа – начале сентября 1936 г. По этому поводу местная пресса провела отдельную агитационно-пропагандистскую кампанию, а на некоторых предприятиях региона были организованы праздничные мероприятия, посвященные знаменательной дате. Так, профсоюзный комитет Омутнинского металлургического завода в честь годовщины начала движения постановил провести общезаводскую конференцию стахановцев, выставить стенды с портретами лучших передовиков, выдать им денежные премии, а также устроить в их честь «массовые гулянья с катанием на лодках»¹⁸⁷.

Однако уже в тот период для ряда производственных руководителей было свойственно создавать видимость развития стахановского движения вместо реального прогресса в этом направлении. Поэтому темпы развития движения к концу 1936 г. замедлились, а местами даже остановились, о чем можно судить по статистическим данным отдельных предприятий за следующий 1937 г. В этот период на большинстве заводов и фабрик прекратился рост числа стахановцев, и даже наблюдалась обратная тенденция к снижению количества участников движения.

¹⁸⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 310. Л. 56–59.

¹⁸⁷ ГАКО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 39. Л. 42.

К примеру, на заводе «Кировский металлист» численность стахановцев в абсолютных показателях сократилась за год со 160 до 138 (с учетом выбывших и прибывших участников движения). Всего же за год предприятие потеряло 81 стахановца, большинство из которых ушли с работы по собственному желанию¹⁸⁸. Схожая картина наблюдалась на Кожевенном комбинате им. Коминтерна г. Кирова, который за 1937 г. лишился 87 стахановцев. В числе причин такого снижения в отчетах бюро обкома ВКП(б) фигурировали недостаток условий для деятельности стахановцев, прекращение политико-массовой работы с ними, отсутствие учета и передачи стахановского опыта¹⁸⁹. Стоит отметить, что «за бортом» официального отчета в данном случае остался такой важный фактор, как недоброжелательное отношение к стахановцам со стороны значительной части остальных рабочих, о чем речь пойдет впереди.

Именно руководителям предприятий в лице директоров, председателей заводских (фабричных) партийных организаций и профсоюзных комитетов в большинстве случаев вменялось в вину падение показателей развития стахановского движения при рассмотрении статистики таковых партийными и хозяйственными инстанциями. Так, на Кирсинском металлургическом заводе в 1937 г. было отмечено снижение численности стахановцев. В докладной записке «О состоянии стахановского движения на Кирсинском металлургическом заводе», составленной для промышленного отдела областного комитета ВКП(б), негативная динамика численности стахановцев на предприятии связывалась с тем, что партийный комитет и хозяйственное руководство завода «не занимались конкретными вопросами организации стахановского движения», а именно: прекратилась практика созыва совещаний стахановцев, перестали выдаваться премии лучшим передовикам, была свернута техническая учеба¹⁹⁰.

¹⁸⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 193. Л. 137.

¹⁸⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

¹⁹⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 285. Л. 6–7.

Между тем, падение численности стахановцев в 1937 г. происходило на фоне развернувшегося в стране «большого террора», и руководители предприятий могли быть подвергнуты репрессиям на основании соответствующих фактов. В частности, 19 июня 1937 г. бюро Кировского обкома ВКП(б) на очередном заседании рассмотрело ситуацию на Воткинском машиностроительном заводе. Предметом разбирательства стало то, что директор завода Иванов якобы игнорировал «крупнейшие прорывы и факты вредительской контрреволюционной деятельности» на предприятии, которые в результате сказались на выполнении плановых заданий и развитии социалистического соревнования. В итоге бюро постановило снять Иванова с работы, так как тот «не обеспечивал необходимой борьбы с вредительством»¹⁹¹.

Кампания по выявлению «врагов народа» в промышленности Кировской области принимала наиболее ярко выраженные формы на тех предприятиях, где было сорвано выполнение годовых, полугодовых и квартальных планов по выпуску готовой продукции и другим показателям. К примеру, в 1937 г. было сорвано выполнение плановых заданий на Кировском машиностроительном заводе. В отчете специальной комиссии обкома ВКП(б) отмечалось, что основной причиной такой ситуации явились «вредительские действия разоблаченных врагов народа», которые препятствовали нормальной работе предприятия, в т. ч. и через «отсутствие должной работы со стахановцами». Под «должной работой» в данном случае подразумевались систематическое освещение достижений стахановцев на цеховых досках учета, а также организация обмена опытом¹⁹².

Схожей была обстановка с выполнением плановых заданий 1937 г. на Мурашинском мехлесопункте, где было сорвано выполнение планов IV квартала. Это притом, что стахановцы предприятия ранее брали на себя «социалистическое обязательство» не только выполнить, но и перевыполнить их. В итоге бюро

¹⁹¹ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

¹⁹² ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 241. Л. 11.

обкома ВКП(б) обвинило в срыве плана руководство лесопункта, которое, с точки зрения партийных руководителей, «не заботилось о лучших людях», в частности, не снабжая своих стахановцев дефицитными товарами в первоочередном порядке¹⁹³.

Усиление нажима на местных производственных руководителей заставляло их принимать меры для увеличения объемов производства, принимавшие порой самые причудливые формы. Показательным в этом смысле являлся пример директора Котельнического кирпичного завода Южанина, который в 1937 г. практиковал выдачу рабочим алкоголя за перевыполнение норм. Так, каждой бригаде, систематически перевыполнявшей плановые задания, Южанин «жаловал литр водки и четверть (имеется в виду $\frac{1}{4}$ ведра, или 3 литра – П. Ч.) пива». Результат такого «стимулирования» был таков, что готовые кирпичи буквально рассыпались в руках¹⁹⁴.

Однако, даже с учетом подобных курьезов, а также других факторов, таких как негативная динамика численности стахановцев и резкое усиление репрессивной политики по отношению к руководящим кадрам в промышленности региона, производительность труда по всем отраслям в 1937 г. в среднем выросла на 12,3 %. В отчете промышленного отдела обкома ВКП(б) этот рост связывался, в первую очередь, с «внедрением автоматического оборудования и новыми методами труда, выдвинутыми стахановцами производства»¹⁹⁵.

Таким образом, согласно официальной версии, одним из ключевых факторов повышения производительности труда на предприятиях Кировской области в тот момент являлась рационализация производственного процесса, тесно связанная с деятельностью стахановцев. Однако статистические данные за соответствующий период дают более противоречивую картину. Так, на комбинате

¹⁹³ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 24. Л. 91.

¹⁹⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 285. Л. 60.

¹⁹⁵ Там же. Л. 62.

«Искож» г. Кирова, где количество рационализаторских предложений во второй половине 1930-х гг. поступательно росло (от 116 в 1936 г. до 475 в 1939 г.), авторами большинства из них являлись рабочие и ИТР, не относящиеся к категории стахановцев. В частности, в 1938 г. 215 работников комбината выдвинули рационализаторские предложения и только 37 из их числа оказались стахановцами¹⁹⁶.

Следующий 1938 г. в развитии стахановского движения на территории Кировской области был отмечен массовым проведением т. н. «стахановских дней» в разных отраслях, хотя отдельные случаи их проведения были отмечены еще в 1936–1937 гг. Это могли быть стахановские пятидневки, декады и даже месячники. Внедрение подобной практики должно было способствовать мобилизации ресурсов для ликвидации отставания в деле выполнения плановых заданий, поэтому «стахановские дни», как правило, организовывались в проблемных отраслях экономики региона: сельском хозяйстве, лесной промышленности, на водном транспорте и т. д. Иногда инициаторами их проведения становились сами рабочие-стахановцы. К примеру, стахановская декада по завершению подъема зяби, проходившая в области с 20 сентября по 1 октября 1937 г., была организована по предложению стахановцев передовых колхозов и МТС¹⁹⁷. Другой пример: 15 ноября того же г. стахановцы КУТШО через печать обратились к передовикам промышленности Кировской области с предложением организовать стахановский месячник для успешного выполнения планов 1937 г.¹⁹⁸

Итоги «стахановских дней» зачастую были положительными для развития стахановского движения там, где таковые организовывались. В частности, в рамках Вятского речного пароходства в феврале-марте 1938 г. проходил

¹⁹⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 149. Л. 20–25.

¹⁹⁷ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 94.

¹⁹⁸ Красный кожевник. 1937. № 47. С. 2.

стахановский месячник. За это время количество стахановцев среди работников пароходства выросло с 335 до 385 (т. е. рост составил 15 %). С точки зрения производственных показателей результат также был налицо: уже в первую декаду месячника среднесуточная перевозка грузов на судах ВРП возросла до 43 тыс. т. при норме в 21 тыс. т. Из отрицательных последствий «стахановских дней» можно отметить повывисшуюся аварийность: только за 17 дней месячника было допущено 24 аварии¹⁹⁹.

Руководством области предпринимались и другие попытки использовать соцсоревнование в качестве инструмента решения назревших в тех или иных отраслях проблем. В частности, лесная отрасль региона в 1938 г. так же, как и в предыдущие несколько лет, отставала от плановых заданий по заготовкам леса. Чтобы исправить ситуацию, обком ВКП(б) призвал комсомольскую организацию региона помочь отрасли с выполнением плана 1938 г. Вскоре после этого из г. Кирова в различные леспромхозы области отправились 150 человек, а через несколько месяцев их примеру последовали еще 2 тыс. юношей и девушек из разных уголков региона. Большинство из них в короткие сроки освоили новое дело и стали стахановцами, перевыполняя установленные нормы²⁰⁰.

Если для данных молодых людей стахановское движение послужило хорошим стартом трудовой деятельности, то отдельные местные рабочие, ставшие стахановцами еще на этапе становления движения, уже успели к тому моменту добиться серьезного продвижения по карьерной лестнице. Этому способствовала кадровая политика наркоматов и областного руководства, которая была направлена, в том числе, на выдвижение молодых передовиков на ответственные должности. К примеру, машинист-стахановец И. А. Трегубов, включившийся в движение осенью 1935 г., в начале 1938 г. получил место заместителя начальника Кировского паровозного депо. Примерно в то же время,

¹⁹⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 342. Л. 36–44.

²⁰⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 95. Л. 48.

согласно местной прессе, повышения удостоились десятки других стахановцев из числа комсомольцев и «несоюзной молодежи»²⁰¹.

Источники по развитию движения на отдельных предприятиях в целом подтверждают это. Так, на КУТШО г. Кирова только в период с 1 октября 1935 г. по 15 февраля 1936 г. на руководящую работу было выдвинуто 42 участника стахановского движения. Из них один стал начальником цеха, семеро – мастерами, трое – контролерами брака, один – нормировщиком, двое – профорганами и еще 28 человек получили должности бригадиров²⁰². Схожей являлась ситуация на Кожевенном комбинате им. В. И. Ленина, где за 1936 г. на руководящую работу было выдвинуто 30 молодых стахановцев. В данном случае большинство из них заняли специально созданные к тому моменту должности инструкторов по внедрению стахановских методов в отдельных цехах²⁰³. Такие должности в 1936–1937 гг. были введены не только на указанном предприятии. К примеру, один из ведущих стахановцев железнодорожного транспорта Кировского региона составитель вагонов И. И. Глотов занял аналогичную должность, введенную в 1937 г. на железнодорожной станции Киров²⁰⁴.

Кроме того, источники позволяют выявить еще одну характерную черту развития движения на территории региона в этот период: на предприятиях области обозначилась тенденция к внедрению стахановских методов в постоянную производственную практику, постановке их «на поток». Так, на заводе «Кировский металлист» в 1938 г. были введены должности «контролера инструментов и приспособлений» и «слесаря по мелкому текущему ремонту инструмента». В их обязанности входила проверка инструмента до начала рабочего дня и устранение мелких неисправностей в процессе работы²⁰⁵. Стоит

²⁰¹ Комсомольское племя. 1938. № 30. С. 3.

²⁰² ГАКО. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–3.

²⁰³ Красный кожевник. 1937. № 2. С. 1.

²⁰⁴ Кировская правда. 1937. № 208. С. 3.

²⁰⁵ ГАКО. Ф. 847. Оп. 3. Д. 26. Л. 114.

заметить, что вопрос эффективной организации рабочего места был одним из главных «столпов» стахановского движения с самого момента его зарождения.

В следующем 1939 г. существенных количественных сдвигов в развитии движения на территории региона не наблюдалось. Об этом говорит динамика численности стахановцев в промышленности Кировской области. По итогам года самый высокий рост количества стахановцев среди крупных предприятий области продемонстрировал КУТШО г. Кирова (рост на 10 % по отношению к предыдущему году), затем шли Кожевенный комбинат им. Коминтерна и Кировская текстильная фабрика (4 %), а далее комбинат «Искож» и Шубно-овчинный завод г. Кирова (3 %, см. *Приложение 5*). Если на перечисленных предприятиях наблюдалось повышение численности стахановцев, то на ряде других крупных заводов, напротив, было отмечено падение соответствующего показателя. Так, на заводе «Кировский металлист» в конце 1939 г. было на 4 % меньше стахановцев, чем в конце 1938 г. Аналогичные процессы можно проследить применительно к Кировскому машстройзаводу, где численность стахановцев упала за год на 6 %²⁰⁶.

Что касается качественных сдвигов, то они были связаны с появлением новых форм стахановского движения. Как уже упоминалось, в 1939 г. возникают и начинают популяризироваться такие формы стахановского движения, как многостаночничество и совмещение профессий. Данная тенденция не обошла стороной и Кировскую область. Вместе с тем, переход на обслуживание большего числа машин так и не стал массовым явлением на предприятиях региона в период до начала Великой Отечественной войны. К примеру, на комбинате «Искож» г. Кирова к концу 1939 г. числилось 1105 стахановцев, но лишь 19 человек из них при этом являлись многостаночниками (1,7 %). Схожая картина наблюдалась на

²⁰⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 223. Л. 6–12.

КУТШО г. Кирова: из 2854 стахановцев предприятия на нескольких станках работал лишь 21 (0,7 %) ²⁰⁷.

О том, что многостаночниками в регионе стали лишь несколько десятков передовиков, говорит и тот факт, что на совещании стахановцев-многостаночников, проведенном в октябре 1939 г. в редакции газеты «Кировская правда» (г. Киров) участвовало лишь 29 человек ²⁰⁸.

Совмещение профессий также не получило массового распространения в промышленности Кировской области в этот период. Единственным предприятием, где эта форма организации труда внедрялась, был тот же КУТШО г. Кирова. Там в начале 1940 г. работала бригада из 18 рабочих, совмещавших несколько профессий. Их бригадир В. Левашов сам одновременно выполнял работу мастера-вальцовщика и мастера-стержневика. Бригада Левашова регулярно выполняла производственные планы в среднем на 150–180 % ²⁰⁹.

Внедрение, пусть и в ограниченном масштабе, многостаночничества и совмещения профессий давало положительный результат. В частности, на комбинате «Искож» дневная выработка рабочих-стахановцев, перешедших на обслуживание большего количества станков, за первые месяцы 1940 г. в среднем увеличилась на 46 % (со 115 % до 161 % от установленной нормы). При этом средний дневной заработок тех же передовиков увеличился лишь на 33 % (с 11 руб. 70 коп. до 15 руб.) ²¹⁰, что позволяет сделать вывод о существовании определенных диспропорций между ростом производительности труда и заработной платы в промышленности Кировской области в начале 1940-х гг.

Рост производительности труда у отдельных многостаночников мог быть еще более внушительным. Так, стахановец судоремонтного завода «Память товарища Кирова» (Уржумский район) Ворошилов в начале октября 1939 г.

²⁰⁷ Там же. Л. 6.

²⁰⁸ Комсомольское племя. 1939. № 143. С. 4.

²⁰⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 3. Л. 9.

²¹⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 149. Л. 31.

перешел на обслуживание трех строгальных станков вместо одного, увеличив свою производительность до 800 % от действующей нормы. Интересный факт: его пример для остальных рабочих был настолько впечатляющим, что за первую декаду октября производительность труда по заводу возросла в среднем на 20 %, а количество стахановцев увеличилось со 140 до 167 человек²¹¹.

Еще одним прогрессивным явлением в стахановском движении в Кировской области в тот момент стало появление новой формы технической учебы – стахановских школ. Они отличались от распространенных до этого курсов техминимума тем, что преподавателями там были сами стахановцы «первой волны», выдвинувшиеся в предыдущие годы. Практика отдельных местных предприятий показала, что прошедшие обучение в стахановских школах рабочие начинали лучше выполнять нормы. Так, в июне 1940 г. стахановскую школу КУТШО закончили восемь рабочих, средний процент выработки которых вырос на 60 %²¹² (см. Приложение б).

Примерно в то же время в экономической жизни Кировской области распространилась практика заключения внутри- и межрегиональных договоров о социалистическом соревновании среди предприятий конкретных отраслей. Делалось это с целью дать дополнительную мотивацию руководству и кадровому составу предприятий, на которых наблюдались проблемы с выполнением плановых заданий. Данная практика была тесно связана со стахановским движением, так как именно стахановцы зачастую становились инициаторами такого соревнования.

К примеру, осенью 1940 г. по инициативе стахановцев лесной промышленности был заключен договор о соцсоревновании между трестами «Кирлес» и «Вятполянлес» сроком на год. Под соответствующим документом поставили свои подписи секретарь Кировского обкома ВКП(б) В. В. Лукьянов,

²¹¹ Комсомольское племя. 1939. № 146. С. 1.

²¹² ГАКО. Ф. 1414. Оп. 2. Д. 86а. Л. 51.

руководители обоих предприятий и их «лучшие стахановцы» – лесорубы Терехов, Костюнин и Санников²¹³. Чуть ранее был заключен подобный договор о соцсоревновании между предприятиями лесной промышленности Кировской области и Пермской области (с марта 1940 г. переименована в Молотовскую область), итоги которого должны были подводиться к концу года²¹⁴. Эти факты позволяют сделать вывод, что социалистическое соревнование продолжало на тот момент играть заметную роль в экономической жизни региона.

Вместе с тем, интерес к стахановскому движению со стороны руководителей области ощутимо снизился к началу 1940-х гг. Об этом говорит хотя бы тот факт, что среди докладчиков на IV Кировской областной конференции ВКП(б), проходившей 13–15 марта 1940 г., не было ни одного стахановца, в отличие от трех предыдущих конференций. Кроме того, вопросы стахановского движения отсутствовали в повестке дня. Секретарь Кировского обкома ВКП(б) М. Я. Канунников в основном докладе ограничился признанием того, что «достижения передовых предприятий области в значительной степени являются и результатом дальнейшего развития на них социалистического соревнования и стахановского движения»²¹⁵, а также некоторыми статистическими данными по росту числа стахановцев в регионе. Остальные выступающие также затрагивали тему движения лишь вскользь.

Пример данной конференции показателен, поскольку она стала последним крупным политическим мероприятием областного масштаба до начала войны и в некотором смысле подводила итоги экономического развития региона с момента его образования в конце 1934 г. Что касается стахановского движения, то отсутствие большого внимания к нему на IV областной партконференции вполне вписывается в общесоюзные тенденции.

²¹³ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 254. Л. 16–18.

²¹⁴ Там же. Л. 108.

²¹⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 3. Л. 8.

Несмотря на это, в отдельных отраслях промышленности региона до самого конца изучаемого нами периода наблюдался поступательный количественный рост стахановцев. Так, численность участников движения на предприятиях, подчиненных управлению легкой промышленности при Кировском облисполкоме с 1 января 1939 г. по 1 января 1941 г. возросла с 978 до 1122 (см. Приложение 7). Рост числа стахановцев на данных предприятиях также сопровождался увеличением валовой продукции, которая за период с 1 января 1936 по 1 января 1941 выросла в два раза²¹⁶.

Промышленность региона в рассматриваемый период также демонстрировала уверенный рост, особенно в 1935–1936 гг., когда развитие стахановского движения в Кировском крае шло наиболее интенсивно. Так, объем выпуска продукции крупной промышленности региона в 1934 г. составил 410 млн. руб. (в неизменных ценах 1926/1927 гг.), в 1935 году – 539 млн. руб., а за первые девять месяцев «стахановского» 1936 г. – уже 571 млн. руб.²¹⁷ В целом за II пятилетку рост объемов производства в промышленности региона составил 203,9 %. Для сравнения: соответствующий показатель за годы I пятилетки равнялся 180,3 %. Возросло и число промышленно-производственного персонала предприятий, которое, даже учетом выхода из состава региона Удмуртской АССР, в 1940 г. составило 87,1 тыс. человек (против 78,5 тыс. в 1935 г.)²¹⁸.

Исходя из приведенных фактов, можно выделить три основных этапа стахановского движения на территории Кировского региона в изучаемый период:

- 1) становление (октябрь-декабрь 1935 г.);
- 2) расцвет (декабрь 1935 – весна 1936 г.);
- 3) спад (лето 1936 – июнь 1941 г.).

²¹⁶ ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 121. Л. 6–13.

²¹⁷ Кировский край между I и II чрезвычайными съездами советов. Киров, 1936. С. 5.

²¹⁸ ГАСПИ КО. Ф. 6881. Оп. 2. Д. 26. Л. 24–25.

Сущность первого из выделенных этапов сводилась к зарождению и распространению стахановского движения на территории Кировского края. Нижняя хронологическая граница в нем была обусловлена появлением собственных стахановцев на местных предприятиях, верхняя – проведением I краевого совещания стахановцев, ознаменовавшего собой поворот к всесторонней поддержке стахановского движения в политике региональных властей.

Второй этап характеризовался максимальной популярностью движения в среде работников промышленных и транспортных предприятий региона. Об этом говорит кратное увеличение численности стахановцев и широкое распространение стахановских методов на местных предприятиях. Основная причина такого роста, в свою очередь, заключалась в эффективной политике поощрения стахановского труда, проводимой партийными, государственными и профсоюзными органами на местах, прежде всего, в возможности увеличивать заработок, перевыполняя нормы. Верхней границей данного этапа являлся массовый пересмотр норм выработки в сторону повышения, прошедший в промышленности региона весной (частично летом) 1936 г. Повышение норм, с одной стороны, значительно снизило материальные стимулы для передовиков, с другой – спровоцировало падение интереса к стахановскому движению со стороны Москвы и местных властей (по причине того, что именно повышение производительности труда и было, по мнению высшего советского руководства, основной целью движения).

Следующий этап, начавшийся летом 1936 г. и продолжавшийся до конца рассматриваемого периода, характеризовался непостоянством в количественном росте движения на территории Кировского региона. Рост численности стахановцев на местных предприятиях в рамках данного этапа временами замедлялся и даже останавливался, временами возобновлялся (хотя основной тенденцией оставалось увеличение численности участников движения). Вместе с тем, первоначальное содержание движения начало размываться, уступив место

постепенному отождествлению понятий «стахановское движение» и «социалистическое соревнование». Ушло в прошлое и понятие «стахановских методов», уступив место более популярному понятию «рационализация».

В течение упомянутого этапа постепенно изменился и социальный статус местных стахановцев. Участники движения «первой волны» к концу 1938 г. уже успели существенно подняться по карьерной лестнице, однако новые передовики уже не пользовались такой популярностью и вниманием со стороны руководства, хотя продолжали именоваться «стахановцами» и автоматически записывались в разряд «знатных людей» региона.

Роль стахановского движения в развитии экономики Кировского края (Кировской области) в указанный период в целом следует признать положительной, поскольку до 1941 г. включительно в промышленности региона наблюдался рост двух важнейших экономических показателей: валовой продукции и производительности труда. Однако отделить стахановское движение от других факторов экономического роста (введение в строй нового оборудования, производственных мощностей и т. д.) по имеющейся источниковой базе не представляется возможным.

Глава 2. Экономический и социокультурный аспекты стахановского движения в Кировском регионе

2.1. Стахановские методы труда на предприятиях

Методы труда играли ключевую роль в стахановском движении образца второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что именно они, а не высокая производительность труда, выступали первым критерием идентификации любого рабочего или инженера в качестве стахановца. Известный в те годы специалист по вопросам рационализации производства профессор О. А. Ерманский подчеркивал: «Стахановец – тот, кто лучше, рациональнее организует свою работу. Что от этого должно получаться больше продукции, само собой разумеется»²¹⁹.

Схожие оценки присутствовали и в коллективных научных трудах тех лет. К примеру, в работе «Развитие советской экономики» под редакцией видных советских экономистов А. А. Арутюняна и Б. Л. Маркуса утверждалось на этот счет: «В основе высокой стахановской производительности труда лежит творческое изменение приемов и системы производственной работы на базе высокого освоения новой техники. Не ограничиваясь отличным выполнением своей работы по методам, предусмотренным проектами и инструкциями, стахановцы творчески изменяют эти методы, решая при этом ряд сложнейших организационных и технических задач,двигающих вперед науку и технику»²²⁰.

Вместе с тем, понятие «стахановские методы» в прессе и популярно-пропагандистской литературе нередко употреблялось без конкретизации, а само их определение зачастую носило общий и бессодержательный характер. Характерный пример: «Работать по-стахановски значит совершенно по-новому

²¹⁹ Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. М., 1940. С. 22.

²²⁰ Развитие советской экономики. М., 1940. С. 489.

организовать свой труд, значит работать такими методами и приемами, которые коренным образом изменяют всю старую систему работы и, ломая устаревшие нормы, обеспечивают многократное увеличение производительности труда»²²¹.

Попытки наполнить содержанием определение стахановских методов предпринимались уже в рамках научных исследований. К примеру, тот же профессор О. А. Ерманский в своем труде «Стахановское движение и стахановские методы» попытался раскрыть понятие стахановских методов, предложив развернутую классификацию. Он выделил девять их типов: 1) «разделение труда», 2) «отделение вспомогательных операций», 3) «совмещение профессий», 4) «подготовка», 5) «организация рабочего места», 6) «подбор и расстановка сил» 7) «устранение непроизводительных затрат», 8) «использование оборудования», 9) «улучшение гигиенических условий»²²².

Приведенную выше классификацию необходимо скорректировать в соответствии со спецификой Кировского региона. Так, пункты 1 и 2 целесообразно объединить, поскольку на местных предприятиях отделение вспомогательных операций предполагало использование подсобной рабочей силы, т. е. углубление в разделении труда. Пункт 3 не был особо актуален для промышленности Кировского края (области) в указанный период по причинам, упоминаемым выше. Пункты 4, 5 и 7 также следует объединить, поскольку устранение непроизводительных затрат, как правило, достигалось местными стахановцами путем более тщательной подготовки к рабочей смене, включающей в себя организацию рабочего места. Шестая позиция, в свою очередь, тесно переплеталась с первой, поэтому ее также следует отнести к блоку из пунктов 1 и 2. Восьмой пункт, выделяемый О. А. Ерманским, в целом можно принять без изменений. Что касается последнего из обозначенных им типов, то в источниках

²²¹ Васильев П. В. Элементы стахановских методов работы и организации труда в промышленных предприятиях // Труды лесотехнической академии им. С. М. Кирова. 1936. № 45. С. 5.

²²² Ерманский О. А. Указ соч. С. 26–167.

по истории движения в Кировском регионе за период 1935–1941 гг. вовсе не встречается упоминаний о нем.

Кроме того, автор при составлении своей классификации явно пытался избежать «острых углов» в освещении стахановских методов. К таковым, прежде всего, стоит отнести явление, называемое в терминологии тех лет «штурмовщиной». Под этим понятием в документах и периодической печати обычно подразумевалось стремление передовиков и (или) руководства предприятий в сжатый срок добиться выполнения или перевыполнения планов путем увеличения трудовой нагрузки на работников и более интенсивной эксплуатации технических средств. После того, как стахановское движение стало, по сути, обязательным для всех предприятий страны, данный метод нередко использовался в деле подстегивания стахановских рекордов.

Таким образом, можно сформулировать более актуальную для рассматриваемого региона классификацию стахановских методов. В стахановском движении на территории Кировского края (области) в указанный период выделялось четыре основных вида таковых:

1. Применение подсобной рабочей силы и углубление в разделении труда.
2. «Уплотнение» рабочего дня, т. е. снижение непроизводительных затрат сил и рабочего времени.
3. Внесение изменений рационализаторского характера в ход производственного процесса.
4. Усиление физического и умственного напряжения в процессе трудовой деятельности с целью получения более высоких результатов.

Подтверждением данного варианта классификации стахановских методов выступали коллективные представления самих его участников о сути стахановского движения. Так, в номере газеты «Комсомольское племя» от 18 октября 1935 г. было опубликовано «Письмо молодых отличников Ижстальзавода ко всей рабочей молодежи Кировского края», в тексте которого

нашло отражение восприятие стахановского движения передовиками из числа молодых сотрудников этого предприятия. С их точки зрения, работать по-стахановски значило «из каждого молота, станка, прессы, стана выжать все, что они могут дать для укрепления мощи нашей страны», а также «организовать правильное распределение труда в бригаде, цехе, обеспечить полную загрузку рабочего дня, навести порядок на своем рабочем месте, постоянно совершенствовать, рационализировать производственный процесс...»²²³.

Разумеется, данная классификация также является условной, поскольку в трудовой деятельности конкретных передовиков методы обозначенных выше видов могли использоваться отдельно друг от друга, синтезироваться, применяться в комплексе или не применяться вообще.

Иллюстрацией к первому из них может служить история самого рекорда А. Г. Стаханова, который позже кратко резюмировал метод, использованный им в ходе знаменитой смены: «забойщик должен рубить, а крепильщик – крепить»²²⁴. В специализированной научной литературе по организации труда со временем была дана развернутая характеристика: «Они (А. Г. Стаханов и его соратники – П. Ч.) скоро увидели, что машинная работа (работа молотка) лишь вкраплена небольшими интервалами в общее время рабочей смены. Крепежные работы, подготовка рабочей базы (уступы) ...и связанное со всем этим бессмысленное маневрирование в пространстве – все это не только съедало машинное время забоя, но и парализовало рабочую инерцию забойщика, разрушало активную установку в работе. Отсюда получался естественный вывод: необходимо резко отделить основной процесс (зарубку) от всех вспомогательных процессов, сделав основной процесс непрерывным»²²⁵.

²²³ Комсомольское племя. 1935. № 160. С. 1.

²²⁴ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14–17 ноября 1935. Стенографический отчет. 1935. С. 13.

²²⁵ Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М., 1972. С. 321.

Методы, относящиеся к данному виду, применялись и стахановцами Кировского края (области) в интересующий нас период. Примером тому являлась трудовая деятельность передовиков Ижстальзавода – бригадира прокатного цеха П. Т. Брагина и бригадира кузнечного цеха А. И. Блинова. Первый из них добился выполнения бригадой нормы на 200 % за счет отделения операций разного типа друг от друга. Сам П. Т. Брагин следующим образом описывал свой метод: «Как же я организовал свою работу? Рационально расставил людей своей бригады, каждому стал давать работу по его способности, бригаду разделил на три самостоятельных группы: печная бригада, стана, вспомогательных рабочих». Стахановец также подчеркивал, что образцом для него послужил именно метод родоначальника движения: «Я поставил дело так: у меня рабочие только работают. Так же, как и Стаханов, если он рубит уголь, он только рубит»²²⁶.

По схожему принципу, в основе которого лежало более четкое разделение труда, разработал свой метод А. И. Блинов. Его бригада после включения в движение в отдельные месяцы достигала результата до 250 % от установленной нормы. Суть метода, в том числе, заключалась в следующем: член бригады, работавший во время смены с кузнечными клещами, не брался отныне за коленчатые валы, которыми стал заниматься отдельный работник²²⁷.

Схожие методы применяли бригадиры-стахановцы с других предприятий региона. К примеру, метод бригадира завода «Кировский металлист» И. Н. Утробина основывался на том, что «при получении плановых заданий на бригаду, он уже представлял всю работу и наиболее рационально распределял ее между рабочими бригады, делая при этом заранее обдуманые практические указания»²²⁸. Кроме того, он использовал в своей работе методы, отнесенные нами к другим видам: заботился о своевременном поступлении к рабочим

²²⁶ Стахановцы Ижстальзавода. Ижевск, 1935. С. 88–89.

²²⁷ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С. 13.

²²⁸ ГАКО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 193. Л. 140.

инструментов и сырья, рационализировал процесс формовки стали и т. д. Данные факты служат примером упомянутого синтеза различных стахановских методов в трудовой деятельности конкретных передовиков и бригад.

Стоит отметить, что метод разделения труда использовался не только в рамках стахановских бригад, но и теми участниками движения, чья работа не была связана с бригадной формой организации труда. В этом случае часть их обязанностей просто передавалась рабочим с более низкой квалификацией. Примером тому являлся метод стахановца КУТШО г. Кирова, выверщика весов А. А. Лузянина. В частности, по его предложению «такая грубая операция, как предварительная выверка, ранее входившая в обязанности квалифицированных проверщиков и отвлекавшая их от основного дела», была передана менее квалифицированным рабочим цеха²²⁹.

Другим примером подобного рода был метод стахановца М. Н. Буркова, сортировщика склада меховой фабрики «Белка» г. Слободского, который «высокой производительности труда добился в результате рационализации своего процесса, а именно: применил подсобную рабочую силу для разборки по сортам и вязки, надписывания на местах сортности, а также на другие подготовительные работы». Тем самым стахановец освободил себя от подсобной работы и получил возможность непрерывно, в течение семи часов рабочей смены, заниматься своими непосредственными обязанностями – сортировкой товара²³⁰.

Использование в стахановском движении метода разделения единого процесса производства на операции, выполняемые разными рабочими, породило сравнение стахановского движения с тейлоризмом, встречавшееся в иностранной прессе тех лет. Поскольку учение американского инженера Ф. У. Тейлора считалось в СССР капиталистическим и эксплуататорским, данное сравнение было нежелательным и неоднократно критиковалось в советской печати. К

²²⁹ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С. 58.

²³⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 637. Л. 55.

примеру, в номере газеты «За индустриализацию» от 22 ноября 1935 г. разница между стахановским движением и тейлоризмом объяснялась следующим образом: «... тейлористы не только стремятся максимально изолировать рабочего, но и принципиально отрицают целесообразность рабочей инициативы. Стахановец, [напротив], замечательно инициативен. Он творит. Он выступает как страстный, вдумчивый, компетентный реформатор. Резко активизированы его потаенные инстинкты конструктора, инженерные знания практика, организаторские способности большевика»²³¹.

Методы второго вида приведенной классификации также широко использовались стахановцами Кировского региона. Первое знакомство местных передовиков с ними происходило, как и в других случаях, через периодическую печать. В центральных и местных газетах, начиная с сентября 1935 г., публиковались описания методов труда, применяемых стахановцами всесоюзного масштаба. Так, в номере газеты «Кировская правда» от 16 октября 1935 г. приводилось следующее описание метода известного на всю страну «застрельщика» стахановского движения кузнеца Горьковского автомобильного завода А. Х. Бусыгина: «Теперь на автозаводе, когда кузнец приходит на работу, он получает молот, вполне подготовленный к штамповке, разожженную печку, завезенный материал и т. д.»²³².

Подобные публикации ложились на подготовленную почву, поскольку на отдельных предприятиях Кировского края (впоследствии области) проблема неэффективной организации трудового процесса стояла достаточно остро. На практике недостатки в организации приводили к негативному явлению, которое в документах тех лет именовалось «простоями». Под этим понятием обыкновенно подразумевались значительные отрезки рабочего времени, в течение которых

²³¹ Герценштейн А. Тейлор и Стаханов // За индустриализацию. 1935. № 268. С. 6.

²³² Кировская правда. 1935. № 239. С. 1.

работник по каким-либо причинам не мог заниматься своими непосредственными обязанностями.

О наличии «простоев» на предприятиях Кировского региона могут свидетельствовать слова самих стахановцев. Так, передовик и комсомольский активист по фамилии Галёнкин на объединенном собрании цехов Ижстальзавода, состоявшемся в середине октября 1935 г., сетовал на то, что на его предприятии «по два часа приходится затрачивать из 420 минут рабочего времени для того, чтобы сдать обработанную деталь»²³³. В том же месяце стахановец КУТШО г. Кирова А. А. Лузянин жаловался корреспондентам газеты «Комсомольское племя» на то, что из-за отсутствия в цехе шкурки он не работает уже несколько дней²³⁴.

Проблема неэффективной работы аппаратов снабжения и руководителей предприятий сохранялась на местных предприятиях и в последующие годы. К примеру, стахановец Кожевенного комбината им. В. И. Ленина А. Перминов в июле 1937 г. со страниц многотиражки критиковал сотрудников аппарата снабжения своего предприятия за то, что в течение продолжительного времени они не нашли возможности приобрести элементарных вещей, необходимых в работе: брусков, оселков, литовок, точил и прочих мелких инструментов²³⁵.

Приведенные передовиками факты не были единичными. При этом виновником потери рабочего времени не во всех случаях выступала администрация или аппарат снабжения предприятия. Неэффективно распоряжаться отведенным временем могли и сами рабочие. К примеру, отделщик деталей Ижстальзавода, стахановец А. А. Бабин так описывал свою обычную рабочую смену до включения в стахановское движение: «до гудка с ребятами «балясы точишь», а как гудок – начинаешь бродить по мастерской,

²³³ Комсомольское племя. 1935. № 163. С. 1.

²³⁴ Комсомольское племя. 1935. № 162. С. 3.

²³⁵ Красный кожевник. 1937. № 29. С. 2.

искать пилы, лекала, за нарядом идешь. Смотришь, полчаса, а то и 40 минут пропало». Далее участник движения отмечал, что «бросить эту дурную привычку» его заставило только вступление в ряды стахановцев²³⁶.

Описанная проблема наблюдалась и в других отраслях. Так, в леспромхозах области в зимний период лесозаготовок была обычной практикой заканчивать работу на два часа раньше из-за наступавшей темноты. Известный стахановец Плотбищенского мехлесопункта, лесоруб С. А. Логинов после вступления в движение решил эту проблему, став брать с собой в лес два керосиновых фонаря «Летучая мышь», которые позволяли ему выработать все восемь часов рабочего дня. В сочетании с рационализацией процесса валки леса, это позволило ему в отдельные дни выполнять норму на 1200 %²³⁷.

Легкомысленное отношение к рабочему времени объяснялось многими факторами, в том числе и тем, что до внедрения прогрессивно-сдельной оплаты труда в советской промышленности, отмены карточной системы распределения основных продуктов питания и начала массового стахановского движения для значительной части индустриальных рабочих не существовало достаточных стимулов для изменения своего отношения к труду. Подробнее о проблемах мотивации труда в рамках стахановского движения речь пойдет в следующем параграфе этой главы.

Минимизировать потерю рабочего времени позволяла распространенная в среде местных стахановцев практика заблаговременной подготовки к рабочей смене. В частности, стахановец КУТШО г. Кирова, выверщик весов А. А. Лузянин добился резкого повышения производительности труда не в последнюю очередь благодаря тому, что стал заранее готовить призмы к коромыслам и заправлять их. Кроме того, передовик решил сократить время на

²³⁶ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С. 9.

²³⁷ Стахановец лесной промышленности. 1938. № 8. С. 4–5.

курение и разговоры. Все это в комплексе дало впечатляющий результат: 25 октября 1935 г. он выполнил дневное задание на 670 %²³⁸.

Синтез подготовки с прагматичным отношением к рабочему времени в документах той поры обычно именовался «уплотнением рабочего дня». Данное понятие нередко присутствовало в типовых характеристиках стахановцев, писавшихся на каждом предприятии. Примером такого документа являлась характеристика стахановки меховой фабрики «Белка» г. Слободского А. К. Варовой, в которой было прописано, что она «подняла производительность труда за счет уплотнения рабочего дня, правильной доставки полуфабриката, освоения и изучения машины и выполняемой операции»²³⁹.

Некоторым местным передовикам со временем удалось добиться образцового порядка на своих рабочих местах. К примеру, стахановец Воткинского машиностроительного завода, токарь Н. А. Фролов следующим образом описал свои достижения в этом направлении: «Сейчас у меня рабочее место организовано так, что исключаются всякие помехи, простои по моей вине. Инструмента я подобрал в достаточном количестве. Весь он заправлен, заточен и расположен так, что наиболее часто употребляемый лежит ближе к правой руке. У меня есть специальный ящик. Имею альбом с чертежами. За ними я теперь уже не бегаю в канцелярию. Детали, предназначенные к обработке, заготавливаются накануне, и даже не один день, а больше – на пятидневку. Проведена сигнализация. Потребуется, например, какой измерительный инструмент, даю сигнал, и мне его сейчас же предоставляют из кладовой»²⁴⁰.

Другим примером того же рода являлся метод стахановца КУТШО А. Н. Кочурова, который так описывал его: «Детали мне стали приносить. Инструмент имею под руками. Самое место работы приблизил я

²³⁸ Комсомольское племя. 1935. № 166. С. 3.

²³⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 637. Л. 55.

²⁴⁰ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С.30.

производственному потоку. В результате этого уплотнения я имею не более 1 % временных потерь в производстве»²⁴¹.

Как мы видим, перечисленные стахановцы не в одиночку добились эффективной организации своего рабочего места, в подготовке которого, по всей видимости, в обоих случаях было задействовано еще несколько человек. Здесь скрывалось одно из главных противоречий стахановского движения и социалистического соревнования в целом – т. н. «приписки». В последующей научной литературе под таковыми подразумевалось явление, при котором результаты работы нескольких человек приписывались одному передовику²⁴².

Стоит отметить, что методы данного типа порождали и другую серьезную проблему стахановского движения – фактическое увеличение рабочего дня. На это указывал, к примеру, Л. Д. Троцкий, который подчеркивал, что «стахановское движение в огромной степени сводится к интенсификации труда и даже к удлинению рабочего дня: в так называемое «нерабочее» время стахановцы приводят в порядок станки и инструменты, подбирают сырой материал, бригадиры инструктируют свои бригады и пр. От семичасового рабочего дня остается при этом только имя»²⁴³.

Следующий из выделенных нами видов стахановских методов был неразрывно связан с рационализацией производства. Его отличительной чертой являлась разнородность, так как характер рационализаторской деятельности стахановцев находился в зависимости сразу от нескольких факторов: отрасли, предприятия, специальности самого передовика и т. д. Если методы двух предыдущих видов применялись отдельными участниками движения, то использование методов третьего типа было в той или иной мере свойственно всем местным стахановцам «первой волны», включившимся в движение до конца

²⁴¹ ГАКО. Ф. 1414. Оп. 9. Д. 29. Л. 5-6.

²⁴² Роговин В. З. Сталинский неонэп. М., 1995. С. 204.

²⁴³ Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет. М., 2012. С. 46.

1935 г. Последующие стахановцы применяли эти методы значительно реже, поскольку у них была возможность пользоваться наработками предшественников.

Источники свидетельствуют, что рационализаторские предложения местных стахановцев были не только и не столько следствием технической грамотности, сколько порождением обыкновенной житейской смекалки. Примером тому являлась рационализаторская деятельность кузнеца Аркульского затона П. И. Сорокина. Его метод заключался в том, что он частично реконструировал горны, внедрив групповой нагрев деталей: вместо одной кузнец стал закладывать в горн 8-10 деталей. Это дало ему возможность сделать процесс обработки деталей непрерывным, поскольку во время работы с одной заготовкой остальные находились в разогретом состоянии и в любое время были готовы к обработке. Данный метод позволил стахановцу выполнять месячные задания в январе-марте 1936 г. в среднем на 600–700 %²⁴⁴.

Практически идентичный метод использовали кузнецы механического цеха Омутнинского металлургического завода Веселугин, Чесноков и Сметанин, которые начали брать наряды одновременно на поковку крупных и мелких деталей. Это позволило во время нагрева крупных заготовок обрабатывать мелкие и значительно ускорить процесс изготовления деталей. Итогом применения данного метода стало увеличение производительности труда до 180–190 % от установленной нормы²⁴⁵.

Не менее простым по содержанию являлся метод «знатного» стахановца Ижстальзавода, формовщика огнеупорного цеха З. Сайфуллина, в обязанности которого входило изготовление глиняных электрических розеток. Суть технологии сводилась к следующему: рабочий набивал глину в соответствующую форму, выравнивал, а затем высушивал. Главная сложность заключалась в том, что для проделывания в заготовке необходимых отверстий в форме было

²⁴⁴ Кировская правда. 1936. № 68. С. 3.

²⁴⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 287. Л. 193.

предусмотрено два вертикальных деревянных штыря небольшого диаметра, которые затрудняли процесс набивания формы. Стахановец рационализировал данный процесс: он удалил деревянные штыри, а для вырезания отверстий изобрел приспособление в виде небольшой трубки, изготовленной из обычного кровельного железа. Все это позволило сократить необходимое для забивания формы время в три раза²⁴⁶.

Подобные примеры встречались и в отраслях легкой промышленности региона. В частности, метод стахановца Кожевенного комбината им. Коминтерна г. Кирова раскройщика юфти И. С. Баранова заключался в следующем: в операции, следующей за раскромом, он задействовал обе руки, откладывая одной деталь, а другой модель. Его коллеги тратили на это в два раза больше времени, так как выполняли обе операции одной рукой²⁴⁷.

Рационализаторская деятельность местных передовиков в отдельных случаях позволяла существенно снизить себестоимость производимой продукции, что в те годы считалось главным критерием экономической эффективности. Показателен пример стахановца КУТШО г. Кирова столяра В. С. Панишева, который в 1938–1940 гг. внес 15 реализованных рационализаторских предложений. При этом экономия от их внедрения в производство составила 51 119 рублей²⁴⁸. В целом по его предприятию за 1935–1940 гг. было внедрено в производственную практику 2275 рационализаторских предложений, из которых около 1,5 тыс. было внесено стахановцами. При этом совокупная экономия от них составила 4 млн. 330 тыс. рублей²⁴⁹. Стоит заметить, что экономия от рационализаторской деятельности местных стахановцев могла выражаться не только в денежном эквиваленте. Так, тракторист Вятскополянской МТС

²⁴⁶ Стахановцы Ижстальзавода. Ижевск, 1935. С. 85.

²⁴⁷ ГАСПИ КО. Ф. 6833. Оп. 8. Д. 32. Л. 43.

²⁴⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 149. Л. 36.

²⁴⁹ ГАКО. Ф. 1414. Оп. 2. Д. 86а. Л. 3.

стахановец И. Бабушкин за 1935 г. вспахал 1039 гектаров земли, сэкономив при этом 354 литра топлива²⁵⁰.

Рационализаторская деятельность в промышленности Кировского региона поощрялась задолго до появления стахановского движения, однако в годы его распространения на местных предприятиях процесс количественного роста рационализаторства усилился. К примеру, на комбинате «Искож» г. Кирова в 1936 г. было зафиксировано 116 рационализаторских предложений, в 1937 г. – 208, в 1938 г. – 430, в 1939 г. – уже 475 предложений²⁵¹. Таким образом, за период длиной в четыре года наблюдался рост рационализаторства в 4,1 раза.

Последний вид стахановских методов, как упоминалось выше, был связан с увеличением физических и умственных затрат передовиков. Показательным примером такого метода являлось направление стахановского движения, связанное с ростом количества обслуживаемых машин, или многостаночничество. Массовое распространение этого метода относилось к 1939 г. При этом в некоторых отраслях промышленности методы данного вида практиковались с самого зарождения в них стахановского движения. К примеру, «зачинатели» стахановского движения в текстильной отрасли, ткачихи Вичугской фабрики М. И. Виноградова и Е. В. Виноградова еще в сентябре 1935 г. перешли к обслуживанию ста станков вместо семидесяти²⁵².

Несмотря на то, что на территории Кировского края (впоследствии области) в интересующий нас период не было крупных текстильных предприятий, метод многостаночного обслуживания sporadически использовался в промышленности региона. Так, токари механического цеха Омутнинского металлургического завода, стахановцы Шитов, Птицын и Волковских перешли на обслуживание двух станков, что позволило поднять производительность труда до 185 %²⁵³. Вместе с

²⁵⁰ Клюкин В. И. «Коммуны будущей творцы»: Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. Киров, 1971. С. 192.

²⁵¹ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 149. Л. 25.

²⁵² Взгляд сквозь годы: Записки стахановцев. М., 1984. С. 293–294.

²⁵³ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 287. Л. 193.

тем, подобный переход наверняка увеличил трудовую нагрузку передовиков, о чем, конечно, официальные отчеты об их деятельности умалчивали.

Точку зрения об увеличении нагрузки при использовании стахановских методов разделяли и некоторые местные рабочие. В частности, столяр бондарного цеха Кировского мясокомбината по фамилии Култышев при обсуждении вопроса о внедрении в производство стахановских методов (ноябрь 1935 г.), заявил, что использование этих методов «ведет к необычайным затратам физических сил», а рабочие при этом «как жили плохо, так и будут жить плохо»²⁵⁴. Стоит заметить, что подобные высказывания обычно характеризовались со стороны администрации и контролирующих инстанций как проявления антистахановских настроений. Подробнее об этой стороне стахановского движения речь пойдет далее.

Подводя итог к вопросу о стахановских методах в промышленности Кировского региона, можно констатировать следующее. В процессе своей деятельности местные передовики применяли методы разных видов, но в их основе всегда лежала необходимость интенсификации производства. В большинстве случаев применение этих методов позволяло не только существенно повысить производительность труда, но и заложить основу для дальнейшего профессионально роста промышленных кадров, что было необходимо для развития отечественной индустрии по интенсивному пути.

²⁵⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 16. Л. 4.

2.2. Проблемы стимулирования труда в стахановском движении

Проблема стимулирования труда играла важную роль в советской экономике эпохи форсированной индустриализации, в том числе в стахановском движении. Она уходила своими корнями в противоречия социалистической идеологии: с одной стороны, социализм предполагал соблюдение принципов равенства (в том числе материального), с другой – отказ от материального стимулирования труда на раннем этапе его строительства был равносителен «экономическому самоубийству».

Приведенная дилемма с давних пор служила мишенью для критиков большевизма. Одним из таких критиков был видный российский либерал, комиссар Временного правительства А. А. Бубликов. Он сыграл значимую роль в событиях Февральской революции, но уже в сентябре 1917 г. эмигрировал из России, после чего в 1918 г. на территории США «по горячим следам» издал книгу «Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника», где изложил свое видение революционных потрясений в нашей стране.

В указанной работе автор в числе прочего проанализировал приход к власти большевистской партии, попутно критикуя ее идеологию с экономических позиций. Он утверждал, что в любом человеческом обществе существует три основных стимула к труду: 1) «любопытность», 2) «стремление к славе», 3) «стремление к комфорту». Причем под «стремлением к комфорту» автор понимал именно стимулы материального характера. Таковые, по мнению А. А. Бубликова, во все времена являлись основными для большинства людей и поэтому, «в сущности, двигают миром». Продолжая эту мысль, он сформулировал свой основной аргумент против социализма как общественного строя: «Социализм, если не извлекает из человека этот стимул вовсе, то, во всяком случае, ослабляет его до чрезвычайности, исключая возможность личного

обогащения, делая всех равными участниками благ земных, независимо от степени продуктивности труда»²⁵⁵.

Данное противоречие, заложенное в большевистской идеологии, в первое десятилетие советской власти существовало в латентной форме. Оно не обострялось ни во времена «военного коммунизма» с его вынужденным уравнильным распределением материальных благ, ни в годы НЭПа, в рамках которого большая роль отводилась капиталистическим механизмам стимулирования трудовой активности населения. Однако с началом форсированной индустриализации рассматриваемая проблема проявилась с новой силой. Связано это было не в последнюю очередь с социально-экономическими трудностями первой пятилетки: сплошной коллективизацией и раскулачиванием, утверждением карточной системы распределения основных продуктов питания, голодом 1932–1933 гг., а также с ликвидацией безработицы.

Как упоминалось выше, к середине 1935 г. были заложены основы для полноценного материального стимулирования ударного труда в советской индустрии: введена прогрессивно-сдельная система оплаты труда и отменена карточная система. На этом фоне возникли предпосылки для успешного решения вышеназванного противоречия через т. н. «основной принцип социализма», кратко выражающийся фразой, приписываемой французскому мыслителю Анри Сен-Симону: «От каждого по способностям, каждому – по его труду». Данный принцип впоследствии даже был закреплен законодательно в статье 12 Конституции СССР 1936 г.²⁵⁶

Уже в первые недели развития стахановского движения в газетных публикациях начал обыгрываться тезис В. М. Молотова о необходимости сочетания в нем «общественных и личных интересов». Его появление в прессе можно рассматривать, в том числе, и как подготовку общественного мнения к

²⁵⁵ Бубликов А. А. Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника. М., 2016. С. 126.

²⁵⁶ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. С. 11.

усилению расслоения в советском рабочем классе, связанного со стахановским движением. В контекст органично вписывалось и то, что в своем выступлении на I Всесоюзном совещании стахановцев И. В. Сталин вновь акцентировал внимание на «основном принципе социализма». Он отметил, что производительность труда в советской экономике еще не так высока, «чтобы обеспечить изобилие предметов потребления, ввиду чего общество вынуждено распределять предметы потребления не соответственно потребностям членов общества, а соответственно работе, произведенной ими для общества»²⁵⁷. Этим подчеркивалось значение проблемы трудовой мотивации для стахановского движения, как в масштабе всей страны, так и на уровне отдельных регионов.

Вся многоаспектность рассматриваемого вопроса проявляется на примере стахановцев Кировского региона, в трудовой деятельности которых прослеживались разные мотивы как материального, так и нематериального характера. К числу первых стоит отнести, в первую очередь, рост заработной платы. Значимость этого фактора, как отмечалось выше, возросла в связи с отменой карточной системы на основные продукты питания и внедрением прогрессивно-сдельной системы оплаты труда.

Эту значимость также подчеркивали современники стахановского движения. В частности, Л. Д. Троцкий рассматривал «погоню за длинным рублем» в качестве главного условия его распространения, однако оговаривался, что «не советские администраторы изобрели секрет сдельщины» и по своей сути эта система «наиболее соответствует капиталистическому способу производства»²⁵⁸.

Значимость денежной мотивации для стахановского движения осознавалась и руководителями советской индустрии. Показателен пример отечественной шелковой промышленности, предприятия которой одними из первых перешли на

²⁵⁷ Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев // Избранные сочинения в 3-х томах. Т.2. М., 2000. С. 352.

²⁵⁸ Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет. М., 2012. С. 46–47.

новую систему оплаты труда. Проведенный перед этим анализ практики начисления зарплаты рабочим и ИТР отрасли показал, что «действующая повременно-премиальная система является непригодной для оплаты труда ...рабочников шелковой промышленности по следующим причинам: система предусматривает незначительные премии за достижения, которые не могут создать экономической заинтересованности в улучшении производственного процесса». Данный тезис подтверждался конкретными цифрами. Так, инженерно-техническому работнику за снижение себестоимости продукции на 5 % предусматривалась премия в размере всего 3 % к окладу²⁵⁹.

Факт материальной заинтересованности стахановцев в своих успехах обычно не замалчивался и в советском официозе, однако, напротив, преподносился в качестве реализации приведенного выше «основного принципа социализма». В частности, на первой странице газеты «Кировская правда» от 16 октября 1935 г. в отношении стахановского движения утверждалось следующее: «Это движение за высокую производительность труда открывает перед рабочими дорогу к резкому улучшению материально-бытового положения. Работа Стаханова-Бусыгина – пример правильного сочетания общественных и личных интересов»²⁶⁰.

Стоит заметить, что обоснование высоких заработков стахановцев в подобном ключе сохранилось и в последующей советской историографии. К примеру, в фундаментальной «Истории советской социалистической экономики» эта сторона движения преподносилась так: «В борьбе за повышение производительности труда большое значение приобрела работа по улучшению организации заработной платы в целях более полного и последовательного осуществления принципа распределения по труду. Необходимо было повысить

²⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 8. Д. 26. Л. 32.

²⁶⁰ Кировская правда. 1935. № 239. С. 1.

материальную заинтересованность рабочих и инженерно-технических работников в быстром освоении современной техники и технологии производства...»²⁶¹.

Кроме того, значимость денежного фактора не отрицали и сами участники движения. В частности, стахановец механического цеха № 1 Воткинского машиностроительного завода токарь Н. А. Фролов в одной из бесед с корреспондентами откровенно заметил, что во время рабочей смены у него «нет никаких дум, кроме тех, чтобы как лучше поработать, побольше заработать, еще лучше устроить свой быт»²⁶².

Источники свидетельствуют, что разница между доходами стахановцев и остальных рабочих на предприятиях региона обозначилась уже в октябре 1935 г., т. е. в первый месяц развития стахановского движения, и сохранялась до конца интересующего нас периода. Показателен пример «зачинателей» стахановского движения в кузнечном цехе Ижстальзавода – отдельщика деталей А. А. Бабина и кузнеца А. И. Блинова. Первый увеличил свой месячный заработок с 450 руб. в сентябре 1935 г. до 1190 руб. в октябре (т. е. примерно в 2,6 раза). В первой половине ноября он также не снизил планку, заработав более 500 руб. Примечателен и тот факт, что заработанные деньги у передовика не задержались: получив свою первую «стахановскую получку», он купил себе пальто за 200 руб. и дорогого сукна на брюки. Жене купил пальто за 500 руб. и шелковый костюм²⁶³. Еще больший рост заработной платы продемонстрировал А. И. Блинов: он заработал в октябре 1935 г. 1371 руб., в то время как в предыдущие месяцы его зарплата в среднем составляла 375 руб.²⁶⁴ Нехитрый подсчет позволяет сделать вывод, что заработок передовика вырос примерно в 3,7 раза.

²⁶¹ История социалистической экономики СССР в семи томах. Т.4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М., 1976. С. 101.

²⁶² Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С. 29.

²⁶³ Там же. С. 11.

²⁶⁴ Стахановцы Ижстальзавода. Ижевск, 1936. С. 37.

Другой пример кратного увеличения доходов в стахановском движении являла динамика зарплаты машиниста Кировского паровозного депо И. А. Трегубова. Если его заработок в сентябре 1935 г. составлял 350 руб., то в феврале 1936 г. он получил месячную зарплату в размере 950 руб. (рост в 2,7 раза)²⁶⁵.

Заметное повышение уровня доходов в абсолютных показателях было характерно, в первую очередь, для стахановцев тяжелой промышленности и транспорта Кировского региона. В легкой промышленности размер зарплат основной массы рабочих, а, следовательно, и передовиков (так как их заработок зависел от уровня зарплаты «усредненного» рабочего по данной отрасли), был значительно ниже. К примеру, стахановец меховой фабрики «Белка» г. Слободского В. С. Баталов в период после включения в движение и до декабря 1935 г. в среднем зарабатывал по 300 руб. в месяц. Средний же его заработок до вступления в движение составлял лишь 105 руб.²⁶⁶. Однако в данном случае стоит учитывать и тот факт, что В. С. Баталов считался самым молодым стахановцем края, и его возраст на тот момент составлял 16 лет. Можно предположить, что небольшой «стартовый» уровень зарплаты в его случае был обусловлен, не в последнюю очередь, отсутствием трудового стажа.

Вместе с тем, уровень доходов стахановцев отраслей группы «Б» в промышленности Кировского региона все же был значительно ниже, чем в отраслях группы «А», о чем свидетельствуют статистические данные. Так, средняя зарплата восьми самых результативных участников стахановского движения на Кожевенном комбинате им. Коминтерна г. Кирова в октябре-ноябре 1935 г. составляла всего 243 рубля²⁶⁷.

²⁶⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 26. Л. 480.

²⁶⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599. Л. 7.

²⁶⁷ ГАСПИ КО. Ф. 6833. Оп. 6. Д. 19. Л. 1.

Что касается роста заработной платы передовиков легкой промышленности, то здесь также наблюдалось отставание от тяжелых отраслей. Характерный пример тому являла динамика зарплат передовиков Кожевенного комбината им. В. И. Ленина Чурина, Ефремова и Бельтюкова в сентябре-октябре 1935 г. Если их суммарный средний дневной заработок в сентябре 1935 г. составлял 22 руб. 63 коп., то в ноябре того же года этот показатель уже равнялся 32 руб. 13 коп., т. е. наблюдался рост заработной платы указанных стахановцев в 1,4 раза²⁶⁸.

Следующий момент заключался в том, что даже в рамках отдельного предприятия какой-либо отрасли доходы передовиков варьировались в зависимости от специальности и степени сложности выполняемых работ. Показательны в этом смысле зарплаты стахановцев Кирсинского металлургического завода за октябрь-декабрь 1935 г. Так, инженер-стахановец Н. Д. Шабалин, занимавший пост начальника цеха, за указанный период в среднем зарабатывал 968 руб. в месяц, сталевар С. В. Силкин – 787 руб., а сталевар Н. Д. Осколков – 842 руб. Иной была картина доходов стахановцев того же предприятия с более низкой квалификацией: старший ковша В. Ф. Ситчихин за те же месяцы в среднем зарабатывал 449 руб., второй подручный сталевара Ф. И. Гусев – 526 руб., а средняя зарплата стахановки из числа чернорабочих Е. С. Азоновой и вовсе ограничивалась 218 руб.²⁶⁹

Не менее разнились по размеру зарплаты передовиков завода «Кировский металлист» в 1937 г. В частности, формовщик И. Н. Утробин при среднегодовой производительности труда 165 % получал в среднем 541 руб. в месяц. В то же время токарь Т. И. Тимин при выработке 161 % в среднем зарабатывал 480 руб., а стержневщица Н. К. Перминова, выполняя норму на 200 %, получала среднемесячную зарплату в размере 294 руб.²⁷⁰

²⁶⁸ Красный кожевник. 1935. № 44. С. 2.

²⁶⁹ Кировская правда. 1936. № 18. С. 3.

²⁷⁰ ГАКО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 193. Л. 139.

В следующем 1938 г. средний процент выработки перечисленных стахановцев изменился, как и величина их заработка. Статистические данные не позволяют проследить прямую зависимость между этими показателями. В частности, формовщик И. Н. Утробин в указанном году снизил среднемесячный показатель выработки до 162 %, но получал в среднем 816 руб., т. е. больше, чем в предыдущем году. В свою очередь, Т. И. Тимин, выполняя норму на 172 %, получал 373 руб., т. е. его зарплата снизилась при увеличении производительности. Что касается Н. К. Перминовой, то при среднемесячной выработке 170 % она зарабатывала в среднем по 251 руб. в месяц²⁷¹. Таким образом, в ее случае мы не наблюдаем серьезных изменений в размере заработной платы. Приведенные факты позволяют сделать вывод, что доходы стахановцев зависели не только от уровня производительности труда, но и от менявшихся время от времени норм выработки и расценок по зарплате. Притом изменения эти, согласно данным, могли быть разнонаправленными.

Значимость дифференцированного подхода к денежному стимулированию труда передовиков актуализировалась продолжавшейся в тот период борьбой с «уравниловкой» в начислении заработной платы. Всплеск этой борьбы на территории Кировского региона наблюдался в период комсомольского рейда «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения (январь-февраль 1936 г.). Активистами были выявлены соответствующие факты на предприятиях края. В частности, на Сарапульской швейной фабрике два рабочих одной специальности, один из которых выполнял норму на 80 %, а другой на 150 %, получали одинаковую зарплату²⁷². «Кавалеристы» потребовали от администрации фабрики устранить дисбаланс и избегать подобного в будущем.

Призывы покончить с «мелкобуржуазной уравниловкой» при оплате труда участников стахановского движения также присутствовали в выступлениях

²⁷¹ ГАКО. Ф. 847. Оп. 3. Д. 26. Л. 114.

²⁷² ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 45. Л. 12.

партийных и хозяйственных руководителей регионального уровня. К примеру, заведующий промышленным отделом крайкома ВКП(б) М. Н. Родин, выступая на краевом слете стахановцев-лесорубов 13 ноября 1936 года, отметил: «У нас получается здесь (в лесной промышленности – П. Ч.), что если вместе работают, делят поровну. Это, конечно, неправильно, надо всех перевести на индивидуальную сдельщину. Такая уравниловка в зарплате не дает стахановцам больше получать и больше выполнять норму»²⁷³.

Проблему перевода рабочих лесной отрасли региона на прогрессивно-сдельную систему оплаты труда в целом удалось решить к концу предвоенного десятилетия. Об этом свидетельствовали, к примеру, внушительные показатели зарплат ведущих стахановцев Омутнинского и Бисеровского ЛПХ треста «Кирлес» за 1939 г. Так, лесоруб Омутнинского леспромхоза Ившин, за январь и 20 дней февраля 1939 г. выполнил 150 дневных норм, заработав только за январь 1593 руб. Его коллеги из Бисеровского ЛПХ Тычинский и Салаев выполнили по 147 дневных норм за тот же период, заработав по 1490 руб. за месяц каждый²⁷⁴.

Подытоживая сказанное о зарплатах участников стахановского движения в Кировском регионе, можно утверждать, что начисление заработной платы стахановцам на предприятиях Кировского края (впоследствии области) зависело сразу от нескольких факторов: производительности труда, отрасли, специальности, стажа работника, норм выработки, меняющихся расценок по зарплате, а также от позиции, занятой администрацией предприятия. Однако несомненным являлся и тот факт, что рабочие, включившиеся в движение, зарабатывали значительно больше своих коллег, не применявших в процессе трудовой деятельности стахановские методы.

Материальное стимулирование стахановского труда не ограничивалось высокой зарплатой. Значительна была роль нерегулярных материальных

²⁷³ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 307. Л. 7.

²⁷⁴ Стахановец лесной промышленности. 1939. № 4. С. 25.

поощрений – премий, которые могли находить как денежное, так и натурально-вещевое выражение. Во втором случае премирование осуществлялось ценными, по меркам того времени, предметами и дефицитными товарами.

В источниках отразились факты премирования стахановцев Кировского региона за производственные успехи. В частности, неоднократно упоминаемый машинист Кировского паровозного депо И. А. Трегубов на I Кировской краевой партийной конференции (11–17 марта 1936 г.) отметил, что по итогам 1935 г. ему была выдана премия в размере 3000 руб. с формулировкой «за экономию топлива». Интересен тот факт, что на полученные средства машинист сразу же приобрел баян, о котором давно мечтал²⁷⁵. Другим примером подобного поощрения стахановского труда являлся случай, касающийся передовика лесной промышленности М. И. Буянова. Его достижения заключались в том, что за осенне-зимний сезон 1938–1939 гг. он, применяя стахановские методы, дал результат равный 145 дневным нормам. За это участник движения был награжден премией в размере 200 руб., а также карманными часами²⁷⁶.

Отдельным видом вознаграждения для стахановцев являлись премии за рационализаторские предложения. Со стороны партийных и комсомольских организаций также велась борьба за своевременную выдачу соответствующих сумм. В ходе рейда «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения комсомольскими активистами был выявлен факт «преступного халатного отношения к авторским предложениям» на КУТШО г. Кирова. Было установлено, что стахановец Созинов за несколько месяцев до этого внес рационализаторское предложение, которое через определенное время было внедрено в производство. Однако руководство цеха не удосужилось уведомить об этом передовика, а также выдать ему полагающуюся авторскую премию²⁷⁷.

²⁷⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 26. Л. 480.

²⁷⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 181. Л. 22.

²⁷⁷ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45. Л. 53.

В изучаемый период в Кировском регионе были также отмечены случаи премирования стахановцев и целых бригад за отдельные спланированные и удачно реализованные рекорды. К примеру, бригада П. Т. Брагина из прокатного цеха Ижстальзавода, работая с специально созданных руководством цеха условиях (бесперебойное снабжение сырьем и стабильное напряжение пара не ниже 10 атмосфер), в декабре 1936 г. произвела 64 т. проката за смену при норме в 32 т. За двукратное перевыполнение нормы бригадир сразу же после окончания смены был награжден премией в размере 300 руб., в члены его бригады получили 1000 руб. премии на всех²⁷⁸.

Однако и премиями материальная заинтересованность стахановцев в результатах своего труда не исчерпывалась. В условиях советской действительности 1930-х гг. не меньшее значение имели альтернативные материальные стимулы. Их характер зависел от условий конкретного предприятия, поскольку распределение имеющихся в наличии материальных благ зависело от администрации и профсоюзных комитетов.

К примеру, юный передовик В. С. Баталов на I Кировском краевом совещании стахановцев отмечал на этот счет: «Как мне помогает дирекция? Правда, дирекция помогает хорошо. К октябрьским торжествам провели мне электричество, радио, дали ответственную карточку ходить в столовую. Эту карточку получают только директора. Дали сезонный билет ходить в клуб и сидеть на первых местах...»²⁷⁹.

Стахановцы конкретного предприятия также обладали привилегиями при распределении имеющегося в распоряжении предприятия жилищного фонда и в ходе строительства нового жилья. К примеру, одним из направлений работы администрации завода «Кировский металлист» по поддержке стахановского движения в 1938 г. было «оказание преимущества стахановцам и ударникам при

²⁷⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 201. Л. 59-60.

²⁷⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599. Л. 7.

предоставлении квартир», а также «помощь в подыскивании дефицитных материалов при постройке стахановцами собственных домов»²⁸⁰. В интересующий нас период в регионе также были случаи целенаправленного строительства жилья исключительно для участников движения. К примеру, по указанию администрации Уржумской лесопристаны для работающих там стахановцев к февралю 1936 г. было выстроено отдельное общежитие²⁸¹.

Однако в источниках нашли отражение и обратные примеры безразличия руководства предприятий к нуждам стахановцев. В частности, стахановки промартели «Мебель» в октябре 1938 г. написали коллективное письмо в газету «Комсомольское племя» с жалобами на отсутствие элементарных бытовых удобств в общежитии. В письме содержались следующие факты: «Правление артели не проявляет о нас никакой заботы... Постель у нас служит и столом и стулом. Нечего сказать – мебельная артель, а в общежитии стахановцев всего три поломанных стула, стола совсем нет, даже тумбочек и то не хватает...»²⁸². Однако подобные факты были единичными, поскольку преобладающей тенденцией на предприятиях региона было разностороннее поощрение стахановцев.

Еще одним направлением работы руководящего состава предприятий по развитию стахановского движения было оказание помощи стахановцам в ремонте уже полученных квартир, а отсутствие таковой вызывало негативную реакцию со стороны партийных и иных контролирующих органов. К примеру, в отчете промышленного отдела обкома ВКП(б) за 1937 г. была отмечена «нездоровая скачкообразность» в динамике численности стахановцев на Кирсинском металлургическом заводе. В числе причин такого положения указывалась, что «ни партийный комитет, ни хозяйственное руководство не занимались конкретными вопросами организации стахановского движения», практически прекратив

²⁸⁰ ГАКО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 193. Л. 115.

²⁸¹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 307. Л. 69.

²⁸² Комсомольское племя. 1938. № 122. С. 3.

поощрять лучших передовиков. В качестве иллюстрации к этому утверждению приводился следующий факт: в годовом отчете о работе завода в графе «ремонт квартир стахановцев» значилась смешная сумма 60 руб. 63 коп. Далее указывалось, что этим, по сути, и ограничилась помощь администрации завода своим стахановцам в этом году²⁸³. По итогам изложенных фактов комиссией было намечено более детальное разбирательство.

Отдельным мотивационным фактором для стахановцев было создание для них комфортных условий непосредственно на предприятии. Это могло выражаться, к примеру, в лучшей обеспеченности сырьем и инструментом, а также в доступе к более качественному или дешевому питанию. Так, в столовой Кожевенного комбината г. Сарапула еще осенью 1935 г. были введены специальные столы для стахановцев, а сами передовики получили право обедать по сниженным ценам. При этом оба положенных им блюда обязательно должны были быть мясными²⁸⁴.

Оказывать преимущество стахановцам при распределении материальных благ должны были и профсоюзные комитеты. Вместе с тем, Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, в сравнении с другими ведомствами союзного уровня, включился в поддержку стахановского движения с опозданием, за что неоднократно критиковался в центральной прессе в начальный период развития движения. Так, в номере «Правды» от 13 октября 1935 г. утверждалось: «Несомненно, рекорд безразличия к стахановскому движению остается за ВЦСПС. До сих пор профсоюзы не обмолвились и словом о стахановцах, не говоря уже о помощи и руководстве движением»²⁸⁵.

Уже 18 октября 1935 г. ВЦСПС ответил на эту критику постановлением, где содержались требования ко всем профорганизациям страны «немедленно

²⁸³ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 285. Л. 7.

²⁸⁴ ГАКО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.

²⁸⁵ Правда. 1935. № 283. С. 1.

покончить с бюрократически безразличным отношением к организации и руководству стахановским движением, оказывая всемерную помощь каждому стахановцу...». При этом Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов обязывал все профорганизации «окружить особым почетом, вниманием и всесторонней заботой каждого стахановца, создать лучшие материально-бытовые и культурные условия жизни стахановцам и их семьям»²⁸⁶.

После этого профсоюзные организации на предприятиях Кировского региона начали проводить соответствующую линию в жизнь. Этому способствовали решения регионального совета профсоюзов. Так, 6–7 сентября 1936 г. в Кирове проходило общерегиональное совещание Кировского крайсовпрофа, на котором было принято постановление относительно стахановского движения, где указывалось, что «все культурно-бытовое обслуживание должно проводиться в первую очередь среди стахановцев». Далее в документе конкретизировались основные направления данной работы: санаторно-курортное обслуживание, культурно-массовые мероприятия и детские учреждения²⁸⁷.

Руководители профсоюзных организаций на конкретных предприятиях, как правило, старались следовать приведенным выше указаниям. К примеру, председатель профсоюзного комитета спичечной фабрики «Красная звезда» г. Кирова Ухатов в январе 1936 г. со страниц газеты «Кировская правда» рапортовал о целом комплексе мероприятий в поддержку стахановского движения, проведенных фабричной профсоюзной организацией: для стахановцев предприятия было зарезервировано четыре бесплатных места в областном драмтеатре на каждый спектакль, а также 30 постоянных бесплатных мест в клубе им. Степана Халтурина. Кроме того, ко Дню ударника (11 января) были

²⁸⁶ Кировская правда. 1935. № 241. С. 1.

²⁸⁷ ГАКО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 39. Л. 38.

выплачены премии 70 стахановцам на общую сумму 15 тыс. руб., а 12 из их числа еще и получили квартиры, полностью обставленные мебелью²⁸⁸.

Профсоюзные организации оказывали местным стахановцам немалое содействие и в вопросах санаторно-курортного обслуживания. К примеру, во II квартале 1936 г. из 36 рабочих Белохолуницкого машиностроительного завода, направленных на курорты, было 26 стахановцев (свыше 70 %). Схожая картина наблюдалась в том же году на других предприятиях края. Так, на Песковском чугунолитейном заводе из 20 работников, направленных в санатории в III квартале, было 16 стахановцев (около 80 %), а на меховой фабрике «Белка» г. Слободского все 28 человек, получившие путевки в IV квартале, считались стахановцами²⁸⁹.

При всем разнообразии материальных мотивов для вступления в ряды стахановцев в Кировском регионе не менее важную роль в развитии движения играли нематериальные стимулы. К числу таковых следует отнести, в первую очередь, повышенное внимание к стахановцам со стороны руководителей разного уровня, почетные награды, а также различные формы прославления и популяризации их трудовой деятельности.

Распространенным проявлением внимания к передовикам со стороны руководства являлось их привлечение к участию в торжественных мероприятиях. Это могли быть партийные и комсомольские отчетно-выборные конференции, профессиональные слеты, производственные совещания и т. д. На подобных мероприятиях стахановцы получали возможность лишней раз подчеркнуть свой статус. Важность этого для отдельных стахановцев подтверждалась их собственными высказываниями. Характерным являлось выступление стахановца Суводского ЛПХ Советского района Попова, который на I краевом слете стахановцев-лесорубов (Киров, 16–18 февраля 1936 г.) отметил, что он,

²⁸⁸ Кировская правда. 1936. № 9. С. 3.

²⁸⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6700. Оп. 4. Д. 3. Л. 1–37.

«приехавший из деревни простой мужик, считает за счастье быть делегатом на слете стахановцев-лесорубов вместе с краевыми руководителями»²⁹⁰.

Примечателен и тот факт, что стахановцы были представлены в числе выступающих на трех областных партийных отчетно-выборных конференциях: первой (11–17 июля 1937 г.), второй (15–20 июля 1938 г.) и третьей (25 февраля – 1 марта 1939 г.)²⁹¹. И только на четвертой партконференции (13–15 марта 1940 г.) стахановцы в числе выступавших не фигурировали²⁹², что было связано с общим падением интереса к движению в региональном сообществе.

Практика проведения слетов и совещаний с участием стахановцев непосредственно на предприятиях Кировского региона зародилась еще осенью 1935 г. и сохранялась в течение всего интересующего нас периода. В частности, только на Кожевенном комбинате им. Коминтерна г. Кирова за 1937 г. было проведено пять общекомбинатовских слетов стахановцев и 198 производственных совещаний в цехах с их участием²⁹³.

Одним из вариантов проявления внимания к стахановцам со стороны руководства являлось вручение им почетных наград: грамот, значков, медалей и т. д. Стоит отметить, что в рассматриваемую эпоху таковые ценились намного больше, нежели сегодня, поэтому не стоит недооценивать значение данного стимула для местных передовиков. Примеры поощрения стахановцев Кировского региона почетными наградами также отразились в источниках. Так, стахановец железнодорожной станции «Юрья» Верховинского района Д. И. Шеромов в 1936 г. был награжден значком «Ударник Сталинского призыва», а его коллега по станции А. В. Ситников в 1939 г. получил «Значок почетного железнодорожника». В обоих случаях награды были вручены с формулировкой «За стахановские методы». Другим примером было награждение лучших

²⁹⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 306. Л. 87.

²⁹¹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 3; ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 3; ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 4. Д. 3.

²⁹² ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 6. Д. 3.

²⁹³ ГАСПИ КО. Ф. 6833. Оп. 8. Д. 32. Л. 43.

стахановцев лесной отрасли Малмыжского района В. Г. Козлова, Ф. С. Галенкова и М. Н. Плишкина «Почетными значками лесной промышленности» в 1939 г. с формулировкой «За стахановские образцы работы»²⁹⁴.

В Кировском регионе были также отмечены случаи коллективного поощрения стахановцев почетными наградами. Так, в мае 1939 г. заместитель наркома лесной промышленности СССР Ф. В. Сергеев вручил значки «Почетному работнику лесной промышленности» 21 стахановцу лесной отрасли Кировской области. Среди них были лесорубы, возчики и трактористы лесопромышленных хозяйств региона, регулярно выполнявшие существующие нормы на 250–300 %. Примечательно, что значительную часть награжденных передовиков составляли комсомольцы, пришедшие на лесозаготовки по призыву Кировского обкома ВКП(б) в 1938 году, речь о котором шла выше²⁹⁵.

К числу почетных наград для стахановцев можно также отнести выдвижение стахановцев в Советы депутатов трудящихся разных уровней. Так, в период очередных выборов в Кировский областной Совет депутатов трудящихся в декабре 1939 г. из 90 выдвинутых кандидатов 15 были «знатными стахановцами»²⁹⁶. В частности, по избирательному округу № 1 (г. Киров) кандидатом в облсовет была выдвинута стахановка механического цеха Кировского машстройзавода К. Д. Шиляева²⁹⁷, а по избирательному округу № 3 – стахановка набивочного цеха Кожевенного завода им. Октябрьской революции А. С. Стрельникова²⁹⁸. Последняя, к тому же, была создателем и руководителем стахановской школы на своем предприятии.

Та же тенденция наблюдалась при выборах в советские органы других уровней. Так, стахановец Кировской кондитерской фабрики И. А. Трешилов в

²⁹⁴ ГАКО. Ф. 2169. Оп. 2. Д. 1. Л. 17, 69.

²⁹⁵ Комсомольское племя. 1939. № 81. С. 1.

²⁹⁶ Комсомольское племя. 1939. № 165. С. 2.

²⁹⁷ Комсомольское племя. 1939. № 162. С. 1.

²⁹⁸ Комсомольское племя. 1939. № 163. С. 1.

период выборной кампании 1939 г. был выдвинут от своего предприятия кандидатом в депутаты Кировского горсовета²⁹⁹. Кандидатом в депутаты того же органа был выдвинут и другой местный передовик – стахановец Кировской типографии А. С. Платунов³⁰⁰.

Еще одним побудительным мотивом для продолжения стахановского труда могло служить прославление трудовых успехов участников движения. Таковое в интересующий нас период осуществлялась через прессу (заводские, районные, региональные и общесоюзные газеты), а также через «доски почета», располагающиеся непосредственно в производственных помещениях. К примеру, в отчете профсоюзного комитета Кожевенного комбината им. Коминтерна г. Кирова о развитии стахановского движения за 1935 г. содержались следующие факты: «Проведен общекомбинатовский слет стахановцев 17 октября сего года... В больших портретах оформлены стахановцы в клубе и в помещении, где проходил слет... Проведена работа со стороны редакции многотиражки: индивидуальные беседы со стахановцами и передача [их] методов работы через газету»³⁰¹.

Газеты общерегионального уровня, как упоминалось выше, вплоть до конца интересующего нас периода в большинстве номеров публиковали сообщения о высоких результатах стахановцев, нередко сопровождаемые их портретами. Кроме того, публикацию открытых писем передовиков, содержащих критику начальства, также можно расценивать как свидетельство особого статуса участников стахановского движения.

В ряде случаев перечисленные успехи могли трансформироваться в быстрый и существенный карьерный рост. Отдельные факты, подтверждающие это, приводились во втором пункте предыдущей главы. Однако наиболее

²⁹⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 146. Л. 31.

³⁰⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 115. Л. 88.

³⁰¹ ГАКО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

показательный пример карьерного взлета через стахановское движение являла собой трудовая биография знаменитого передовика лесной промышленности Кировской области Сидора Прокопьевича Мизева. Он родился в мае 1907 г. в деревне Мизево Кайской волости Слободского уезда Вятской губернии в семье крестьянина-бедняка. До 1926 г. помогал отцу по хозяйству, затем работал батраком, а после стал трудиться на лесозаготовках вблизи родной деревни. В 1929–1932 гг. проходил службу в рядах РККА, по возвращении поступил на работу в колхоз «Социализм» (в тот момент относился к Кайскому району Нижегородского края). С 1936 г. возобновил работу на лесозаготовках в Кайском ЛПХ. Став лесорубом, в том же году освоил стахановские методы и стал выполнять норму на 500 % и выше.

Это способствовало его быстрому продвижению по карьерной лестнице. В октябре 1937 г. С. П. Мизев был назначен инструктором Кайского леспромхоза по внедрению стахановских методов с использованием лучковой пилы. В том же месяце он был принят кандидатом в члены ВКП(б). Работая в новой должности около полугода, он обучил стахановским методам более 40 лесорубов. Это не осталось незамеченным и вскоре передовика выдвинули на пост директора Кайского ЛПХ. Затем состоялся его прием в члены ВКП(б). Достижения и быстрый карьерный рост стахановца стали заметны даже за пределами области, о чем свидетельствовала хвалебная статья в общесоюзном журнале «Стахановец лесной промышленности»³⁰².

Однако дальнейшая трудовая деятельность С. П. Мизева сложилась не столь успешно, так как ему не удалось проявить себя в качестве руководителя. По этой причине Кайский райком ВКП(б) уже в ноябре 1939 г. принял решение снять стахановца с директорской работы. В соответствующей партийной характеристике, сохранившейся в личном деле члена ВКП(б), отмечалось: «Работая в должности директора с лишним год, с положительной стороны себя не

³⁰² Набокин А. И. Замечательный рост // Стахановец лесной промышленности. 1939. № 2. С. 5–7.

показал, несмотря на требования и конкретную помощь со стороны парторганизации... Инициативы в работе не проявлял. Работал под руководством технического директора, авторитета среди аппарата леспромхоза и лесорубов не имеет. В дальнейшем считаем оставлять тов. Мизева на должности директора невозможным»³⁰³. Как вытекает из приведенного примера, передовой рабочий далеко не всегда мог стать хорошим руководителем. Несмотря на это, районные и региональные власти имели установку «сверху» продвигать стахановцев на ответственные должности.

Говоря о мотивации в стахановском движении Кировского региона, нельзя не учитывать и такой общий для большинства стахановцев страны фактор, как присущий им энтузиазм. О причинах, сущности и конкретных его проявлениях в экономической жизни региона речь пойдет в следующем разделе диссертации.

Несмотря на то, что мотивы вступления в стахановское движение у каждого передовика были собственными, приведенные факты позволяют выделить преобладающие стимулы, побуждавшие индустриальных рабочих Кировского региона становиться стахановцами. К таковым следует отнести стимулы материального характера: высокие зарплаты, премии, расширенный доступ к жилью, качественному питанию и дефицитным товарам, а также нематериальные стимулы: энтузиазм, внимание со стороны партийного и хозяйственного руководства, широкое и публичное освещение трудовых успехов. Соотношение тех и других в деятельности стахановцев было индивидуальным в каждом конкретном случае, поскольку ряды стахановцев состояли из отдельных людей, обладающих неповторимыми личностными особенностями.

³⁰³ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 17. Д. 3040. Л. 3–6.

2.3. Местный стахановец как культурно-психологический тип

Социокультурные аспекты стахановского движения на сегодняшний день относительно не изучены. Такое положение во многом объясняется тем, что преобладающая часть советских трудов по его истории написана с традиционным для отечественной историографии того периода «уклоном» в социально-экономическую сторону. Этот недостаток в той или иной мере унаследовали зарубежные авторы, а также современные российские исследователи, занимающиеся проблемами стахановского движения.

Показателен тот факт, что из всех крупных монографических исследований лишь в книге В. А. Козлова и О. В. Хлевнюка «Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов» была предпринята попытка несколько восполнить указанный пробел. Однако и в ней культурно-психологическим особенностям советского стахановца уделено минимальное внимание. Авторы ограничились скупой характеристикой стахановцев как «передовых представителей рабочего класса и колхозного крестьянства..., ориентированных на активное отношение к жизни, творческий подход к решению профессиональных задач»³⁰⁴.

Рассматривая бедность отечественной и западной историографических традиций в отношении культурно-психологической составляющей стахановского движения, стоит учитывать особенности источниковой базы по интересующей нас теме. Специфика заключается в том, что преобладающее число источников носят либо статистико-количественный, либо парадно-пропагандистский характер при крайней скудости «личностной» составляющей. Все это усложняет работу по

³⁰⁴ Козлов В. А., Хлевнюк О. В. *Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов.* М., 1988. С. 163.

выявлению и описанию основных черт ментальности «усредненного» участника стахановского движения.

Начинать рассмотрение культурно-психологических особенностей стахановцев необходимо с выявления социокультурных истоков движения. Эта необходимость задается тем, что любой социальный феномен является порождением того общества, в рамках которого он зародился и оформился. Исходя из этого, стахановское движение было сложным продуктом советского социума, который, в свою очередь, во многом основывался на базе традиционной русской ментальности. На реальную связь между мировосприятием дореволюционного русского крестьянина и советского человека эпохи индустриализации указывал, например, один из основоположников цивилизационного подхода к истории – Арнольд Тойнби³⁰⁵.

Что касается традиционной ментальности русских крестьян, то ее основные черты хорошо изучены и известны: патриархальность, общинность, приверженность «общему делу» и т. д. Среди ее особенностей нередко упоминается и т. н. «минималистская потребительская этика», суть которой заключалась в том, что «крестьянин работал до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи, не стремился к накоплению»³⁰⁶. Кроме того, в коллективных представлениях большей части дореволюционных русских крестьян присутствовал эгалитаризм, т. е. уравнительность, стремление не выделяться из основной массы.

Следуя доставшейся в наследство от предков модели общественного поведения, представители советского рабочего класса (в интересующую нас эпоху преимущественно «вчерашние» крестьяне) даже к началу 1930-х гг. оставались по большей части экономически и социально пассивными, что не устраивало

³⁰⁵ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 109.

³⁰⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2003. С. 314.

руководство страны и не соответствовало задачам государства и общества, находившегося на этапе интенсивной модернизации. С учетом этого стахановское движение можно рассматривать как попытку, выражаясь языком французского писателя Андре Жида, «встряхнуть народ от спячки», а стахановцев в качестве людей нового типа, не стеснявшихся проявлять свою индивидуальность и личную инициативу³⁰⁷.

Процесс смены крестьянского образа жизни на городской для огромной массы советских людей, вовлеченных в процесс индустриализации, можно рассматривать и как смену культурного типа в целом. К примеру, известный русско-американский социолог Питирим Сорокин описывал подобный процесс как переход от «идеациональной» культуры, полностью основанной на традиции и нематериальных ценностях, к культуре «идеалистической», основанной на сочетании материальных и духовных ценностей с преобладанием последних³⁰⁸.

Общесоюзные статистические данные в целом подтверждают тезис о преобладании среди участников стахановского движения рабочих в первом поколении. Так, во второй половине 1930-х гг. среди советских стахановцев было более 60 % прямых выходцев из деревни³⁰⁹. В Кировском регионе ситуация не слишком отличалась от средних по стране показателей. В частности, согласно анкетам участников I краевого слета стахановцев, доля прямых выходцев из крестьян среди них составляла 53 %³¹⁰ (см. Приложение 8). Данные по отдельным предприятиям свидетельствуют о том, что в отдельных случаях процент крестьян по социальному происхождению среди стахановцев мог быть значительно выше. В частности, среди десяти делегатов на I краевое совещание стахановцев от

³⁰⁷ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2008. С. 92.

³⁰⁸ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 50.

³⁰⁹ Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг.. М., 1988. С. 154.

³¹⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 600. Л. 1–302.

Кировского мясокомбината было восемь выходцев из крестьян-бедняков и два выходца из крестьян-середняков, т. е. ни одного потомственного рабочего³¹¹.

При рассмотрении вопроса о происхождении стахановцев Кировского региона нельзя не принимать во внимание региональную специфику. Для Вятского края вплоть до начала индустриализации были свойственны крайне низкий уровень урбанизации и преимущественно аграрный характер экономической жизни. Так, еще в 1926 г. из 2,2 млн. населения Вятской губернии только 139 тыс. проживали в городах, а в сельском хозяйстве производилось около 56 % всей валовой продукции³¹². С учетом этих фактов становится ясно, что потомственных рабочих в промышленности Кировского региона в середине 1930-х гг. было на порядок меньше, чем в регионах с богатой историей промышленного строительства.

Перед началом рассмотрения конкретных черт ментальности стахановцев, необходимо учесть еще одну особенность этой социальной группы – преобладание в ней молодежи. Важность этой особенности для развития стахановского движения заключалась в том, что молодые люди по своей психологии всегда являлись наиболее активной возрастной группой и, как ее представители, были склонны к переменам и новациям. Данную особенность стахановского движения подчеркивал в своих выступлениях И. В. Сталин, отмечая, что стахановцами являлись, «главным образом, молодые или средних лет рабочие и работницы»³¹³.

Приведенный тезис советского вождя подтверждался статистикой по Кировскому региону. Как упоминалось выше, 52 % участников I краевого слета стахановцев находились в возрастном диапазоне от 16 до 30 лет. Кроме того, еще

³¹¹ ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 16. Л. 92–102.

³¹² Бакулин В. И. Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сборник научных статей. Киров, 2006. С. 146.

³¹³ Комсомольское племя. 1936. № 106. С. 1.

34 % делегатов имели возраст от 30 до 40 лет³¹⁴. Еще более молодой состав стахановцев мог наблюдаться в тот же момент на конкретных предприятиях. К примеру, средний возраст 19 ведущих передовиков Кожевенного комбината им. Коминтерна г. Кирова в декабре 1935 г. составлял около 26 лет³¹⁵, а тот же показатель среди 46 лучших стахановцев КУТШО г. Кирова в ноябре 1936 г. равнялся 28 годам³¹⁶.

Видными стахановцами края (впоследствии области) становились и совсем юные рабочие, не достигшие даже совершеннолетия. Примерами тому являлись делегаты I краевого совещания стахановцев В. С. Баталов, С. Юрлов и Лобастова, возраст которых на тот момент составлял 16, 17 и 18 лет соответственно.

Биография юного стахановца Воткинского машиностроительного завода С. Юрлова в его собственном кратком изложении выглядела так: «Родился в семье рабочего, семья была девять человек. В 1923 г. отец умер, и я остался на иждивении матери. До 16 лет я учился. Когда мне исполнилось 16 лет, я поступил в сельскохозяйственный комбинат на пригородные хозяйства, где проработал шесть месяцев. После этого поступил на завод». Немногим более долгой была история трудовой деятельности стахановки Хромовой завода Лобастовой: «Я – воспитанник Октября, родилась в 1917 г. Я – комсомолка с 1931 г. Сначала я училась в школе ФЗУ, работаю на производстве 2,5 года»³¹⁷.

Еще одним юным стахановцем, известным на весь регион, был В. С. Баталов. На момент вступления в движение у него за плечами не было даже года производственного стажа. Несмотря на это, он вскоре стал самым результативным рабочим сырейно-красильного цеха Меховой фабрики «Белка», где трудилось в тот момент более 1300 работников. Так, при норме выделки 1493 шкурки бурундука за шестичасовую смену, Баталов в среднем вырабатывал 3600

³¹⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 598. Л. 114.

³¹⁵ ГАСПИ КО. Ф. 6833. Оп. 6. Д. 19. Л. 16 – 19, 109–111.

³¹⁶ ГАКО. Ф. 1414. Оп. 9. Д. 56. Л. 23–26.

³¹⁷ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599. Л. 20, 52.

шкурок с минимальным процентом брака³¹⁸. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в рамках стахановского движения первостепенное значение имел не стаж работы, а творческий потенциал и способности конкретного рабочего.

Подтверждением того, что стаж передовиков играл второстепенную роль в сравнении с их личными качествами, является следующая статистика: среди 14 лучших стахановцев Халтуринского промкомбината (на 28 сентября 1938 г.) шесть человек имели стаж один год и менее, еще шесть – два года и только два работали на комбинате около девяти лет³¹⁹.

Вместе с тем, в последующие годы в отдельных отраслях экономики региона наблюдались более высокие показатели среднего возраста участников движения. Так, средний возраст 34 стахановцев лесной промышленности Кировской области, представленных к государственным наградам в 1939 г., составлял 37 лет³²⁰. В любом случае, общая картина возрастного состава участников стахановского движения в Кировском регионе во второй половине 1930-х гг., как и в целом по стране, в целом вписывалась в приведенную выше сталинскую оценку.

В качестве первой и базовой черты ментальности местных стахановцев следует выделить энтузиазм. Именно он зачастую был той силой, которая заставляла тысячи простых рабочих радикально менять привычные формы производственного процесса и включала их тем самым в стахановское движение. Применительно к психологии его участников энтузиазм означал сопричастность делу строительства социализма в СССР, стремление быть вовлеченным в процесс модернизации экономики и общества. Весомым подтверждением стахановского

³¹⁸ ГАСПИ КО. Ф. 6881. Оп. 2. Д. 35. Л. 125.

³¹⁹ ГАСПИ КО. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 101. Л. 8.

³²⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 43. Л. 1–62.

энтузиазма являлась распространенная в рамках движения практика сверхурочных неоплачиваемых работ, о чем шла речь в предыдущей главе.

Еще одним свидетельством энтузиазма участников стахановского движения могут служить их собственные суждения. Одно из таких было высказано машинистом Кировского депо стахановцем И. А. Трегубовым. Выступая на I краевом совещании стахановцев с критикой своих безынициативных коллег, он отмечал: «У нас есть некоторые машинисты-нытики..., которые работают только для того, чтобы заработать копейку на хлеб, не думают, что перед ними стоят требования о повышении производительности труда»³²¹. Сам же передовик, согласно логике его высказывания, был озадачен указанной проблемой.

Ярко выраженное ощущение себя частью единого целого приводило к тому, что стахановцы нередко оценивали свои достижения не только и не столько через призму личного успеха, сколько соотносительно с тем, в какой мере они способствовали решению стоящих перед страной задач. В этом смысле характерным являлось суждение стахановца Омутнинского завода по фамилии Павлов, который, рассказывая о работе своего предприятия, с гордостью заявлял: «Мы освобождаем страну от импорта... У нас вырабатывается змеевидная сталь, которая все время ввозилась из-за границы. И вот маленький Омутнинский завод освободил страну от ввоза ...этой змеевидной стали!»³²²

В отдельных случаях энтузиазм стахановцев Кировского региона мог и вовсе перерасти в альтруизм. Показательным являлся пример передовика Верховинского леспромхоза Баранцева. До включения в стахановское движение он несколько лет находился на военной службе, после чего стал трудиться в селе Верховино лесорубом. Применял стахановские методы с осени 1935 г. и к февралю 1936 г. смог приобрести на заработанные деньги лошадь для личного хозяйства. Вскоре стахановец вошел в колхоз, а его лошадь при этом стала

³²¹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599. Л. 29.

³²² Там же. Л. 25.

колхозной собственностью. На удивленные вопросы односельчан о том, зачем он купил ее до вступления в колхоз, стахановец отвечал, что ему спокойнее было войти в колхоз «не с пустыми руками»³²³.

Источники свидетельствуют, что местные стахановцы проявляли энтузиазм не только на словах. Показателен пример стахановца-лесоруба Мурашинского мехлесопункта К. В. Сунцова, который следующим образом описывал свой путь к стахановскому движению: «Ленинско-Сталинский комсомол обратился ко всем комсомольцам с призывом пойти в лесную промышленность, помочь ей выйти из отстающих в передовые отрасли народного хозяйства СССР. Я откликнулся на этот призыв и остался работать в постоянном кадровом составе Мурашинского мехлесопункта треста «Кирлес»³²⁴. Как упоминалось выше, на этот призыв откликнулось свыше 2 тыс. молодых активистов, большинство из которых впоследствии оказались вовлечены в стахановское движение. Этот факт также служит аргументом в пользу тезиса об энтузиазме как подлинном и повсеместном явлении в советском обществе образца 1930-х гг.

В данном контексте немаловажен вопрос о причинах массового энтузиазма времен первых пятилеток, в т. ч. и в стахановском движении. Стоит упомянуть, что в те годы усилиями советских пропагандистов была выработана официальная позиция на этот счет, которая впоследствии «перекочевала» в научную литературу. Утверждалось, что резкая перемена отношения к трудовой деятельности у значительной части граждан СССР была обусловлена тем, что к середине 1930-х гг. в нашей стране были построены основы социализма и поэтому «труд стал единственным источником материального благосостояния, священным правом и почетной обязанностью всех членов общества, делом чести, славы, доблести и геройства»³²⁵.

³²³ ГАСПИ КО. Л. 1255. Оп. 2. Д. 306. Л. 78.

³²⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 181. Л. 17.

³²⁵ История социалистической экономики СССР. Т. 4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М., 1976. С. 92.

По сути, приведенный тезис во многом перекликался с утверждением И. В. Сталина, обращенным к участникам I Всесоюзного совещания стахановцев: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда... Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица – бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас»³²⁶.

Разумеется, лидер СССР определенным образом утрировал и приукрашивал советскую действительность. Вместе с тем, невозможно отрицать положительное влияние модернизационных процессов на психологию индустриальных рабочих. В условиях, когда страна буквально преображалась на глазах, энтузиазм населения получал постоянную «подпитку» в виде реальных и осязаемых экономических достижений. Не последнюю роль в этом процессе играл технический прогресс, механизация трудоемких производственных операций, изменения к лучшему в сфере охраны труда и в быту.

Иллюстрацией к этому могут служить слова 51-летнего стахановца Уржумского леспромхоза Татаринова, произнесенные им с трибуны I краевого слета стахановцев-лесорубов (г. Киров, 16–18 февраля 1936 г.): «Как нам не стараться для советского правительства, чтобы наше государство могло встать на ноги? Я был в Вятке в 1927 г. и не помню, бегали ли такие автобусы по городу, как теперь... И как не интересно работать, как не должно быть заинтересованности в работе, когда от наших трудов такая масса появляется! Когда через наш труд машина кует машину, машина машину ведет и скоро, пожалуй, нам и ноги не нужны будут. Жалко, что мне не 25 лет»³²⁷.

³²⁶ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14–17 ноября 1935. Стенографический отчет. М., 1935. С. 368–369.

³²⁷ ГАСПИ КО. Л. 1255. Оп. 2. Д. 306. Л. 83.

Не менее яркой иллюстрацией к рассматриваемому тезису могут служить слова начальника горного цеха Верхнекамских фосфоритных рудников П. И. Казаринова: «Жить стало весело, радостно – в этом одна из главных причин и нашей стахановской смены. Радостно работать на обновленном, технически оснащенном производстве... Наряду с реконструкцией производства, на рудниках произошли коренные изменения в бытовом и культурном обслуживании населения. На рудниках есть хороший рабочий клуб со звуковой киноустановкой, хорошая библиотека, новая больница, впервые оборудованный рентгеновский кабинет. Выстроены детские ясли, детская площадка, родительский дом...»³²⁸.

Стоит учитывать и то, что некоторые стахановцы, будучи родом из семей крестьян-бедняков, в детстве и юности испытали серьезные материальные и бытовые трудности, дискриминацию по национальному или половому признаку и тяготы нахождения «в самом низу» социальной иерархии. В этих условиях их новый статус стахановцев, серьезно контрастируя с предыдущим статусом сельских бедняков, ценился обладателями тем более высоко. К примеру, стахановка Кожевенного комбината им. В. И. Ленина Н. Сулова так сопоставляла разные этапы своей жизни: «Раньше я не видала хорошей жизни. Работать начала малолетком, а работала наравне со взрослыми, не знала выходного дня. А сейчас женщине предоставлены все права, [они] работают на всех участках. Вот я работаю на кожзаводе, стахановка... Довольна я своей жизнью, хорошо жить в нашей стране»³²⁹. При таких разительных переменах в жизни многие передовики, в одночасье становившиеся знаменитостями, действительно искренне верили в сталинский тезис о том, что жить в СССР «стало лучше и веселее».

³²⁸ Знатные люди Кировской области о своей работе. Киров, 1940. С. 54.

³²⁹ Красный кожевник. 1937. № 17. С. 1.

Стремление быть сопричастным строительству нового общества в СССР у стахановцев тесно переплеталось с желанием не быть «на последнем месте» в этом процессе. Данную черту психологического облика вовлеченных в движение рабочих можно охарактеризовать как состязательность. Таковая являлась специфической чертой советского строя и коренным образом отличалась по своей сути от капиталистической конкуренции. Если в основе конкуренции всегда лежало стремление любыми доступными средствами оставить позади соперника с целью получения выгоды или морального удовлетворения, то состязательность в ее советском варианте не предполагала наличие вражды между соревнующимися. Более того, для нее был во многом характерен обратный процесс: негативный компонент соперничества купировался свойственной общинному сознанию психологией «общего дела».

Стоит отметить, что значимость состязательности для строительства общества социалистического типа отмечал еще основатель советского государства В. И. Ленин. В своей статье «Как организовать соревнование?», написанной в 1917 г., он подчеркивал: «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере». Далее лидер большевиков писал о том, что только социалистический строй предоставит возможность большинству трудящихся в полной мере проявить свои лучшие особенности и таланты, которых, согласно В. И. Ленину, в народе «непочатой родник и которые капитализм мят, давил, душил тысячами и миллионами»³³⁰.

Состязательность как черта психологии стахановцев Кировского региона находила выражение в их собственных суждениях. Примером тому служит высказывание выверщика весов Комбината учебно-технического школьного оборудования г. Кирова стахановца А. А. Лузянина: «Прочитав в газете о рекордной добыче угля на шахтах Донбасса, о рекорде товарища Стаханова, у

³³⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. М., 1974. С. 195.

меня явилась мысль: а почему мы не можем дать больше? Не спал ночей, долго думал, как же сделать так, чтобы и мы не остались на последнем месте. Приду в цех, а в голове одна мысль: надо работать быстрее и лучше»³³¹.

Схожие стремления демонстрировал стахановец механизированного лесопункта поселка Плотбище Шурминского района Ф. К. Сорокин, который на краевом слете стахановцев-лесорубов (г. Киров, 13 ноября 1936 года) отметил: «Догнать кайских лесорубов – моя мечта... Теперь я буду работать, как они, стараясь свой опыт работы без остатка передавать другим лесорубам. Нам надо добиться, чтобы плотбищенский лесопункт стал самым передовым в крае, впереди кайского леспромхоза!»³³²

Подобная особенность стахановской ментальности находила еще одно характерное проявление – фольклор. В ту эпоху наиболее распространенной формой устного народного творчества являлись частушки. Притом распространялись таковые, в основном, в сельской местности. Хотя стахановское движение в деревне не является объектом настоящего исследования, «стахановские частушки» могут служить хорошей иллюстрацией психологии участников стахановского движения в целом. Приведем пример типичной для тех лет «стахановской частушки»:

«Я стахановкою стала,
Урожай хочу поднять.
У меня мечта такая –
Надо Демченко догнать!»³³³

Советский человек 1930-х гг., как и его предшественник в лице крестьянина-общинника, был в большинстве своем коллективистом. Даже в рамках стахановского движения, где поощрялись личные достижения конкретных

³³¹ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С. 56.

³³² ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 288. Л. 138.

³³³ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 117. Л. 11.

передовиков, интересы коллектива обычно имели первостепенное значение. Основной общегосударственной тенденцией в развитии стахановского движения, начиная с конца 1935 г., стал переход от отдельных рекорсменов к целым группам рабочих, коллективный труд которых был организован по-стахановски³³⁴. С этого времени на предприятиях страны и Кировского края появились стахановские бригады, смены, цеха и т. д. При таком раскладе от каждого стахановца требовалось не только самому добиться высоких результатов, но и «тянуть вверх» коллег по бригаде, цеху, заводу. Из этого вытекла еще одна важная черта стахановской ментальности – развитое чувство ответственности за коллектив и, прежде всего, за отстающую его часть.

Обозначенная черта находила свое выражение в практике передачи стахановского опыта через техническую учебу. При этом сами стахановцы в основной массе воспринимали участие в обучении остальных рабочих не как бремя, а как долг и почетную обязанность. К примеру, в открытом письме стахановцев предприятий Москвы в центральные комитеты профсоюзов отраслей тяжелого машиностроения от 27 декабря 1937 г. утверждалось: «Во всей этой работе по передаче лучшего производственного опыта стахановцы, несомненно, примут самое активное участие. Мы, стахановцы, не держим опыта в секрете. Каждый из нас осознает свой общественный долг – помочь товарищу по работе»³³⁵.

Стахановцы Кировского региона также демонстрировали обозначенные стремления. К примеру, стахановцы механического цеха физприборов КУТШО г. Кирова в 1937 г. неоднократно обращались в заводской профсоюзный комитет с просьбой организовать шефство передовиков над отстающими рабочими. Не

³³⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.

³³⁵ Индустриализация СССР. 1938–1941 гг. Документы и материалы. М., 1972. С. 289.

дождавшись конкретных действий ФЗК в этом направлении, стахановцы стали по своей инициативе обучать рабочих, чья производительность была ниже нормы³³⁶.

Еще одним важным компонентом психологии советских стахановцев являлся своеобразный «дух новаторства», вполне совпадавший с «генеральной линией» на модернизацию страны. Недаром современники назвали движение последователей А. Г. Стаханова «движением новаторов». Новаторство стахановцев проявлялось в форме разнообразных по форме и содержанию стахановских методов, описанных в предыдущей главе.

Естественно, для практического применения своих методов стахановцы должны были обладать не только творческими способностями, но также упорством и настойчивостью. Пример такого упорства продемонстрировал машинист Кировского депо И. А. Трегубов. Зимой 1936 г. он попросил у руководства депо выдать дополнительное железо на ремонт паровоза и получил ответ, что свободного железа на складах предприятия нет. Однако стахановец не смирился с таким положением и лично съездил в поселок Зуевку за необходимыми материалами³³⁷.

Другой пример твердости в преодолении препятствий, в том числе, и психологического плана, продемонстрировал стахановец Ижевского мотоциклетного завода К. Белокрылов, который однажды после обеденного перерыва обнаружил, что необходимый ему для работы резец намеренно сломан. Передовик не растерялся, заготовил новый резец и продолжил работу, выполнив в тот день установленную норму на 1685 %³³⁸. Подобного рода факты свидетельствовали о том, что настойчивость, упорство в проведении избранной линии поведения также была необходимой (и потому – характерной) чертой участников стахановского движения.

³³⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 290. Л. 4.

³³⁷ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп.1. Д. 26. Л. 477.

³³⁸ Там же. Л. 424.

Участие в рационализаторской деятельности объективно предполагало наличие у стахановцев не только творчества и смекалки, но и определенного уровня профессиональной грамотности и образования в целом. Таковым не могли похвастаться даже известные на всю страну «зачинатели» стахановского движения. В частности, основатель движения в автомобилестроении кузнец Горьковского автозавода А. Х. Бусыгин в своей речи на I Всесоюзном совещании стахановцев упоминал, что является малограмотным человеком и только недавно «первую книжку прочел». Вместе с тем, в том же выступлении стахановец акцентировал внимание на своем желании продолжить образование: «А учиться очень хочется. Ни о чем так не мечтаю, как об учении»³³⁹.

Среди местных стахановцев также преобладали малообразованные люди. К примеру, из числа делегатов и гостей I Кировского краевого слета стахановцев 58 % имели лишь начальное образование, а еще 21 % и вовсе не имели никакого образования или прошли только ликбез³⁴⁰ (см. Приложение 9).

Схожие стремления наблюдались у стахановцев Кировской края (области). К примеру, А. А. Лузянин, будучи известным на весь регион передовиком, посещал вечерние курсы, хотя технический экзамен к тому времени был уже сдан им на оценку «отлично»³⁴¹. Стимулирование тяги к знаниям, к личностному росту – одна из наиболее привлекательных черт движения. Важность технического образования для него неоднократно подчеркивалась и в местной периодической печати. «Учеба рабочих должна рассматриваться как одно из первых условий, необходимых для дальнейшего развития стахановского движения и подъема культурно-технического уровня рабочего класса», – отмечалось в одном из номеров газеты «Комсомольское племя» за 1936 г.³⁴²

³³⁹ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14–17 ноября 1935. Стенографический отчет. М., 1935. С. 25.

³⁴⁰ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 600. Л. 1–302.

³⁴¹ Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров, 1936. С. 59.

³⁴² Комсомольское племя. 1936. № 80. С. 3.

Сопричастность происходящим в стране процессам, радение за свое предприятие и коллектив, творческий подход к делу, тяга к знаниям – все это положительные черты стахановского типа личности. Однако стахановцы как социальная группа и психологический тип не избежали появления у некоторых из них черт, которые можно оценить как отрицательные. К таковым относилась, в первую очередь, своеобразная «звездная болезнь», наблюдавшаяся у части новаторов. Ее появление было во многом связано с особым положением стахановцев на производстве и за пределами своих предприятий.

Как уже отмечалось, в зарубежной историографии даже возникла концепция, в рамках которой стахановцы рассматривались в качестве «рабочей аристократии». Впоследствии она активно критиковалась в советской исторической науке³⁴³. Тем не менее, в источниках по истории стахановского движения на территории Кировского региона фигурируют факты, позволяющие сделать вывод о наличии у некоторых местных его участников элементов элитарной психологии.

Показателен пример стахановца КУТШО г. Кирова Кадачигова, который со страниц номера «Комсомольского племени» от 14 августа 1936 г. жаловался на то, что «месяца три уже его и многих других стахановцев администрация цеха не приглашала на производственные совещания». Далее стахановец критиковал аппаратчиков и ИТР за то, что «с февраля с ним никто не беседовал, чтобы спросить, что у него не ладно, что надо». В том же ключе высказывался его коллега по предприятию стахановец А. А. Лузянин, который сетовал на отсутствие должной популяризации на комбинате стахановского опыта: «Когда на красных досках, на собраниях показывали результат работы стахановцев, – это

³⁴³ См.: Наумов Л. А. Критика англо-американской буржуазной историографии деятельности Коммунистической партии по руководству стахановским движением в промышленности (1935–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 87–117.

подталкивало, вливало бодрую струю, каждому хотелось стать стахановцем. Теперь этого почему-то не стало...»³⁴⁴.

Таким образом, у рассматриваемых передовиков прослеживалось стремление, с одной стороны, участвовать в планировании и руководстве предприятием, а также получать адресную помощь от администрации, с другой, – желание быть известными и уважаемыми на своем предприятии работниками, чьи достижения регулярно прославлялись бы среди коллег. Впрочем, это не исключало одновременного искреннего рвения за результаты «общего дела», за престиж родного предприятия.

Подводя итог сказанному о культурно-психологических чертах стахановцев Кировского региона, можно сделать следующие выводы. «Усредненный» местный стахановец обладал определенным набором положительных для развития экономики и общества черт, таких как склонность к творчеству и новациям, энтузиазм, активность, ответственность за коллектив, твердость в достижении поставленных целей, трудолюбие, тяга к знаниям, смелость и состоятельность. Вместе с тем, стахановцы как социальная группа не избежали появления общей для определенной их части негативной особенности – излишней амбициозности, проявлявшейся в стремлении находиться в центре внимания, а также занимать особое положение в трудовом коллективе.

³⁴⁴ Комсомольское племя. 1936. № 98. С. 3.

2.4. Феномен антистахановских настроений в трудовых коллективах

Процесс распространения стахановского движения в промышленности Кировского региона, как и в целом по стране, не был гладким и сопровождался противодействием определенной части персонала местных предприятий. В этом смысле движение последователей А. Г. Стаханова повторило путь предшествовавших крупных экономических кампаний периода НЭПа, каждая из которых в том или ином масштабе вызывала негативную реакцию в среде рабочих, инженеров и служащих советской индустрии³⁴⁵. При всей пестроте упомянутого явления, в документах и прессе той поры различные его формы часто объединялись под термином «антистахановские настроения». Притом понималось под таковыми любое недовольство успехами, методами или привилегиями стахановцев в трудовых коллективах промышленных предприятий.

В советской исторической литературе давались однозначные, нередко упрощенные оценки антистахановских настроений. По мнению некоторых отечественных авторов, главным препятствием на пути стахановского движения являлись «косность и консерватизм отдельных руководителей и специалистов», а также «отсталые настроения ...среди рабочих, которые боялись, что высокие нормы выработки приведут к снижению заработной платы». Из этого логично вытекал тезис о существовании хорошо организованного саботажа движения со стороны т. н. «враждебных элементов»³⁴⁶.

Концепция «организованного сопротивления» встречается и в современных российских исследованиях. К примеру, А. К. Соколов разделяет мнение о существовании во второй половине 1930-х гг. «негласного организованного сопротивления подрыву существующих норм», доказывающего, по его мнению,

³⁴⁵ См.: Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб., 2006. С. 90–128.

³⁴⁶ История советского рабочего класса. Т.2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества (1921–1937 гг.). М., 1984. С. 288.

существование рабочей солидарности на производстве», противодействие которой «грозило всеобщим остракизмом, вплоть до порчи оборудования и физической расправы»³⁴⁷.

Указанная причина негативного отношения части промышленных рабочих, ИТР и служащих к деятельности стахановцев действительно наблюдалась в трудовых коллективах Кировского региона. К примеру, стахановка Фабрики охотничьих ружей г. Кирова Глазырина по возвращении с I краевого совещания стахановцев подверглась нападкам со стороны некоторых коллег, мнение которых выразила работница Мерзлякова: «Мы будем работать, как можем, и вырабатывать только установленную норму, а вы выхваляйтесь, но если норму пересмотрят, тогда смотри, тебе попадет»³⁴⁸.

Стоит отметить, что в подобных случаях претензии к стахановцам проистекали из реальных хозяйственных процессов. Необходимость массового повышения норм выработки зимой-весной 1936 г. советские руководители обосновывали не в последнюю очередь рекордами стахановцев. По выражению Г. К. Орджоникидзе: «Если норма перерабатывается в тысячу процентов, ...то это недоразумение, а не норма»³⁴⁹. Более того, передовики порою принимали непосредственное участие в процессе пересмотра норм. В Кировском регионе такой случай был отмечен на заводе «Кировский металлист», где к апрелю 1936 г. при участии 32 самых результативных стахановцев было пересмотрено 1393 нормы из 4880, действовавших на тот момент³⁵⁰.

Вместе с тем, рассматриваемая проблема была в реальности гораздо сложнее и многоаспектнее. Причины, как и конкретные проявления

³⁴⁷ Соколов А. К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях. // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 188.

³⁴⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 596. Л. 50.

³⁴⁹ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 2. М., 1957. С. 749.

³⁵⁰ Кировская правда. 1936. № 80. С. 1.

антистахановских настроений, не сводились только к страху перед повышением норм и снижением заработной платы.

Немалую роль играла зависть к успехам передовиков, серьезным материальным преференциям и постоянному вниманию к ним со стороны прессы и начальства. Показательный случай произошел в конце 1935 г. на Кожевенном комбинате г. Сарапула, где мастер пошивочного цеха по фамилии Макаров в разговоре с рабочими доказывал, что «стахановцы преследуют исключительно рваческие цели и ничего идейного в движении нет». В ходе упомянутого разговора его поддержали другие рабочие цеха. Так, некий Субботин с сарказмом заметил в отношении стахановцев Толганикова и Армянинова: «Вы все умеете, вы – аристократы, за вами ухаживают». Другой их коллега Седов добавил, обращаясь к Армянинову: «Ты же стахановец, почему носишь простую одежду? Непристойно стахановцу ходить оборванцем!»³⁵¹ Все трое впоследствии были арестованы органами НКВД и привлечены к уголовной ответственности за «саботаж стахановского движения».

Из приведенных высказываний следует, что часть местных рабочих усматривала в стахановском движении угрозу расслоения в среде рабочего класса, попрания принципов равенства и коллективизма. Соответствующие настроения, в частности, были отмечены на собрании рабочих сапожной мастерской Кожевенного комбината им. Коминтерна г. Кирова, состоявшемся в ноябре 1935 г. Хотя темой собрания было внедрение в производство стахановских методов, большинство участвовавших в нем рабочих, включая заведующего мастерской Зайганова, настаивали на том, что «стахановское движение ведет к разделению на классы в среде рабочих». На этом основании рабочие мастерской наотрез отказались перенимать стахановский опыт³⁵².

³⁵¹ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 627. Л. 137.

³⁵² ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 16. Л. 3.

На предприятиях региона наблюдались также проявления исключительно личной зависти в отношении передовиков. Ярким примером тому являлась ситуация вокруг стахановки Шубно-овчинного завода г. Кирова комсомолки М. Дудиной. В сентябре 1935 г. она первой на своем предприятии включилась в стахановское движение, что привело к нападкам на нее со стороны других работниц предприятия. В числе прочего, ее обвинили в том, что все ее старания направлены только на то, чтобы получить шубу в качестве премии к октябрьским торжествам³⁵³.

Еще одной причиной антистахановских настроений было недовольство части местных рабочих тем, что стахановские методы и рекорды нарушали привычный ход рабочего процесса в промышленности и на транспорте. Примером такого рода являлась точка зрения машиниста Кировского паровозного депо Власова, который доказывал в личной беседе участнику движения И. А. Трегубову, что стахановские методы на железнодорожном транспорте опасны, так как могут послужить причиной увеличения аварийности³⁵⁴.

Не только многие рабочие считали невыполнимыми или вредными внедряемые в производство стахановские методы. Отдельные представители ИТР и администрации местных предприятий тоже были подвержены подобным настроениям и даже порой открыто демонстрировали свою позицию. В ходе комсомольского рейда «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения (январь-февраль 1936 г.) произошла стычка между «кавалеристами» и начальником отдела заказов и сбыта Ижстальзавода Дегтяревым. На вопрос активистов: «Как он реализует речь товарища Сталина о стахановском движении?», он ответил: «Никак не реализую, так как считаю, что речь товарища

³⁵³ Комсомольское племя. 1935. № 162. С. 3.

³⁵⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599. Л. 29.

Сталина – это литература, а на практике, особенно в аппарате, это неприменимо»³⁵⁵.

Стоит заметить, что в качестве саботажа стахановского движения иногда расценивались действия, продиктованные объективными обстоятельствами. К примеру, в январе 1936 г. прораб квартала № 74 Мурашинского Зона распустил стахановскую бригаду лесорубов, что было воспринято участниками рейда «Легкой кавалерии» как враждебное действие в отношении стахановского движения. При этом сам предполагаемый саботажник сослался на то, что в леспромхозе не хватает лошадей для вывоза заготовленной древесины, а стахановцы при этом «все рубят и рубят»³⁵⁶.

Другой случай был выявлен бригадой «Легкой кавалерии» в заготовочном цехе Кожевенного комбината г. Сарапула. Начальник цеха Нагибин ввел «особый порядок» включения своих рабочих в стахановское движение: желающий стать стахановцем должен был подать ему соответствующее заявление и получить разрешение. В противном случае работник не считался стахановцем, независимо от уровня производительности труда. Так и произошло с работницей цеха Вятчаниной. В определенный момент она стала выполнять норму на 160 %, после чего подала Нагибину необходимое заявление. Однако тот отказал ей в праве называться стахановкой, мотивируя это тем, что процент брака у нее превышает допустимые нормы. За это начальник цеха был обвинен в «торможении стахановского движения» и уволен с работы³⁵⁷.

Сопrotивление стахановскому движению в отдельных случаях могло принимать форму заурядной клеветы в отношении стахановцев. Подобный случай произошел в начале 1936 г. в коллективе механизированного лесопункта села Можга. Одна из его сотрудниц незадолго до этого включилась в стахановское

³⁵⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45. Л. 42.

³⁵⁶ Комсомольское племя. 1936. № 8. С. 3.

³⁵⁷ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45. Л. 176.

движение и была премирована, после чего другие работницы стали активно распускать слухи об ее интимной связи с начальником лесопункта, чем якобы и объяснялись все ее успехи³⁵⁸.

Примечательно, что при поиске виновных в противодействии стахановскому движению учитывался такой фактор, как происхождение предполагаемых саботажников, на чем постоянно акцентировалось внимание в официальных документах и газетных сообщениях. Делалось это с целью придания антистахановским настроениям классового оттенка. К примеру, в Зуевском леспромхозе в декабре 1935 г. органами НКВД «был вскрыт» факт противодействия стахановской бригаде Князева со стороны «кулаков» Нахрина и Касимова, которые будто бы «открыто вели агитацию среди рабочих, направленную к срыву стахановского движения, призывая рабочих выходить из [стахановской] бригады...». Итогом этого стал арест «кулаков»³⁵⁹.

Другой характерный пример: в начале 1936 г. на Шубно-овчинном заводе г. Кирова, по обвинению в срыве стахановского движения путем травли стахановки Сорокиной, лишилась работы сотрудница предприятия Метелёва. В газетной публикации об этом случае подчеркивалось, что она была «дочерью служителя культа, обманным путем проникшей на завод»³⁶⁰.

Кроме того, начиная середины 1936 г., в Кировском регионе наметилась тенденция приравнивать противодействие стахановскому движению к осознанному вредительству. При этом уличенные в антистахановских настроениях работники местных предприятий автоматически попадали в когорту «троцкистско-зиновьевских и правых контрреволюционеров», от которых любой ценой следовало «очистить промышленность»³⁶¹. Эта политика достигла своего

³⁵⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 310. Л. 15.

³⁵⁹ Из записки УНКВД по Кировскому краю о фактах противодействия стахановскому движению (29 декабря 1935 г.) // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 4. 1935–1939. М., 2012. С. 195.

³⁶⁰ Кировская правда. 1936. № 8. С. 3.

³⁶¹ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 23. Л. 78.

апогея в период «большого террора» 1937–1938 гг., затем пошла на спад, однако полностью не исчезла из региональной жизни вплоть до конца рассматриваемого нами периода.

В отдельных случаях противники стахановского движения переходили от слов к конкретным действиям полукриминального характера. К примеру, упоминаемый выше передовик меховой фабрики «Белка» г. Слободского В. С. Баталов уже на третий день своей «стахановской работы» обнаружил в произведенной им продукции бракованные экземпляры, подброшенные намеренно. Виновные в этом так и не были установлены³⁶². Схожий случай был выявлен в ходе рейда «Легкой кавалерии» в пошивочном цеху того же предприятия. Активисты раскрыли целую «антистахановскую группу» из трех человек, возглавляемую «дочерью кулака» Пашиной. По версии комсомольских активистов, ее участницы «с целью тормоза и подрыва авторитета стахановки Каравасовой ломали иголки и подсовывали железо для того, чтобы вывести швейную машину из строя и снизить ей норму выработки»³⁶³. После упомянутых событий все виновные в этом были уволены с фабрики.

Мотивы рабочих, препятствовавших стахановцам в осуществлении трудовой деятельности, также были неоднородны. Парадоксально, но отдельные «саботажники» делали это с целью оказаться в рядах передовиков. Показательный случай произошел в январе 1936 г. в Ижевской артели «Металлист», где рабочий (к слову сказать – член ВЛКСМ) по фамилии Уланов украл у стахановца Болонкина четыре готовых детали, чтобы впоследствии приписать их себе и «выставить себя рекордистом»³⁶⁴.

Описанные выше случаи влекли самые неблагоприятные последствия для уличенных в антистахановских настроениях или действиях лиц. В лучшем случае

³⁶² ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599. Л. 56.

³⁶³ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45. Л. 76.

³⁶⁴ Там же. Л. 170.

они лишались работы, в худшем – могли быть привлечены к уголовной ответственности, так как партийные, хозяйственные и правоохранительные органы в большинстве конфликтов вокруг стахановского движения вставали на сторону передовиков.

Вместе с тем, в регионе были зафиксированы случаи, когда в роли жертв недоброжелателей или не до конца проясненных обстоятельств выступали стахановцы. К примеру, на лесозаводе № 1 в пригороде г. Кирова в конце 1936 г. на производстве погиб стахановец. Вскоре в этом обвинили начальника цеха Дьяконова, который якобы систематически игнорировал претензии рабочих относительно нарушений техники безопасности. Согласно свидетельствам очевидцев, на требования поставить ограждения он отвечал: «Когда убьет кого-нибудь, тогда поставлю», а после упомянутого трагического случая и вовсе заявил: «И пускай еще хоть десятки убьет»³⁶⁵. В итоге Дьяконов был арестован и предан суду. Из документов не ясно, был ли в его действиях злой умысел в отношении стахановцев или же эта трагедия стала следствием халатности.

Еще один резонансный случай, связанный со смертью стахановца, произошел на меховой фабрике «Белка» г. Слободского. Там в конце 1936 г. покончил жизнь самоубийством комсомолец и передовик Ф. А. Гагаринов. Он регулярно выполнял норму на 200 % и выше, являлся общественным активистом и рабкором заводской газеты. Впоследствии было установлено, что у него имелись недоброжелатели в лице коменданта общежития Панова и рабочего Шулепова. Поводом к конфликту послужил тот факт, что Ф. А. Гагаринов несколько раз публично критиковал их за «безобразное отношение к стахановцам». По версии комиссии обкома ВКП(б), расследовавшей факт смерти стахановца, упомянутые лица однажды избили его и самого при этом выставили зачинщиком драки. Они же инициировали разбирательство в связи с тем, что

³⁶⁵ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 23. Л. 79.

Ф. А. Гагаринов якобы потерял библиотечную книгу. Апогеем травли стахановца стало выселение его из общежития по решению Панова.

Все это привело к тому, что комсомолец «не нашел правильного выхода из ситуации» и повесился, оставив предсмертную записку, выразительно характеризующую душевное состояние и жизненные ориентиры этого, духовно сформировавшегося в условиях советского строя молодого человека: «Мне не жалко, что я скончался, не жалко того, что 11 лет я кормился, учился бесплатно, но жаль того, что не отслужил я свой долг перед Советской Родиной. Прощай, наш дорогой учитель Сталин! Я вас не видел никогда, но знаю, как вы относитесь к нам, детям, оставшимся без отцов и матерей в 1917 г.»

Решением Кировского обкома ВКП(б) от 15 декабря 1936 г. партком фабрики был распущен с формулировкой «за отрыв от рабочей массы и политическую близорукость». Были также наложены партийные взыскания на директора фабрики Воробьева и его заместителя Круглова, а начальник цеха Кузнецов и вовсе был уволен. Однако самая незавидная судьба ожидала коменданта общежития Панова, который был арестован и предан суду³⁶⁶.

Эта история получила неожиданное продолжение в следующем году. В начале 1937 г. еще один видный местный стахановец, рабочий Меховой фабрики «Белка» В. С. Баталов был приговорен судом к двум годам лишения свободы. По имеющимся источникам не удается установить, по какому конкретно обвинению был осужден передовик. Однако, судя по тому факту, что дело рассматривалось судебными органами, а приговор был относительно мягким для тех лет, логично предположить, что обвинения были бытового, а не политического характера.

Вскоре о данном факте стало известно в Кировском обкоме ВКП(б), где летом того же года прошло разбирательство по этому делу. В итоге Слободской райком ВКП(б), а также местные суд и прокуратура были обвинены в «издевательском отношении к стахановцам» и «политической недееспособности»,

³⁶⁶ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 23. Л. 88–89.

а приговор В. С. Баталову объявлен несправедливым. Для местных начальников это дело могло бы ограничиться выговорами, если бы не упомянутое выше дело стахановца Ф. А. Гагаринова, работавшего на том же предприятии, что и Баталов. Ссылаясь на свое постановление от 15 декабря 1936 г., обком ВКП(б) обвинил слободских руководителей в саботаже своих решений относительно стахановского движения и борьбы с «вредительством», вслед за чем последовала череда увольнений. Так, постановлением обкома ВКП(б) от 7 августа 1937 г. от занимаемой должности были освобождены первый секретарь Слободского райкома ВКП(б) А. Х. Столяр³⁶⁷, а также народный судья Вавилов (выносивший приговор В. С. Баталову) и районный прокурор Устюжанинов. Начальник местного НКВД Шуклин получил строгий выговор³⁶⁸.

Примерно в тот же период была отмечена еще одна «неестественная» смерть передовика: на Плотбищенском мехлесопункте Шурминского района скоропостижно скончалась стахановка Сухарева. Этот случай также расследовался комиссией обкома ВКП(б), которая пришла к выводу, что покойная была «отравлена враждебными элементами»³⁶⁹. Были ли установлены конкретные виновники этого, из документов не ясно.

Приведенные выше факты позволяют сформулировать ряд выводов. Во-первых, противниками стахановского движения в Кировском регионе в указанный период могли выступать занятые в местной индустрии работники с разными профессиями и положением в коллективе: инженеры, работники хозяйственного аппарата, начальники цехов, рядовые рабочие различных специальностей. Во-вторых, у антистахановских настроений на предприятиях Кировского края (Кировской области) был целый комплекс причин, из которых особенно выделяются следующие:

³⁶⁷ Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. С. 449.

³⁶⁸ Красный кожевник. 1937. № 33. С. 1.

³⁶⁹ ГАСПИ КО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 23. Л. 78.

- 1) Страх перед повышением норм и снижением зарплаты.
- 2) Неравенство материального положения и социального статуса, порождаемое стахановским движением.
- 3) Нежелание менять привычные методы работы.
- 4) Зависть в отношении передовиков.

Что касается проявлений подобных настроений, то они также могли быть различными: от словесных нападок до конкретных действий, направленных на дискредитацию передовиков. В исключительных случаях к стахановцам могло применяться насилие, однако такие попытки оперативно пресекались администрацией, партийными или иными контролирующими органами. Обвиненные в саботаже движения лица подвергались наказаниям разной степени тяжести, однако в большинстве случаев проследить их дальнейшую судьбу не удастся. Вместе с тем, тезис ряда исследователей об организованном сопротивлении стахановскому движению не подтверждается, поскольку все известные конфликты вокруг стахановцев на местных предприятиях носили частный и локальный характер.

Заключение

За годы НЭПа и первой пятилетки 1928–1932 гг., в условиях набравшего темп процесса форсированной индустриализации СССР, в советской промышленности накопился целый комплекс системных проблем, важнейшими из которых были:

- падение квалификации промышленных кадров вследствие ускоренной индустриализации и урбанизации;
- неэффективное использование созданного технического потенциала;
- отсутствие условий для полноценного стимулирования труда;
- экономическая и социальная пассивность значительной части промышленных рабочих, в немалой степени обусловленная особенностями сознания, присущего представителям традиционного общества.

Указанные проблемы оказались в центре внимания руководства СССР, проводимой им политики модернизации страны в годы второй пятилетки 1933–1937 гг. В этом контексте и стоит рассматривать возникшее в конце августа 1935 г. в Донбассе стахановское движение.

На первый взгляд, стахановское движение являлось лишь следующим этапом в развитии социалистического соревнования, поощряемого властями с конца 1920-х гг. Однако в сравнении с предшествующим ударничеством оно имело существенную особенность, поскольку развивалось на новой материально-технической базе, созданной в годы первой и создаваемой на этапе второй пятилетки, когда все более остро обозначалось противоречие между потенциальными возможностями внедряемой техники и определенной «заскорузлостью» организационных форм производственного процесса и мотивацией поведения его участников.

Соответственно, его можно рассматривать и как попытку преодоления указанного противоречия, углубления модернизационного процесса путем

возвращения на новой производственной базе к идеям движения за НОТ и рационализацию промышленного производства 1920-х гг. Вместе с тем, стахановское движение стало наглядной иллюстрацией смены вектора государственной экономической политики: от старого лозунга «Техника решает все!» к новому лозунгу «Кадры решают все!». Именно такими кадрами, в представлении высшего руководства страны, и призваны были стать «новые люди» – стахановцы.

По указанным причинам стахановское движение вскоре после своего зарождения получило поддержку «на самом верху», прежде всего, в лице наркома тяжелой промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе, который немало сделал для его становления и развития в сентябре-октябре 1935 г. В течение этих месяцев стахановское движение охватило все крупные промышленные районы страны: Донбасс, Урал, Москву, Ленинград, Горький, Ивановскую область и т. д. К концу октября волна стахановского движения достигла и периферийных в промышленном отношении регионов Советского Союза, в числе которых оказался и Кировский край.

Важной вехой государственной политики по поддержке стахановского движения, выводящей его на качественно новый уровень, стало проведение I Всесоюзного совещания стахановцев промышленности и транспорта (14–17 ноября 1935 г.), на котором присутствовали и выступали высшие советские руководители того времени: И. В. Сталин, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев и др. В их выступлениях прозвучала важная целевая установка: использовать движение для массового пересмотра норм выработки в соответствии с возросшими возможностями и потребностями индустрии. После проведения данного мероприятия стахановское движение начало приобретать действительно всесоюзный масштаб.

Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в декабре 1935 г., придал этой установке директивный характер для отраслей советской промышленности. Обоснованием

послужили достижения стахановцев, в разы перевыполнявших действующие «устаревшие» нормы. Весной 1936 г. при наркоматах прошли отраслевые конференции, определившие конкретные показатели повышения норм. Они оказались различными, но средний по всей промышленности показатель равнялся 30 %. Еще одно крупное повышение норм во всесоюзном масштабе имело место весной 1937 г. (в среднем на 15 %).

Именно после первого массового повышения норм начался спад стахановского движения и обесценивание самого понятия «стахановец». Происходило это на фоне нарастающей репрессивной политики центра в отношении «вредителей» и «саботажников» в промышленности, по причине которой директора предприятий вынуждены были и дальше создавать видимость количественного роста стахановского движения. В этих условиях происходило постепенное отождествление стахановского движения и ударничества. На практике это привело к тому, что к концу 1936 г. в отдельных отраслях до 50 % рабочих считались стахановцами, поскольку в их число записывался любой рабочий, перевыполнявший установленную норму. С этого момента и начался фактический закат стахановского движения при сохранении парадно-пропагандистской риторики в официальных документах и периодической печати.

В 1937–1938 гг. развитию собственно стахановского движения уделялось недостаточное внимание, однако оно активно использовалось в контексте проводимой политики «большого террора». В эти годы «саботаж» стахановского движения рассматривался в качестве одной из распространенных форм «вредительства» в промышленности. По обвинению в этом был репрессирован целый ряд производственных руководителей разных уровней.

Последний перед началом Великой Отечественной войны всплеск активности государства в отношении стахановского движения пришелся на 1939 г., когда появились новые его формы – многостаночничество и совмещение профессий. Однако эти формы движения не получили по-настоящему массового

распространения в довоенную эпоху и к июню 1941 г. стахановское движение окончательно сошло «на нет», сохранив при этом статус прочно вошедшей в официальный язык и массовый обиход идеологемы.

Вместе с тем, нельзя отрицать положительное значение стахановского движения для развития советской экономики. Оно вовлекло в свою орбиту миллионы рабочих, крестьян, инженеров и служащих, побудив их изменить отношение к труду и в полном объеме реализовывать свой физический, интеллектуальный и творческий потенциал. Не вызывает сомнения и то, что стахановское движение сыграло значительную роль в повышении производительности труда, в интенсификации промышленного производства и способствовало тем самым процессу модернизации СССР.

Кировский край на момент начала стахановского движения был периферийным в экономическом отношении регионом страны. Именно поэтому развитие движения на его территории началось с небольшим отставанием от ведущих промышленных центров Советского Союза. Первые упоминания об А. Г. Стаханове и его последователях в местной прессе относятся к началу сентября 1935 г. Месяц спустя в регионе выделилось несколько собственных стахановцев, таких как А. А. Лузянин, А. А. Бабин, А. И. Блинов, В. С. Баталов, И. И. Глотов, И. А. Трегубов и др. При этом явный центр развития стахановского движения в регионе не обозначился, однако лидировали районы концентрации промышленного производства – г. Киров и Удмуртская АССР.

Вместе с тем, до проведения I Всесоюзного совещания стахановцев уровень распространения движения в крае был минимальным. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что важнейшая для региона лесная отрасль практически не была охвачена стахановским движением. В других отраслях стахановское движение было представлено отдельными энтузиастами. К началу зимы того же года краевые власти, следуя указаниям Москвы, начали более активно развивать его. Своеобразным свидетельством смены вектора региональной политики стало

проведение 2 декабря 1935 г. I Краевого совещания стахановцев, собравшего 254 делегата из большинства районов.

Пик развития стахановского движения на территории Кировского региона пришелся на первые месяцы «стахановского» 1936 г., когда в крае состоялся комсомольский рейд «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения. За ним, как и в целом по стране, последовало массовое повышение норм выработки, после чего в развитии движения наступил спад. Некоторый всплеск активности пришелся на август 1936 г., когда отмечалась годовщина первого стахановского рекорда, но и он завершился в короткие сроки. Затем вплоть до весны 1938 г. о стахановском движении говорилось преимущественно в контексте поиска «вредителей», «саботажников» и «троцкистско-бухаринских агентов фашизма». Дополнительной локальной причиной спада стахановского движения являлся выход Удмуртской АССР из состава Кировского края, вместе с которой регион лишился таких крупных промышленных центров как Ижевск, Воткинск и Сарапул. Это сузило и без того не самую обширную базу для развития движения в Кировском регионе.

Собственно стахановское движение, в его изначальном смысле, вернулось в повестку дня экономической и политической жизни региона весной 1938 г. Свидетельством тому стало массовое проведение стахановских пятидневок, декад и месячников. В отдельных отраслях хозяйства их итоги были достаточно заметны (к примеру, на водном транспорте), однако общую тенденцию спада движения на территории Кировской области это не изменило.

В 1939–1941 гг. в промышленности Кировской области, как и целом по стране, начали распространяться многостаночничество и совмещение профессий. Однако масштаб явления ограничился бригадами на двух предприятиях г. Кирова и отдельными энтузиастами в других частях региона. Вместе с тем, в регионе до самого конца рассматриваемого периода наблюдался количественный рост стахановцев. На отдельных предприятиях их число официально достигало 80 % от

всех рабочих, однако в реальности данные показатели скорее отражали развитие социалистического соревнования в целом, а не стахановского движения как такового. Подобная ситуация сохранялась в регионе до начала Великой Отечественной войны.

Все вышеприведенные факты истории стахановского движения на территории Кировского края (Кировской области) позволяют сделать вывод о соответствии его этапов общесоюзным тенденциям. Специфика региона заключалась в его промышленной отсталости, следствием чего было запоздалое начало движения и отсутствие известных во всесоюзном масштабе ярких фигур. Вместе с тем, производительность труда в промышленности региона в указанные годы росла (по официальным данным, в среднем на 10 % за год). Есть основания считать, что в этом была определенная заслуга местных стахановцев, однако предметно вычленить их вклад в экономическое развитие региона источники не позволяют.

Рост производительности труда местных стахановцев, как и в других регионах страны, обеспечивался своеобразными методами организации труда и производства. На предприятиях Кировского региона в указанный период выделилось четыре основных вида таковых. Первый из них был связан с применением подсобной рабочей силы и углублением в разделении труда. В этом случае часть обязанностей передовиков передавалось подсобным рабочим, что позволяло первым тратить освободившееся время на основную операцию, тем самым улучшая конечный результат.

Второй вид методов заключался в «уплотнении» рабочего дня, т. е. в снижении непроизводительных затрат сил и рабочего времени. Другими словами, тщательная подготовка к смене также позволяла экономить рабочее время. Третий вид методов был непосредственно связан с рационализацией производства. Конкретный характер рационализаторской деятельности стахановцев зависел от отрасли, предприятия и специальности самого передовика.

В общем и целом суть этой деятельности сводилась к внесению в привычный производственный процесс коррективов, повышавших его эффективность. Последний вид стахановских методов на местных предприятиях был связан с интенсификацией живого труда. В этом ключе следует рассматривать многостаночничество и совмещение профессий. В целом стахановские методы позволили местным передовикам существенно повысить эффективность и производительность своего труда.

Еще одним важным аспектом стахановского движения в СССР и Кировском регионе было стимулирование труда стахановцев. Как свидетельствуют источники, руководителями местных предприятий и профсоюзными организациями использовался широкий спектр материальных и нематериальных стимулов, побуждавших рабочих участвовать в движении. К первым стоит отнести высокую зарплату, премии, расширенный доступ к жилью, более качественному питанию и досугу. Ко второму типу относились различные формы прославления стахановского труда, почетные награды и внимание со стороны партийного и хозяйственного руководства разных уровней.

Важнейшим побудителем для значительной части передовиков также являлся энтузиазм. Он был одной из специфических культурно-психологических черт стахановского типа личности. Другими его особенностями были коллективизм, имевший глубокие исторические корни в русской ментальности, настойчивость в достижении целей, состязательность и тяга к самосовершенствованию. Вместе с тем, у некоторых участников стахановского движения наблюдалась серьезная отрицательная черта – «звездная болезнь», корни которой скрывались в описанных выше привилегиях. В общем и целом можно утверждать, что советский стахановец второй половины 1930-х гг. был органично вписан в созданную к тому времени в СССР социально-экономическую, политическую и культурную среду.

Вместе с тем, далеко не все работники отечественной индустрии восприняли стахановское движение с восторгом. Об этом говорит тот факт, что на советских предприятиях того периода наблюдался феномен антистахановских настроений. Прослеживался он и на территории Кировского региона. В рабочей среде основными причинами антистахановских настроений являлись страх перед повышением норм, нежелание менять привычный ход производственного процесса и зависть к успехам передовиков, перераставшая порою в личную неприязнь и вражду. Данные настроения имели широкий диапазон проявлений: от словесных нападок до физического насилия в отношении стахановцев. Вместе с тем, тезис ряда советских и современных авторов об организованном сопротивлении стахановскому движению не подтверждается на региональном материале, поскольку все известные конфликты вокруг стахановцев на предприятиях региона носили частный и локальный характер.

Массовость стахановского движения объяснялась органичным сочетанием в нем интересов государства, общества и передовых промышленных кадров. При этом насущной задачей государства было повышение производительности труда во имя преодоления отсталости от развитых капиталистических стран, что являлось вопросом выживания советской системы в условиях грядущей мировой войны. Что касается самих передовиков, то их мотивы участия в стахановском движении были неоднородны, но далеко не последнюю роль в них играли материальные, экономические стимулы. Массовое повышение норм, проведенное весной 1936 г., нарушило гармонию общественных и личных интересов в стахановском движении, что привело к его закату и постепенному превращению в формальность.

Еще одной причиной постепенного заката движения стало противоречие между командно-административным характером советской экономической системы и личной инициативой стахановцев. Вследствие объективных ограничений планового характера на поставки сырья, материалов, топлива и т. д.

администрации предприятий не всегда могли оказать поддержку стахановцам, идущим на значительное перевыполнение планов, что приводило к противоречию между централизованным характером планирования, управления и распределения ресурсов в отечественной индустрии и личной инициативой передовых работников. Указанное усугублялось «зажатостью» производственных руководителей между объективными ограничениями и установкой Москвы на развитие стахановского движения.

При этом даже с учетом небольшого периода расцвета стахановское движение сыграло положительную роль в решении обозначенных выше проблем советской промышленности. Главная историческая заслуга стахановского движения состояла в том, что оно помогло совершить прорыв в деле повышения производительности труда, позволило хотя бы частично устранить диспропорции между старыми нормами и новой материально-технической базой производства, пусть даже ценой повышения трудовой нагрузки на основную массу рабочих.

В феномене стахановского движения также ярко проявилась проблема разноуровневых интересов. Количественный «скачок» в развитии промышленного производства страны, безусловно, должен был сопровождаться аналогичным «скачком» в качественных показателях индустрии, важнейшим из которых являлась производительность труда. Ее рост был в интересах всего советского общества, а в контексте растущей угрозы мировой войны тем более приобретал жизненно важное значение с точки зрения укрепления обороноспособности СССР.

Но на индивидуальном уровне общее повышение производительности труда реализовывалось через увеличение норм выработки (с ориентацией на достижения стахановцев) для всех работников предприятия, а то и отрасли промышленности в целом. Так рождался конфликт между индивидуальным интересом стахановца, в принципе совпадавшим с общенародными историческими задачами, и интересами не вовлеченных в движение членов

трудового коллектива. За пределами движения его далеко не всегда удавалось снять или хотя бы смягчить соответствующей государственной разъяснительной, пропагандистской работой, результатом чего и становились антистахановские настроения в рабочей среде, а в отдельных случаях – в среде ИТР и администрации. Ситуация дополнительно усложнялась объективно возникавшим ментальным противоречием между коллективистской идеологией создаваемого социалистического общества и ориентацией участников стахановского движения на достижение индивидуального успеха и материального благосостояния.

Стахановское движение можно рассматривать и как одно из направлений модернизации сознания широких слоев индустриальных рабочих. Необходимость этого обозначилась на фоне массового притока в промышленность выходцев из крестьян, мировосприятие которых во многом строилось на базе традиционной русской ментальности. Отдельные ее черты, такие как коллективизм и психология «общего дела», вполне соответствовали идеологии и политике правящей партии, однако другие черты (безынициативность, неприятие перемен, легкомысленное отношение к рабочему времени, эгалитаризм) явно вступали в конфликт с «генеральной линией» на модернизацию страны.

Именно поэтому среди участников движения культивировались дисциплинированность, ответственность, поминутное планирование работы, творческий подход к делу, желание и умение учиться, а также передавать опыт другим. В этом смысле стахановцев можно считать образцово-показательными представителями активно создаваемого в СССР 1930-х гг. индустриального общества советского типа, обладающими целым набором необходимых качеств. Основными из них были умение ценить время, а также самостоятельность мышления, пусть и в заданных «сверху» рамках. Еще одной необходимой чертой стахановцев было самоуважение, основывавшееся на осознании своего статуса коллективного «хозяина страны» (по крайней мере, в теории) и высокого уровня профессиональных качеств. Именно такой пролетарий был нужен сталинскому

руководству для успешного экономического соревнования с развитыми капиталистическими странами.

Таким образом, главными итогами стахановского движения в исторической ретроспективе стали существенный прогресс в деле повышения производительности труда и формирование в СССР «человека индустриальной эпохи», не боявшегося проявлять инициативу и умевшего грамотно распорядиться отведенным временем и ресурсами. И то, и другое способствовало частичному преодолению негативных аспектов командно-административной экономики, связанных с ограниченным уровнем мотивации большинства ее участников, и успешному осуществлению советского модернизационного проекта.

Список источников и литературы

Архивные материалы:

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО):

- Ф. 495 (Кировский краевой Совет профессиональных союзов). Оп. 1. Д. 12, 39;
- Ф. 847 (Завод «Кировский металлист»). Оп. 1. Д. 193; Оп. 3. Д. 24, 26;
- Ф. 1414 (Комбинат учебно-технического школьного оборудования г. Кирова). Оп. 1. Д. 138, 247; Оп. 2. Д. 86а.; Оп. 9. Д. 29, 56;
- Ф. 2916 (Государственный трест «Кирлес»). Оп. 3. Д. 10;
- Ф. 2169 (Кировский облисполком). Оп. 1. Д. 121.; Оп. 2. Д. 1.

2. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО):

- Ф. 1255 (Кировский краевой комитет ВКП(б)). Оп. 1. Д. 3, 45, 174, 193, 596, 598, 599, 600, 637; Оп. 2. Д. 8, 23, 288, 306, 307, 310;
- Ф. 1290 (Кировский областной комитет КПСС). Оп. 1. Д. 33, 34, 201, 241, 254; Оп. 2. Д. 24, 285, 287, 290, 299, 342; Оп. 3. Д. 3.; Оп. 4. Д. 3, 43, 117, 181; Оп. 6. Д. 3, 223, 254; Оп. 17. Д. 3040;
- Ф. 1293 (Кировский городской комитет КПСС). Оп. 2. Д. 16, 35, 47, 48, 115, 146, 149;
- Ф. 1682 (Кировский областной комитет ВЛКСМ). Оп. 1. Д. 95;
- Ф. 1955 (Кировский краевой комитет ВЛКСМ). Оп. 1. Д. 26, 45; Оп. 2. Д. 23, 310; Оп. 4. Д. 3; Оп. 6. Д. 19;
- Ф. 6700 (Кировский областной Совет профессиональных союзов). Оп. 4. Д. 3;

- Ф. 6819 (Отдел коммунального хозяйства Кировского облисполкома). Оп. 2. Д. 18а;
- Ф. 6833 (Кожевенный комбинат им. Коминтерна г. Кирова). Оп. 6. Д. 19; Оп. 8. Д. 32;
- Ф. 6887 (Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства). Оп. 2. Д. 26, 35;
- Ф. 6897 (Управление местной промышленности Кировского облисполкома). Оп. 1. Д. 101.

3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ):

- Ф. 7297 (Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР). Оп. 27. Д. 21;
- Ф. 7604 (Народный комиссариат легкой промышленности СССР). Оп. 8. Д. 26, 27, 32, 44;
- Ф. 8543 (Народный комиссариат пищевой промышленности СССР). Оп. 5. Д. 10.

Материалы периодической печати:

1. «За индустриализацию» (газета наркомата тяжелой промышленности СССР):

- 1935. № 227, 228, 235, 239, 242, 263, 268;
- 1936. № 6.

2. «Искожевец» (многотиражная газета комбината «Искож»):

- 1938. № 8;
- 1940. № 16.

3. «Кировская правда» (газета Кировского обкома ВКП(б)):

- 1935. № 208, 225, 234, 236, 239, 241, 243;
- 1936. № 8, 9, 18, 68, 80;
- 1937. № 7, 109, 208.

4. «Комсомольское племя» (газета Кировского обкома ВЛКСМ):

- 1935. № 151, 160, 162, 163, 164, 166;
- 1936. № 4, 6, 8, 80, 98, 106;
- 1938. № 30, 122;
- 1939. № 81, 143, 146, 162, 163, 165, 179.

5. «Красный кожевник» (многотиражная газета Кожевенного комбината им. В. И. Ленина):

- 1935. № 40, 44;
- 1937. № 2, 17, 29, 33, 47.

6. «Правда» (всесоюзная газета Центрального Комитета ВКП(б)):

- 1935. № 242, 266, 275, 280, 283;
- 1936. № 239;
- 1937. № 239;
- 1938. № 239.

7. «Стахановец» (всесоюзный массовый журнал):

- 1937. № 5, 7, 8.

8. «Стахановец лесной промышленности» (всесоюзный массовый журнал):

- 1938. № 8;
- 1939. № 2, 4.

Опубликованные источники:

1. Ааронов Я. М. Стахановцы рыбной промышленности. – М., Л.: [б. и.], 1935. – 54 с.
2. Административно-территориальное деление Вятской губернии – Кировской области. 1917–2009 гг. Справочник. – Киров: изд-во ООО «Лобань», 2011. – 634 с.
3. Андреев А. А. Стахановское движение и наши задачи: Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 24 дек. 1935 г. – М.: Партиздат, 1936. – 30 с.
4. Ангелина П. Н. Люди колхозных полей. – М.: Профиздат, 1948. – 156 с.
5. Взгляд сквозь годы: Записки стахановцев. – М.: Современник, 1984. – 544 с.
6. Бергавинов С. А. Стахановское движение в Арктике и наши задачи: Доклад на совещании 16 янв. 1936 г. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. – 32 с.
7. Ворошилов К. Е. За мощное стахановское движение в стране и Красной армии: речь 17 нояб. 1935 г. – М.: Партиздат, 1935. – 22 с.
8. Десятый съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет (11–21 апреля 1936 г.). Т.1. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 551 с.
9. Знатные люди Кировской области о своей работе. – Киров: Кировское областное изд-во, 1940. – 64 с.
10. Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Документы и материалы. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 656 с.
11. Индустриализация СССР. 1938–1941 гг. Документы и материалы. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – 422 с.
12. Каганович М. М. Стахановское движение и задачи командиров тяжелой промышленности: Речь на Совещании хозяйственников, ИТР и рабочих-стахановцев Ленинграда, 6/ХП 1935 г. – М.: Онти. Сектор ведомственной лит-ры, 1935. – 44 с.

13. Карта административных районов Кировского края. – Киров: Издательство Кировского крайземуправления, 1935. – 1 с.
14. Кировский край в цифрах. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – 312 с.
15. Кировский край между I и II чрезвычайными съездами советов. – Киров: изд-во КрайУНХУ, 1936. – 164 с.
16. Кировская область. Административно-территориальное деление (на 1 июня 1978 года). – Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. – 424 с.
17. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: ОГИЗ, 1937. – 323 с.
18. Коротченков Н. И. Кожевники-стахановцы Ленинграда. – М., Л.: Гизлегпром, 1935. – 52 с.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.6. 1933–1937. – М.: Изд-во политической литературы, 1985.
20. Косарев А. В. О задачах комсомола в стахановском движении: Речь на совещании молодых стахановцев в ЦК ВЛКСМ 7 января 1938 г. – М.: Изд. и ф-ка юнош. книги изд-ва «Молодая гвардия», 1938. – 23 с.
21. Косиор С. В. О стахановском движении: Речь на Киевском общегородском слете стахановцев промышленности и транспорта 22 ноября 1935 г. – Киев: Партиздат, 1935. – 14 с.
22. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – 600 с.
23. Мазай М. Н. Записки сталевара. М.: Соцэкгиз, 1940. – 158 с.
24. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. – 1994. № 1. – С. 12–28.
25. Микоян А. И. Вопросы пищевой промышленности в связи со стахановским движением: доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 22 дек. 1935 г. – М., Л.: Партиздат, 1936. – 30 с.

26. Молотов В. М. О стахановском движении и культурности рабочего класса. М.: Партиздат, 1935. – 22 с.
27. Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи. 1918–1937. – М.: ОГИЗ, 1945. – 475 с.
28. Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи в 2-х томах. Т. 2. – М.: Политиздат, 1957. – 837 с.
29. Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14–17 ноября 1935. Стенографический отчет. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 482 с.
30. Первые стахановцы нашего края. – Саратов: Саратов. гос. изд-во, 1936. – 97 с.
31. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. – Киров: изд-во ООО «Лобань», 2009. – 730 с.
32. Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. – Киров: Изд-во «Кировской правды», 1936. – 95 с.
33. Районы Кировской области. – Киров: Областное издательство, 1937. – 151 с.
34. Расчистить путь стахановскому движению! О всесоюзном рейде «Легкой кавалерии» в помощь стахановскому движению. – Киров: Изд-во «Кировской правды», 1936. – 2 с.
35. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935–1939. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 983 с.
36. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 667 с.
37. СССР в цифрах. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. – 316 с.
38. Сталин И. В. Избранные сочинения. Т.2. – М.: Изд-во газеты «Патриот», 2000. – 480 с.

39. Стаханов А. Г. Жизнь шахтерская. – Киев: Политиздат Украины, 1986. – 200 с.
40. Стаханов А. Г. Рассказ о моей жизни. – М.: ОГИЗ, 1938. – 190 с.
41. Стахановское движение и изобретательство. Материалы V расширенного пленума Центр. совета Всес. о-ва изобретателей. – М.: Центр. совет Всес. о-ва изобретателей, 1936. – 110 с.
42. Стахановцы Ижстальзавода. – Ижевск: УДГИЗ, 1935. – 124 с.
43. Хрестоматия по истории Кировской области. – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1982. – 192 с.
44. Шверник Н. М. Стахановское движение и задачи профессиональных союзов: Доклад на собрании членов ВЦСПС, ЦК союзов, МОСПС и Моск. профактива совместно со стахановцами 18 ноября 1935 г. – М.: Профиздат, 1935. – 31 с.

Научные и публицистические труды:

1. Аксенов Л. П. Стахановское движение в легкой промышленности. – М.: Легпромбытиздат, 1985. – 190 с.
2. Арнаутов Н. Б. Идеология «стахановского движения» в советской политической пропаганде (по материалам центральной периодической печати) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов III региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск: изд-во ФГБУН Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2009. – С. 223–230.
3. Бакулин В. И. Историческая концепция Б.Н. Миронова как предмет научной дискуссии // Вопросы истории. – 2017. № 2. – С. 126–137.
4. Бакулин В. И. На пути интенсификации производства (из опыта 20-х годов). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1992. – 165 с.

5. Бакулин В. И. НОТ в социально-экономической политике Советского государства, 1917–1929 гг.: Дисс. д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 1992. – 488 с.
6. Бакулин В. И. Проблемы научной организации труда в СССР (20-е годы) // Рабочий класс и современный мир. – 1989. № 3. – С. 185–193.
7. Бакулин В. И. Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сборник научных статей. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 203 с.
8. Бенцман Б. Л. Стахановское движение и снижение себестоимости на производственной операции / Б.Л. Бенцман, Б.Е. Лурье. – Саратов: Саратовское областное государственное издательство, 1952. – 103 с.
9. Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). – М.: Изд-во «Аграф», 2001. – 432 с.
10. Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. – М.: Международные отношения, 1994. – 632 с.
11. Бубликов А. А. Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника. – М.: Кучково поле, 2016. – 224 с.
12. Буланже Н. П. Стахановское движение и резервы производительности металлорежущего оборудования. – М.: Тип. изд-ва «Московский рабочий», 1938. – 147 с.
13. В помощь стахановскому движению в золотой промышленности: Сборник статей. – М., Л.: ОНТИ. Глав. ред. лит-ры по цветной металлургии, 1938. – 104 с.
14. Вайнштейн А. С. Вопросы стахановского движения в ленинградской промышленности. – Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отделение, 1937. – 157 с.

15. Васильев П. В. Элементы стахановских методов работы и организации труда в промышленных предприятиях // Труды лесотехнической академии им. С.М. Кирова. – 1936. № 45. – С. 5–47.
16. Васин П. В. Стахановское движение в Тульской области в 1930-е гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. № 7. – С. 67–69.
17. Вдовин З. И. Деятельность кировской краевой партийной организации по руководству народным хозяйством и культурным строительством в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Москва, 1972. – 23 с.
18. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Директ-Медия, 2016. – 178 с.
19. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. – М.: Весь мир, 2003. – 544 с.
20. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010. – 447 с.
21. Войтович В. Ю. Зарождение стахановского движения – путь к социально-экономическому развитию России (на материалах Удмуртии) // Научное обозрение. Экономические науки. – 2017. № 1. – С. 13–19.
22. Войтович В. Ю. Стахановское движение – путь в светлое будущее России (1936–1937 гг.) (на материалах Удмуртии) // Научное обозрение. Экономические науки. – 2017. № 1.– С. 20–26.
23. Гасанов Р. М. Стахановское движение в Дагестане. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1975. – 24 с.
24. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. – М.: Изд-во «Экономика», 1972. – 478 с.

25. Геллер М. Я. Утопия у власти / М.Я. Геллер, А.М. Некрич. – М.: Издательство «МИК», 2000. – 856 с.
26. Генделев Л. М. Стахановские методы в спичечной промышленности. – М.: Гослестехиздат, 1935. – 44 с.
27. Гершберг С. Р. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности. – М.: Политическая литература, 1956. – 220 с.
28. Гинзбург М. Г. Стахановское движение и переход к коммунизму. – Л.: [б. и.], 1940. – 8 с.
29. Гольдгамер А. И. Стахановские школы. – М.: Профиздат, 1940. – 48 с.
30. Гордон Л. А. Что это было?: размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-е – 40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М.: Политиздат, 1989. – 318 с.
31. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 400 с.
32. Губкин И. М. Геолого-разведочная служба СССР и стахановское движение. – Л.: Онти. Глав. ред. геол.-развед. и геодезич. лит-ры, 1936. – 116 с.
33. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Delibri, 2015. – 768 с.
34. Два века в пути. История фабрики «Красный курсант». – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1985. – 176 с.
35. Домбровский А. А. Стахановское движение в прачечных. – М.: изд. и тип. Профиздата, 1937. – 63 с.
36. Домрачев В. А. Орденоносный комбинат имени Коминтерна. – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1982. – 192 с.
37. Дробижев В. З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1961. – 412 с.

38. Дубовцев В. А. Модернизация: история нашего времени. Экономические и общественно-политические процессы в ходе советской модернизации и либеральных реформ. – Киров: Изд-во ООО «Веси», 2015. – 498 с.
39. Дэвис Р. У. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 годы / Р. У. Дэвис, О. В. Хлевнюк // Отечественная история. – 1999. № 5. – С. 87–108.
40. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
41. Евгеньев Е. Я. За стахановскую работу водного транспорта. – М.: Газ. «Водный транспорт», 1936. – 68 с.
42. Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. – М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. – 372 с.
43. Ефремов В. С. Новое в стахановском движении: Опыт Кировского завода. – Л.: Лениздат, 1940. – 77 с.
44. Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчик. Возвращение из СССР. – М.: Московский рабочий, 1990. – 640 с.
45. Игнатова Н. М. Феномен ударного и стахановского труда спецпереселенцев // Вопросы истории. – 2017. № 3. – С. 129–138.
46. Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 415 с.
47. Ипполитов В. А. Рейд «Легкой кавалерии» комсомола в 1934–1935 гг. как форма развития общественной активности молодежи // Социодинамика. – 2015. № 11. – С. 123–138.
48. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М.: Изд-во политической литературы, 1938. – 352 с.

49. История советского рабочего класса. Т.2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества (1921–1937 гг.). – М.: Политическая литература, 1984. – 512 с.
50. История социалистической экономики СССР в семи томах. Т. 4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 512 с.
51. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – Харьков, Белгород: ООО «Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», 2007. – 640 с.
52. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. – М.: Институт русской цивилизации; Издательский дом «Кислород», 2016. – 416 с.
53. Ключкин В. И. «Коммуны будущей творцы»: Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. – Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, Кировское отделение, 1971. – 360 с.
54. Козлов В. А. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов / В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. – М.: Изд-во политической литературы, 1988. – 252 с.
55. Козлов В. А. Стахановское движение: время и люди / В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
56. Комсомол в стахановском движении. – М.: Мол. гвардия, 1936. – 307 с.
57. Константинов Д. В. Стахановское движение в полиграфии. М., Л.: Гизлегпром, 1940. – 28 с.
58. Кравченко А. И. Социология труда в XX веке. Историко-критический очерк. – М.: Изд-во «Наука», 1987. – 180 с.
59. Красильщиков В. А. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. № 3. – С. 112–116.

60. Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. – М.: Наука, 1997. – 303 с.
61. Кузьминов И. И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. – М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. – 220 с.
62. Куцовский Ф. В. Стахановское движение на ЗИС. – Л.: Онти. Глав. ред. литературы по машиностроению и металлообработке, 1936. – 67 с.
63. Лангфанг А. И. Стахановское движение в гражданской авиации. – М.: Профиздат, 1936. – 46 с.
64. Лельчук В. С. Индустриализация в СССР: история, опыт, проблемы. – М.: Политиздат, 1984. – 304 с.
65. Малышев В. А. Советский инженер в стахановском движении. – М.: Московский рабочий, 1938. – 24 с.
66. Мику Н. В. Стахановское движение в Пензенской области в 1930-е гг. / Н. В. Мику, А. С. Давыдов // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2017. № 1. – С. 63–68.
67. Миргородова Ю. М. Труд стахановцев на предприятиях свеклосахарной промышленности Курской области в годы 2 пятилетки (1933–1937 гг.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. № 3(1). – С. 47–53.
68. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – 583 с.
69. Могучее движение советского народа: о стахановских методах работы. – М., Куйбышев: Куйбышев. краев. изд-во, 1935. – 126 с.
70. Москатов П. Г. Стахановское движение – движение масс. – М.: Изд. и тип Профиздата, 1938. – 72 с.

71. Наумов Л. А. Критика англо-американской буржуазной историографии деятельности Коммунистической партии по руководству стахановским движением в промышленности (1935–1941 гг.): Дис. канд. исторических наук. – М., 1985. – 203 с.
72. Овсянникова М. Д. Женщина в стахановском движении. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 90 с.
73. Омутнинский металлургический завод: Краеведческие очерки. – Киров: ООО «ОРМА», 2010. – 304 с.
74. Организация труда в стахановском движении: Сборник ЦИТ. – М., Л.: Гос. изд-во по стандартизации, 1936. – 207 с.
75. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 271 с.
76. Очерки истории Кировской области. – Киров: Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства, 1972. – 455 с.
77. Очерки истории Кировской организации КПСС. Часть вторая. 1918–1968. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1969. – 531 с.
78. Побережников И. В. Экономическая модернизация: обзор теоретико-методологических подходов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. № 2. – С. 37–40.
79. Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 367 с.
80. Пухаев К. П. Стахановское движение и ударничество в Юго-Осетии: (очерк истории). – Цхинвали: Ирыстон, 1988. – 98 с.
81. Рабочий класс Удмуртии: Научно-популярный исторический очерк. – Ижевск: «Удмуртия», 1987. – 308 с.

82. Развитие советской экономики. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 665 с.
83. Раздобреев В. И. Стахановское движение и высшая школа. – Полтава: [б.и.], 1936. – 13 с.
84. Роговин В. З. Сталинский неонэп. – М.: [б.и.], 1995. – 382 с.
85. Родионов Н. А. Стахановское движение в промышленности и на транспорте Удмуртии (1935 – июнь 1941 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985. Сборник статей. – Устинов: Республиканская типография Государственного Комитета Удмуртской АССР, 1986. – С. 40–59.
86. Рубинштейн М. И. Новые формы стахановского движения: Лекция, читанная на Отделении экономики и права Академии наук СССР. – М.: Госполитиздат, 1940. – 40 с.
87. Рябикин С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935–1938 гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 1997. №2. – С. 196–206.
88. Салфетников Д. А. Процессы рационализации и проблемы стахановского движения на Кубани в 30-е годы // Власть. – 2011. № 11. – С. 117–119.
89. Саркисов С. Стахановское движение на шахтах Донбасса. – Киев: Партиздат, 1936. – 122 с.
90. Сахаров В. А. Зарождение и развитие стахановского движения: (На материалах автотракт. пром-ти). – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 121 с.
91. Селицкий В. Начало стахановского движения в Ленинграде // Вопросы истории. – 1951. № 11. – С. 28–56.
92. Серкин С. П. История возникновения и развития слободской меховой фабрики «Белка» (1893–1993). – Киров: Изд-во ООО «Веси», 2014. – 268 с.

93. Серкин С. П. Путь сквозь столетия: История возникновения и развития вахрушевского кожевенно-обувного производства. Судьба заводладельцев Вахрушевых и их потомков. – Киров: [б.и.], 2013. – 224 с.
94. Соколов А. К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории РАН. – 2010. № 9. – С. 174–224.
95. Сомс К. П. Стахановское движение в зерносовхозах. – Орехов: [б.и.], 1936. – 14 с.
96. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.
97. Стахановское движение в анилиноокрасочной промышленности. — М.: Онти. Глав. ред. хим. лит-ры, 1936. – 51 с.
98. Стахановское движение в станкостроительной промышленности: Сборник Главстанкоинструмента НКТП и ЦК Союза рабочих станкостроительной пром-сти. – М.: Онти, Сектор ведомственной лит-ры, 1935. – 70 с.
99. Стахановское движение в торговле. – М.: Сов. торговля, 1936. – 185 с.
100. Стахановское движение и задачи профсоюзов. – Ростов-на-Дону: Аз.-Чер. крайсовпроф, 1935. – 12 с.
101. Стахановское движение и изобретательство. Материалы V расширенного пленума Центр. совета Всес. о-ва изобретателей. – М.: Центр. совет Всес. о-ва изобретателей, 1936. – 110 с.
102. Стахановское движение и производительность труда. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 85 с.
103. Стахановцы-кривоносовцы железных дорог о методах своей работы. – Изд-во и тип. газ. «Гудок», 1935. – 145 с.
104. Суслов А. Б. Саботажник стахановского движения как «враг народа» / А. Б. Суслов, И. С. Шилова // Исторические, философские, политические

- и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. № 10-2. – С. 184–187.
105. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Изд. группа «Прогресс. Культура», 1995. – 479 с.
106. Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет. М.: «Книга по требованию», 2012. – 172 с.
107. Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2006. – 430 с.
108. Фадеев Л. А. Ударничество и стахановское движение на предприятиях машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток // Исторический журнал: научные исследования. – № 2 (14). 2013. – С. 213–218.
109. Федорова З. Т. Молодежь в стахановском движении. – М.: Изд-во и тип. «Московский рабочий», 1938. – 24 с.
110. Федорова С. И. Стахановцы 30-х гг. – герои или жертвы административно-командной системы? / С. И. Федорова, Л. А. Саламатина // Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения. Материалы VIII международной научно-практической конференции. Часть II. – Ульяновск: Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия имени П. А. Столыпина, 2017. – С. 260–267.
111. Федотова В. Г. Модернизация: переосмысливая теорию и практику // Социологический ежегодник. – 2010. – С. 63.
112. Фельдман М. А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. – 2015. № 8. – С. 6–16.
113. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М.: Российская политическая энциклопедия

- (РОССПЭН); фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
114. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
115. Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941 гг. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1994. – 144 с.
116. Цветкова С. Г. Стахановское движение рабочих промышленности Среднего Поволжья. 1935 – июнь 1941 гг.: (На материалах партийных организаций): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Куйбышев, 1990. – 16 с.
117. Чемоданов И. В. Стахановское движение в сельском хозяйстве Кировского региона во второй половине 1930-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. № 10. – С. 25–31.
118. Чжун вэ Чжо. Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935–1936 гг. // Вопросы истории. – 2014. № 12. – С. 51–69.
119. Чхартишвили С. Д. Развитие стахановского движения в Грузии. – Тбилиси: Сабгота Сакартвело, 1985. – 202 с.
120. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
121. Щупов И. Г. Стахановское движение ивановских текстильщиков: (Ист.-экон. очерк). – Иваново: Облгиз, 1951. – 116 с.
122. Энциклопедия земли Вятской. Том 4. История. – Киров: Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Вятка», 1995. – 525 с.
123. Энциклопедия земли Вятской. Том десятый. Книга вторая. Промышленность. Энергетика. Строительство. Транспорт. – Киров: О-Краткое, 2008. – 560 с.
124. Friedrich G. Miss U.S.S.R.: The Story of a Girl Stakhanovite. – New York: International Publishers, 1936. – 64 p.

125. Maier R. Die Stachanov – Bewegung. 1935–1938. Der Stachanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. – Stuttgart, 1990. – 441 s.
126. Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 325 p.
127. Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. – New Haven: Yale University Press, 1996. – 325 p.
128. Thurston R. The Stakhanovite Movement: Background to the Great Terror in the Factories // Stalinist Terror: New Perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 143–160.

Список сокращений

Автозавод – автомобильный завод
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВРП – Вятское речное пароходство
ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
Госплан – Государственный плановый комитет
Донбасс – Донецкий угольный бассейн
Завком – заводской профсоюзный комитет
Ижстальзавод – Ижевский сталелитейный завод
Искож – комбинат искусственных кож
ИТР – инженерно-технический работник
Колхоз – коллективное хозяйство
Коминтерн – Коммунистический интернационал
Крайисполком – краевой исполнительный комитет
Крайком – краевой комитет
Крайместпром – управление местной промышленности крайисполкома
Крайсовпроф – краевой совет профессиональных союзов
КП(б)У – Коммунистическая партия большевиков Украины
КУТШО – комбинат учебно-технического школьного оборудования
Ликбез – государственная программа ликвидации безграмотности
ЛПХ (леспромхоз) – лесопромышленное хозяйство
Машстройзавод – машиностроительный завод
Мехлесопункт – механизированный пункт по добыче леса
МТС – машинно-тракторная станция

Нарком – народный комиссар
НКВД – народный комиссариат внутренних дел
НКТП (наркомтяжпром) – народный комиссариат тяжелой промышленности
НОТ – научная организация труда
НЭП – Новая экономическая политика
Обком – областной комитет
Облисполком – областной исполнительный комитет
Облместпром – управление местной промышленности облисполкома
Политбюро – Политическое бюро ЦК ВКП(б)
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМИ – средства массовой информации
СНК – Совет народных комиссаров
Совхоз – советское хозяйство
Союзутиль – Всесоюзное объединение по заготовке и обработке утильсырья
ТЖ – Трест «Жиркость»
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗК (фабзавком) – фабрично-заводской комитет профсоюзной организации
ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества
ЦК – Центральный комитет
ЦУНХУ – Центральное управление народно-хозяйственного учета
ШОЗ – шубно-овчинный завод

Приложения

Приложение 1

(к с. 57)

Динамика численности стахановцев на 17 крупнейших предприятиях

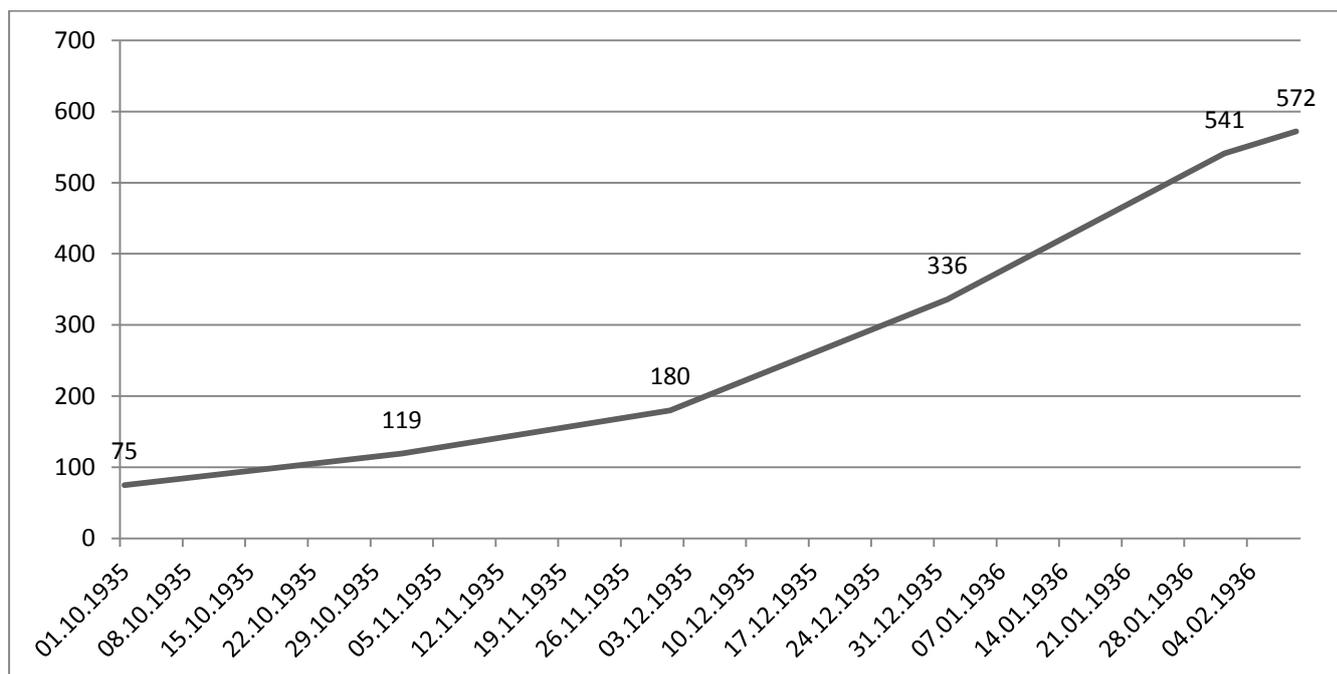
г. Кирова и Кировского района в январе-апреле 1937 г.

(в абсолютных показателях и %):

	На 01.01.1937		На 01.04.1937	
	Численность стахановцев	В % к общему числу рабочих	Численность стахановцев	В % к общему числу рабочих
Машстройзавод	740	42,8	774	43,2
«Кировский Металлист»	184	64,3	205	70
КУТШО	1494	36,6	1586	37,8
Мясокомбинат	214	42,8	273	61,1
Спиртзавод	77	47,2	88	70
«Искож»	643	43,6	617	41,2
Кирпичный завод	35	15,5	32	19,2
Хромовый завод	231	46,4	246	50,4
Спичечная фабрика	543	58,1	500	52,4
Комбинат им. Коминтерна	910	50	1107	53,7
Фабрика «Красный труд»	109	19,6	59	11,4
Типография	86	41,8	80	40
Мастерская обуви	49	27,6	53	23
Лесозавод № 1	344	69	350	79,4
Лесозавод № 2	60	18,3	32	24,9
Госмельница	15	7,8	29	48,3
Пивзавод	70	51,8	67	45
Итого:	5804	40,2	6069	47,9

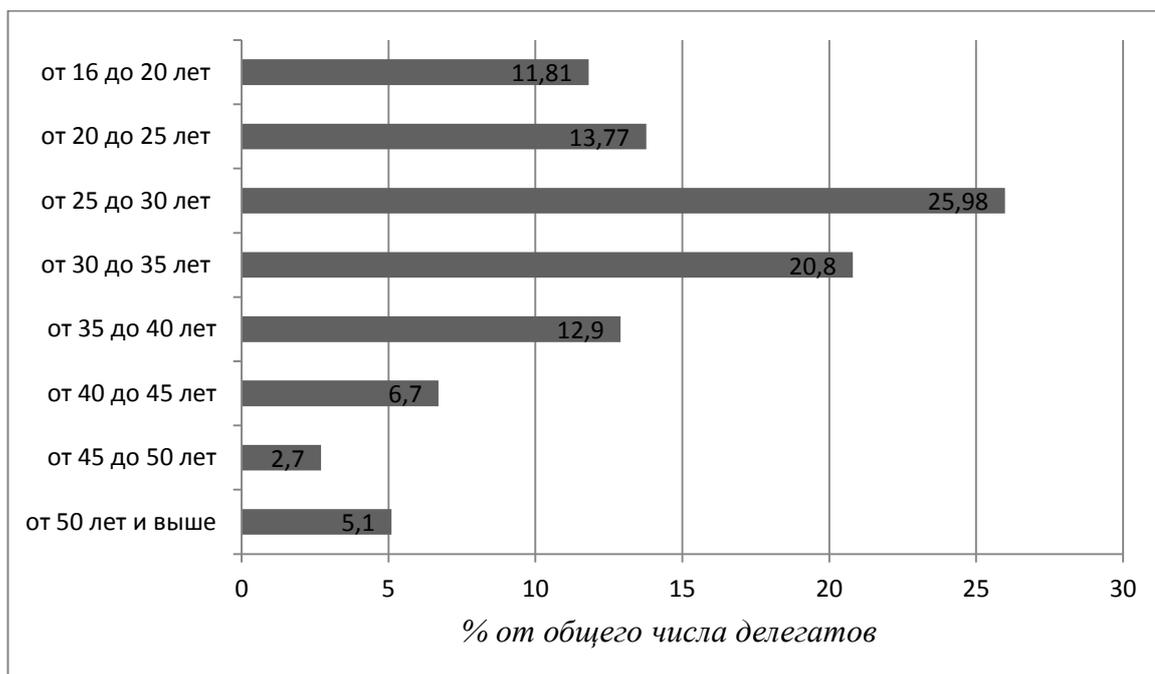
Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 48. Л. 193.

Динамика численности стахановцев КУТШО г. Кирова в декабре 1935 – феврале 1936 г. (в абсолютных показателях)



Источник: ГАКО. Ф. 1414. Оп. 9. Д. 56. Л. 2.

Участники I Кировского краевого совещания стахановцев
по возрастному составу (в % от общего числа):



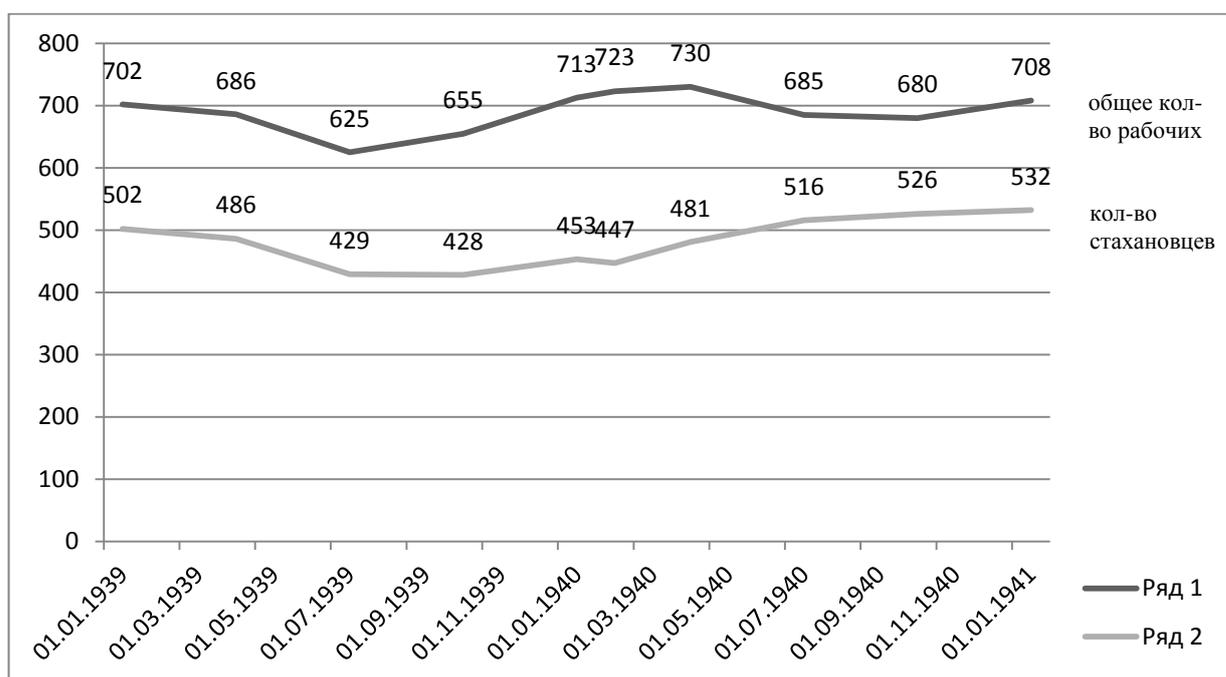
Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 598. Л. 114.

Выработка самых результативных стахановцев завода «Кировский металлист» до и после пересмотра норм (апрель-май 1936 г., в % к действующей норме)

стахановец	до пересмотра (апрель 1936 г.)	после пересмотра (май 1936 г.)
Макаров	148 %	120 %
Палкин	144 %	140 %
Помазкин	167 %	130 %
Опарин	168 %	150 %
Рубцов	179 %	125 %
Шаклеин	175 %	135 %
Скорых	160 %	120 %
Средняя выработка (на всех)	163 %	131,4 %

Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1293. Оп. 2. Д. 35. Л. 20.

Динамика численности стахановцев и всех рабочих на шубно-овчинном заводе
г. Кирова за 1939–1940 гг. (в абсолютных показателях):



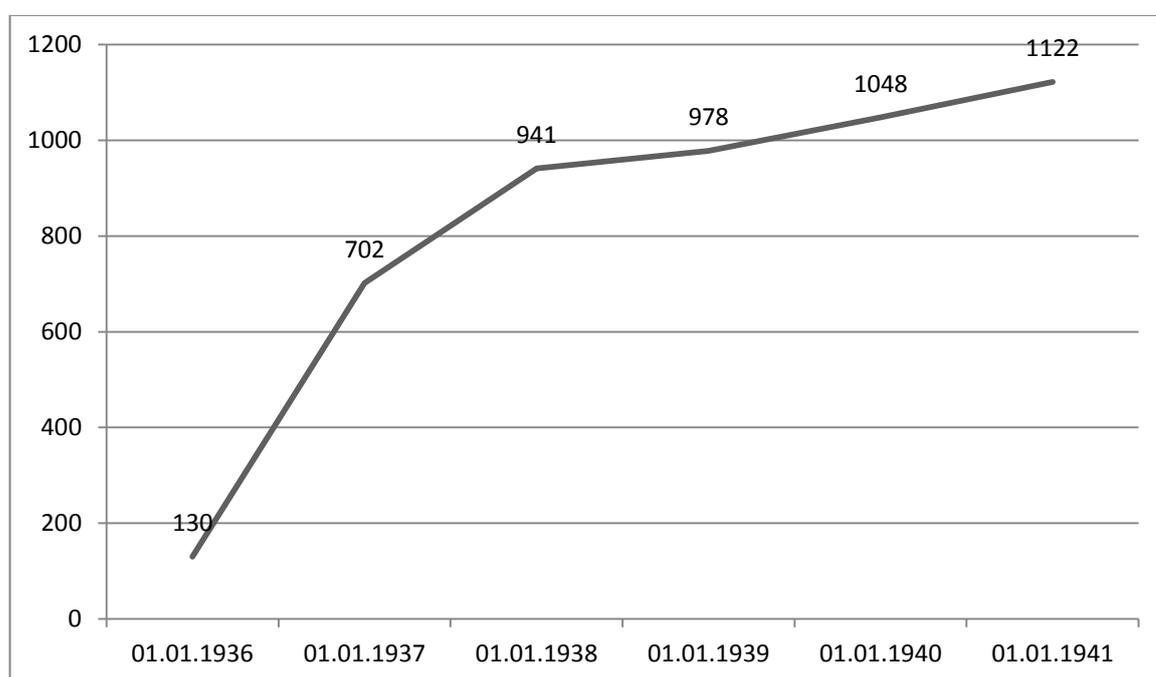
Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 236. Л. 7, 78.

Выработка рабочих КУТШО г. Кирова до и после обучения в стахановской школе
в 1940 г. (в % к установленной норме):

Работник	До обучения	После обучения
Лубнина	106,7 %	185 %
Краева	98,3 %	137,6 %
Москвина	119 %	203 %
Федяева	133 %	229 %
Ложкина	96 %	120 %
Комаровских	85 %	146 %
Соколова	99 %	140 %
Зубарев	86 %	140 %

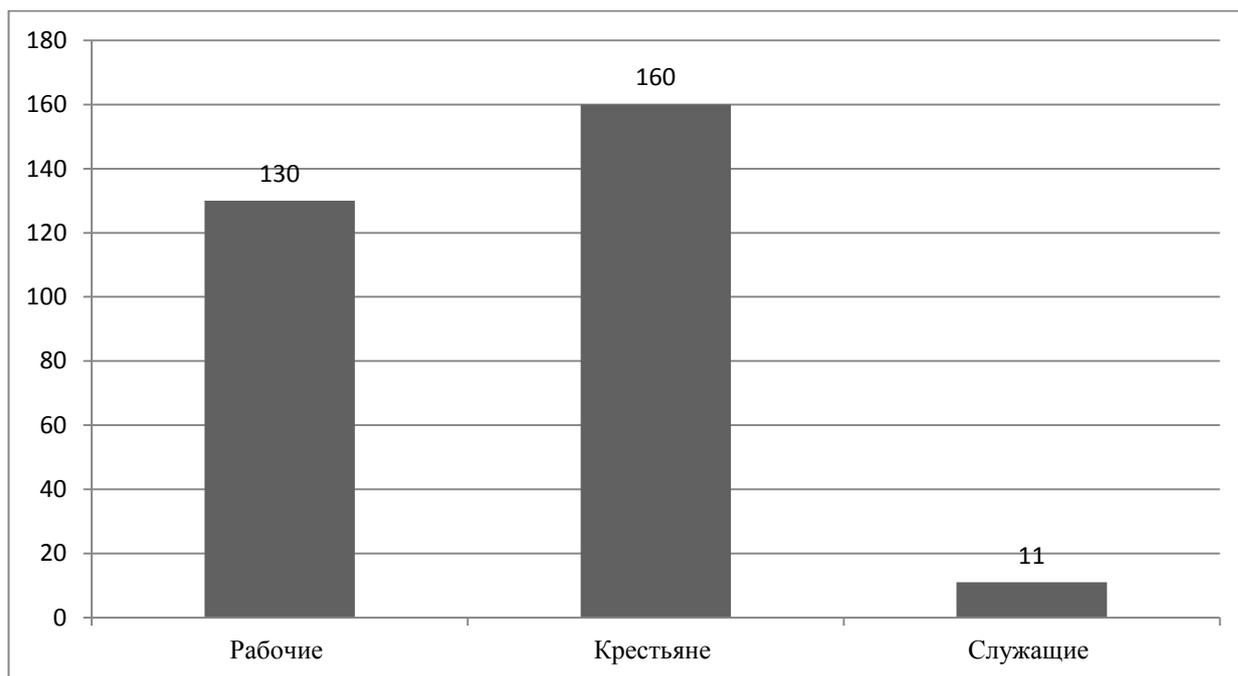
Источник: ГАКО. Ф. 1414. Оп. 2. Д. 86а. Л. 51.

Динамика численности стахановцев на предприятиях, подчиненных управлению легкой промышленности при Кировском облисполкоме в 1936–1941 гг.:



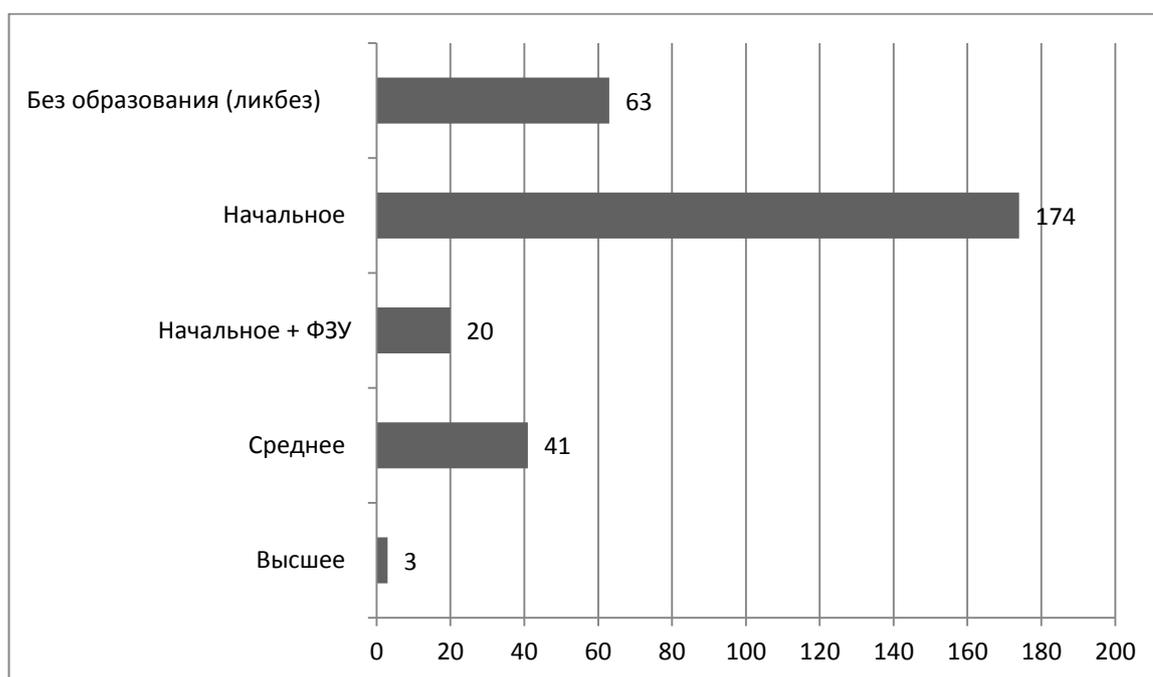
Источник: ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 121. Л. 13.

Участники I Кировского краевого совещания стахановцев
по социальному происхождению (в абсолютных показателях):



Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 600. Л. 1–301.

Участники I Кировского краевого совещания стахановцев
по уровню образования (в абсолютных показателях):



Источник: ГАСПИ КО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 600. Л. 1–301.